

А. В. Луценко

**Методика системного тектологического анализа
А. А. Богданова: «военный коммунизм» и реальность**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

Северский технологический институт –

филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего
образования «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
(СТИ НИЯУ МИФИ)

А.В. Луценко

**МЕТОДИКА СИСТЕМНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА А.А. БОГДАНОВА:
ТЕОРИЯ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» И РЕАЛЬНОСТЬ**

Монография

Северск 2019

УДК 930.2
ББК 63.2
Л 869

Луценко А.В.

Л 869 Методика системного тектологического анализа А.А. Богданова: теория «военного коммунизма» и реальность: монография/ А. В. Луценко – Северск: СТИ НИЯУ МИФИ, 2019. – 187 с.

ISBN 978-5-93915-140-5

В монографии рассматриваются основные закономерности оригинальной методики системного тектологического анализа, разработанной Александром Александровичем Богдановым (1873–1928) для исследования комплексных социально-экономических, политических и идеологических феноменов индустриального общества в первой четверти XX века. В первой главе изложены основные тектологические закономерности, проведено их сравнение с такими методиками системного анализа, как кибернетика и синергетика. Во второй главе осуществлен тектологический анализ доктрины социальных преобразований, разработанной социал-демократами и коммунистами на основе теории К. Маркса, в контексте процессов социально-экономической и политической эволюции индустриального общества на рубеже XIX и XX вв. В третьей главе выполнен сопоставительный анализ теории «военного коммунизма», созданной А.А. Богдановым в период Первой Мировой войны, и социально-экономических практик государств-участников войны (прежде всего, Великобритании и России). В четвертой главе осуществлен тектологический анализ основных закономерностей советской плановой экономики. Пятая глава содержит краткий исторический обзор «военно-коммунистических» практик зарубежных стран в XX в. На обширном историческом доказывається внеидеологический, инструментальный характер «военно-коммунистических» мер, закрепившихся в послевоенной экономической политике и определивших общее направление и характер развития мирового сообщества в XX–XXI вв.

Рег. № 18/19 от 30.08.2019 г.

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор НИТГУ
В.В. Шевцов

доктор исторических наук, профессор НИТГУ
В.П. Зиновьев

ISBN 978-5-93915-140-5

© Северский технологический институт, Луценко А.В., 2019

Содержание

Введение.....	4
1 Создание тектологии и ее основные закономерности.....	7
2 Тектологический анализ перспектив осуществления социалистического идеала.....	47
3 Богдановская концепция эволюции финансового капитализма.....	78
4 Советская плановая экономика до и после Второй Мировой войны	118
5 «Военный коммунизм» в теории и практике государств XX века	149
Источники и литература	180

Введение

Основоположник методологии системного тектологического анализа Александр Александрович Богданов (1873–1928) в период с 1894 по 1928 год скрупулезно исследовал причины глобальных экономических, социальных и политических потрясений капиталистического мира. Востребованность его работ была огромна: данные опроса, проведенного в 1903 г. в среде учащейся молодежи России, свидетельствовали о том, что Богданов – «наиболее читаемый автор-обществовед»¹. Интерес к его трудам не иссякал и в последующие годы, а круг читателей неизменно и постоянно рос. Мало того, ученый нашел признание и за рубежом: произведения Богданова – научно-популярные, теоретические и литературные – были переведены на английский, немецкий, итальянский, японский, финский, польский и другие языки, а некоторые из них неоднократно переиздавались². Даже соратники, обремененные предвзятостью к идеям Богданова, видели в нем человека, «который по энциклопедичности своих знаний занимал исключительное место <...> среди крупнейших умов всех стран. Это – поистине редчайшее качество среди работников революции <...>. Естественные науки, математика, общественные науки имели в нем настоящего знатока, и он мог выдерживать бои во всех этих областях как “свой человек” в любой из этих сфер человеческого знания <...>. Экономист, социолог, биолог, математик, философ, врач, революционер, наконец, автор прекрасной “Красной звезды” – это во всех отношениях совершенно исключительная фигура <...>. Исключительная сила его ума, бурлившая в нем, благородство духовного облика, преданность идее»³ делали наследие Богданова притягательным для людей нового – научного – подхода к действительности.

Однако существовала и иная оценка, отражавшая крайне критическую реакцию на необычный диапазон интеллектуальной деятельности ученого, который, по мнению оппонентов, «гениальным образом» умел заимствовать «чужие» идеи, включая их в состав своих теоретических построений. Одни недоумевали, другие возмущались по поводу того, что «...механицизм, энергетизм, эмергентизм и монизм, дарвинизм, геккелизм, бергсонизм, махизм, марксизм, большевизм, тейлоризм, футуризм Уэллса»⁴ – все оставило свой отпечаток на обширном книжном наследии Богданова, особенно в части, которая касалась вопросов практической философии. И все же по объективному счету у оппонентов не имелось убедительных причин обвинять Богданова в компиляции: движение вперед в

¹ Мир Божий. 1903. №11. С. 12. Цит. по: Любутий К.Н. Российские версии философии марксизма: Александр Богданов // Вопросы философии. М., 2003. №9. С. 77.

² Неизвестный Богданов. В 3 кн. Кн. 1. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. С. 60.

³ Бухарин Н.И. Памяти А.А. Богданова // Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2 кн. Кн. 1. М.: 1989. С. 346.

⁴ Adams M. Red Star. Another Look at Alexander Bogdanov // Slavic Review. 1989. 48(1). P. 15.

любой области человеческой деятельности не может не опираться на уже имеющиеся открытия. Богданов, обращаясь к идеям предшественников, не ставил перед собой задачи «попользоваться» результатами труда других мыслителей во славу самого себя: его цель была бескорыстнее и благороднее, а путь к этой цели – более тернист, чем у других. Ученый отстаивал свою позицию аргументированно и последовательно: «Новая наука должна родиться из *нынешней* науки. Весь ее материал, все ее методы должны быть исследованы с новой точки зрения <...>. Нынешняя наука полна элементов науки будущего, как нынешнее общество заключает в себе массу элементов будущего строя <...>. Наука есть коллективизм опыта. История поставила перед нашим поколением задачу: обобщить и обобществить организационный опыт человечества. Задача трудная, материал ее подавляюще громаден, самые прочные традиции прошлого ей враждебны. Что же! Значит, эта задача не для робких и слабых»⁵.

Для Богданова актуальность поставленной задачи определялась новым соотношением сил в капиталистическом обществе, которое в XIX столетии не просто разрослось вследствие «трудового развития человечества», но при этом еще и полярно дифференцировалось из-за несправедливого распределения материальных благ, что в итоге ускорило перерождение социальной структуры капиталистических государств в «формально-неорганизованную», «анархическую» систему, отдававшую большинство населения во власть «стихийных сил самой общественной жизни»⁶. Существование на производствах хаотического взаимодействия сотен и даже тысяч людей оказалось взрывоопасным явлением при условии, что капиталисты продолжали пользоваться всеми доступными средствами, чтобы, по выражению швейцарского экономиста Ж.Ш. Сисмонди, «отделить всякий вид собственности от всякого вида труда»⁷.

Однако европейские революции первой половины XIX столетия заставили собственников основательно задуматься над сохранением своего господства и пойти на смену социальных технологий: в интересах и по воле капиталистов была введена довольно четко обозначенная упорядоченность производственных структур, где организованность выступала как особый атрибут, гарантирующий оптимальные условия для сотрудничества по правилам, понятным всем сопричастным к делу. Казалось бы, наступили те самые времена, которые соответствовали гипотезе Маркса о том, что рабочий класс – еще немного! – и отстранит эксплуататоров от власти подобно тому, как сама буржуазия, носительница индивидуалистических принципов организации социальных сил, одержала победу над теми авто-

⁵ Богданов А.А. Тайна науки // Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 409–410.

⁶ Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 86.

⁷ Цит. по: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга 1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 772.

ритарными феодальными сословиями, для обслуживания потребностей которых сама первоначально возникла. Появилась уверенность в том, что «в историческом ходе борьбы авторитета с индивидуализмом произошел за XIX век глубокий переворот, когда на арену истории выступил третий культурный принцип — коллективизм»⁸, о торжестве «грандиозно-творческих сил» которого в несправедливом эксплуататорском обществе давно грезил многие мыслители. Последователи марксизма считали, что многочисленность пролетариата в сочетании с порожденной индустриальным производством рационально-технократической культурой сотрудничества создаст условия для перехода власти в руки рабочего класса в самой ближайшей исторической перспективе. Утверждение Маркса о пролетариате как «могильщике капитализма» стало восприниматься как прямое руководство к преобразованию всей социально-экономической и политической системы общества. Стратегия данных преобразований виделась марксистам начала прошлого столетия относительно простой: либо активное использование созданных капиталистическим строем социально-экономических механизмов в интересах пролетариата, либо еще более активные силовые действия по захвату политической власти.

Однако картина трансформации капитализма на рубеже XIX и XX вв. *не соответствовала* прогнозу Маркса о естественном зарождении социализма в недрах капиталистического общества и неизбежной «экспроприации экспроприаторов»: эксплуататорский строй, якобы уже отживший свой век, по-прежнему твердо стоял на ногах и не собирался сдавать позиции, измышляя всё новые и новые технологии управления буржуазным миром, в то время как последователи марксизма не могли найти надлежащее теоретическое освещение наблюдаемой эволюции капиталистической системы социально-экономического взаимодействия. Признанные лидеры международного революционного движения были заняты тем, что зорко следили, чтобы партийные теоретики рассматривали вопросы, стихийно возникавшие в повседневной практике, с позиций ведущей идеологии — «своей» для каждого политического объединения. Негативно-враждебное отношение к «ревизии» программной доктрины было особенно распространено в организациях российской оппозиции: ревнители «чистоты» взглядов сражались с любыми проявлениями среди единомышленников той идеологической непоследовательности, которая была чревата, по мнению блюстителей «ценностей первооснов», разнообразными «шатаниями», «уклонениями», «размежеваниями» и «разбродом». Малейшее сомнение в «священных постулатах» ассоциировалось у лидеров отечественного антимонархического движения с катастрофой, с неоправданным пересмотром фундаментальных принципов, сплотивших соратников на борьбу за торжество избранной идеи. Правилом стало то, что для каждой оппозиционной силы России программа, основанная на «своей» идее,

⁸ Богданов А.А. Великий упырь нашего времени // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 75.

представляла собой «святая святых». Русский «общественник» твердо верил в непогрешимость избранных догматов. «Вне партии для него ничего не существовало. Не партия служила интересам страны, а страна должна была служить интересам партии. Если программа расходилась со здравым смыслом и требованиями жизни, то виноват был здравый смысл и требования жизни»⁹.

Никто из этих самонадеянных доктринеров не сомневался в обоснованности своих позиций. Занятые «фракционными междоусобиями» и боями с инакомыслием, они оказались банкротами перед лицом кардинальных реформ в буржуазном мире на рубеже столетий, потому что в теоретических исследованиях признанных лидеров-идеологов пролетарского движения так и не появился исчерпывающий ответ на весьма важные вопросы: почему произошло слияние промышленного капитала именно с банковским, кредитным? каковы были действительные движущие силы этого процесса? почему возникший финансовый капитал установил в крайне малые исторические сроки свой контроль над механизмами общественного производства и распределения, подчинив себе практически всю экономическую сферу жизни общества? почему деятельность финансовых корпораций столь же быстро вышла за границы национальных государств и превратила интересы крупных собственников в весомый фактор международной политики? и т.д. Большинство исследователей лишь констатировало факт, что данные процессы и явления действительно произошли, но дать ответ на поставленные вопросы попросту не могло, потому что не считало их принципиально важными для теоретического осмысления изменившейся социальной реальности.

1 Создание тектологии и ее основные закономерности

К 1906 г. А.А. Богданов окончательно утвердился в мысли о необходимости разработки методологии системного анализа, с помощью которой можно было бы с максимальной достоверностью исследовать природу, причины и последствия глобальных экономических, социальных и политических потрясений капиталистического мира. К этой идее он шел целое десятилетие своей научно-творческой жизни, начавшейся с публикации «Краткого курса экономической науки» (1897), который только в царское время выдержал 9 изданий массовыми тиражами. Появившиеся затем в печати одна за другой книги А.А. Богданова – «Познание с исторической точки зрения» (1901), «Новый мир» (1904), «Эмпириомонизм» (1904 – 1906) и другие – оказались хорошим подспорьем для жаждущих понимать, почему капитализм, приведя деспотический феодальный строй к краху, сам утверждался еще более жесткими методами, применение которых

⁹ Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. Т. 4. М.: Голос, 1993. С. 123.

справедливо характеризовало народившийся общественный уклад как строй «дикий», «хищный» и «нецивилизованный», и почему процесс «загнивания» капитализма не может быть столь скоротечным, как прогнозировали после Маркса главные теоретики мировой социал-демократии. Всеми своими исследованиями Богданов перечеркивал их иллюзорные надежды на то, что как только «рядом с классами, живущими всецело в атмосфере конкуренции и общественно-трудовой анархии» наберет силу «представитель растущей солидарности» – рабочий класс, которому теорией К. Маркса предопределена роль «мирового хозяина», так именно этот класс тут же и «осуществит идеал»¹⁰.

Богданов, основательно проштудировавший историю идеологий человечества, пытался доказать, что изменение общественно-политического мировоззрения масс не происходит спонтанно, и не уставал предупреждать соратников по партии о том, что пролетариат, как и всякий другой недавно народившийся класс, не имеет своего цельного мировосприятия и потому «подчиняется идеологии старых классов», оценивает себя и окружающий мир с помощью стандартов, выработанных в обществе до него¹¹: «от *признания* миссии до *умения* ее выполнить... провал остается незаполненным»¹². Но «чем отчетливее становится собственная идеология класса, чем полнее и лучше он сознает свое место в жизни, свои цели, свои пути, свои различия и противоречия с другими классами, тем <...> значительнее его общественная сила: *самосознание* класса есть основа его организованности»¹³. Если к этому процессу подключить усилия активных просветителей-добровольцев, то, по мнению Богданова, вопрос необразованности, «некультурности» пролетариата окажется не самой трудоемкой проблемой социал-демократического движения. Куда сложнее обстоят дела с тотальным непониманием проблем общемировоззренческого плана, с неумением растолковать, почему классовый конфликт не может быть разрешен сам собой в пользу рабочего класса, хотя взрывоопасные противоречия структурно заложены во всю систему капиталистических производственных отношений и чреваты социально-экономическими потрясениями в буржуазном мире, еще крепко стоящем на ногах.

Это утверждение ученого – не из числа демагогических рассуждений, которыми изобиловала политическая жизнь начала XX в., а результат скрупулезного анализа событий по его новой – эмпириомонистической – методике. Если до Богданова мир изучался эмпирически с подбором фактов, *логически* подтверждавших или опровергавших истинность какой-либо теории, то А.А. Богданов *первым в мире* предложил при изучении глобальных общественных процессов обратиться к *эмпириомонизму* –

¹⁰ См.: Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 88; Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 322.

¹¹ Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 322.

¹² Там же.

¹³ Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 58.

единству опыта. Этот термин и его смысловое значение – «*понимание мира как непрерывного ряда организационных процессов*» – были впервые введены в науку именно Богдановым¹⁴. Ученый предложил «бесконечное богатство и разнообразие <...> событий, образов, идей – свести к единству»¹⁵. А на практике это означало: надо рассматривать все это разнообразие с одной точки зрения – организационной, разложив целое на составные элементы и определив связи между ними, после чего эти элементы предполагалось объединить в одну непрерывную цепь, упорядоченно сгруппировав их по одному принципу. Поскольку элементы образовавшегося ряда не могут не находиться в постоянном взаимодействии, стремясь к перегруппировкам и перерождению, то в результате все непрочное распадется и погибнет, а все прочное сохранится и разовьется¹⁶. Такой подход к делу позволял: а) выявить наметившиеся слабые ростки нового; б) оценить степень живучести шаблонных представлений; в) определить динамику развития и тех, и других. Сам Богданов объективную действенность эмпириомонизма демонстрировал неоднократно, доказывая, что такой анализ процессов, идей и событий по силам любому человеку. Но ученый на этом не остановился: он задумал и осуществил дальнейшую формализацию эмпириомонизма до почти математических закономерностей. Как говорил сам ученый, «если всё есть организация разных элементов, то надо исследовать способы и законы этой организации; надо их обобщать и научно выразить»; словом, нужна *Всеобщая Организационная наука*, «которой до сих пор не было»¹⁷. Речь шла о тектологии – системе закономерностей, описывающих организационные процессы.

Богданов, начиная с 1904 г., упорно и настойчиво работал над обнаружением таких закономерностей, которые позволяли нетрадиционно подходить к оценке практических противоречий и задач двух главных противоборствующих классов капиталистического общества. Если исходным моментом анализа Маркса был конфликт между косным правом собственности на средства производства и динамично развивающимися производственными технологиями, успехи которых, по мысли автора «Капитала», непременно сметут власть капиталистов, то Богданова интересовал конфликт между двумя типами организации в рамках одних и тех же производственных отношений, одна из которых нацелена на извлечение максимальной прибыли даже ценой дестабилизации общества, тогда как другая ориентирована на социальный прогресс, способствующий общественному развитию и благополучию сограждан. За эту научную дерзость А.А. Богданов получил титул «ревизиониста», хотя тот анализ, который предложил ученый в своих книгах, не противоречил выводам Маркса. Зато главным достоинством богдановской системы закономерностей явилась

¹⁴ Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 30, 32.

¹⁵ Там же. С. 30.

¹⁶ Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 30–31.

¹⁷ Там же. С. 39.

возможность с ее помощью увидеть актуальные проблемы под неожиданным, нетрадиционным углом зрения и благодаря этому найти их нетривиальное решение.

Причина появления тектологии на свет донельзя проста: на каком-то этапе агитационно-просветительской работы ученый обнаружил, что, хотя познание и начинается с изучения базовых элементов исследуемого явления, однако сам процесс подчинен строго определенным правилам. Это как с азбукой, которая лишь безграмотному человеку напоминает ряд ничего не значащих палочек, кружочков и закорючек. Но для овладевшего навыками чтения слова, образованные из элементов алфавитного ряда, или, по терминологии Богданова, упорядоченно организованные, наполняются четко обозначенным смыслом – *своим для каждого набора букв из азбуки национального языка*, – и написанное становится понятным. Еще в 1904 г. ученого не оставляла мысль, что элементы познания «не являются нам в отдельности, а всегда *в сочетаниях*, разными способами в разной мере организованных»¹⁸. Как любил повторять сам Богданов, «наивные противоречия мысли» возникают в обстоятельствах, когда анализ события или явления происходит вне связи с другими, ему предшествовавшими и сопровождавшими. Такой подход более всего похож на попытку вникнуть в содержание фразы, вырванной из контекста: смысл в этом случае будет гарантированно искажен.

Чтобы факты многогранной человеческой деятельности служили побудительными ориентирами для поиска ассоциативных соответствий прошлого и настоящего, чтобы каждый человек овладел умением направлять мыслительный процесс в русло научной методологии и сочетать четкость анализа с открытостью новым идеям, сам Богданов отдал добрую половину своей творческой жизни изучению общих принципов формирования сложных общественных систем, хода их развития, а также управления механизмами преобразовательных процессов. Ученый искал приемы сопоставления взаимозависимых общественных элементов, ориентируясь на способы, какими специалисты точных наук осуществляют аналитическое сравнение величин, а также стремясь обнаружить закономерности, которые могли бы выполнить роль универсальных методов, облегчающих процесс познания и анализа мирового опыта. С этой точки зрения становилось очевидно, что мировоззрение личности или группы формируется не вследствие словесных перепалок: полемическое противоборство в таком виде, в каком оно утвердилось на Западе и в России, ни на шаг не продвигало общество в познании собственной природы, сковав все силы и заняв время мыслящих людей бесплодной схоластической полемикой, в то время как для прогрессивного развития требовалось интегральное объединение всех знаний об обществе и окружающем мире. Богданов, как и его герой из романа «Инженер Мэнни», «искал упрощения и объединения научных мето-

¹⁸ Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 30–31.

дов, а для этого изучал и сопоставлял самые различные приемы, применяемые человечеством в его познании и труде; оказалось, что те и другие находятся в самом тесном родстве, что методы теоретические возникали всецело из практических, и что все их можно свести к немногим простым схемам <...>, установить небольшое число общих методов <...>. Так возникла всеобщая наука, быстро охватившая весь организационный опыт человечества. Прежняя философия была не чем иным, как смутным предчувствием этой науки; а законы природы, общественной жизни и мышления, найденные разными специальными науками, оказались частичными выражениями ее принципов в отдельных областях»¹⁹. Богданову мечталось, что решение самых сложных общественных проблем станет «делом не индивидуального таланта или гения, а научного анализа, вроде математического вычисления в задачах практической механики <...>, как <...> естествознание стало орудием научной техники, так организационная наука явилась орудием научного построения социальной жизни»²⁰. В ходе изысканий Богданов сформулировал 12 основных тектологических закономерностей, послуживших основой прогнозирования социально-экономических трансформаций в мире. Благодаря этой принципиально новой методологии сам ученый с высокой точностью обрисовал состояние общества, как минимум, на столетие вперед.

Термин «тектология» (от греч. тектов – плотник, строитель, создатель и λόγος – слово, учение) был введен в научный лексикон в 1866 г. немецким ученым-биологом Эрнстом Геккелем (1834–1919) для описания строения и механизмов развития одноклеточных организмов. А.А. Богданов использовал этот уже известный науке термин более широко, исходя из того, что динамика преобразований не только биологических, но и любых созданных природой и человеком систем (в последнем случае – и материальных, и духовных), подчиняется одному и тому же набору организационных закономерностей, число которых относительно невелико. В пользу этого вывода Богданова говорило, в частности, массовое внедрение в первые десятилетия XX в. разнообразных технических устройств, так или иначе «подсмотренных» у живой природы – начиная от планерных крыльев, поначалу полностью копирующих птичьи, и заканчивая гидрофонными датчиками, функционально воспроизводящими органы слуха морских млекопитающих. А если учесть, что возникшая в тот же период наука этология позволяла обнаружить немало тождественных закономерностей в массовом поведении животных и людей, причем мыслители наподобие Гюстава Лебона (1841–1931) всерьез рассматривали возможность применения этих закономерностей в управлении обществом, то в свете подобных фактов появление тектологии А.А. Богданова представляется вполне обоснованным.

¹⁹ Богданов А.А. Инженер Мэнни // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 282 – 283.

²⁰ Там же. С. 283.

Однако идеологов РСДРП в исследовательском труде под странным для них названием «Тектология. Всеобщая организационная наука» раздражало буквально все, начиная от непривычных естественнонаучных выкладок и заканчивая малопонятным теоретическим утверждением автора о том, что ключевым элементом нового способа мышления является положение об *организованных комплексах*, в роли которых могли выступать любые предметы и любые явления материального мира, имеющие упорядоченную структуру и определенным образом взаимодействующие с окружающей средой. Само понятие комплекса А.А. Богданов, возможно, и правда несколько неудачно позаимствовал у Э. Маха, в сочинениях которого речь шла только о комплексах ощущений, а не о комплексах материальных взаимосвязанных элементов, как у Богданова. Однако повод придраться нашелся, и уже никто не стал вникать в существеннейшее терминологическое различие, чем приверженцы «абсолютного марксизма» еще раз подтвердили свою неспособность субстантивно оценивать научную информацию.

Несмотря на атаку с ним несогласных, Богданов сохранил понятие организованного комплекса, потому что в тектологии оно трактуется очень широко: это любая упорядоченная система, элементы которой постоянно взаимодействуют друг с другом, поддерживая систему в состоянии динамического равновесия со средой и обеспечивая внутри системы устойчивый порядок. Достигается это суммированием *активностей*²¹ этих элементов комплекса и всех *сопротивлений*²² внешней среды, и если это приводит к высвобождению дополнительной активности, так что целое оказывается практически больше суммы своих составных частей, то налицо процесс организации, позволяющий системе сохраняться и развиваться. Если же целое в итоге оказывается меньше суммы своих составных частей, то происходит дезорганизация, ведущая к распаду системы. Богданов приводит в пример действия двух людей по расчистке поля от валунов. Каждый из работающих может поднять камень весом не более трех пудов. При согласованных, или организованных, действиях они совместными усилиями смогут перемещать камни весом в 7 и даже 8 пудов, т.е. больше, чем при арифметическом сложении их усилий. Если же – напротив – их действия не будут согласованы, то они вряд ли справятся вдвоем даже с трехпудовым камнем, поскольку каждый будет преодолевать не только сопротивление веса камня, но и сопротивление своего «сотрудника»²³. Пример Богданов умышленно упростил, чтобы обеспечить его доступность для восприятия читателей, не обладающих даже минимальной научной подготовкой.

²¹ Активность – проявление энергии организованного комплекса (системы), а равно составляющих ее элементов; будучи всегда направлена вовне, является сопротивлением по отношению к среде.

²² Сопротивление – проявление энергии внешней среды, противостоящей активностям системы, комплекса или какого-либо из образующих их элементов; будучи всегда направлена извне, является активностью среды.

²³ Богданов А.А. Тектология. М.: Финансы, 2003. С. 64–66.

Кроме организации и дезорганизации, есть случаи, при которых целое равно сумме своих составных частей, и тогда формируется комплекс не организованный и не дезорганизованный, а *нейтральный*, т.е. либо пребывающий в устойчивом равновесии со внешней средой, либо вовсе с нею не взаимодействующий, как это бывает, например, с математическими величинами. Богданов отмечает, что «математика есть просто *тектология нейтральных комплексов*, определенная, раньше других развившаяся часть всеобщей организационной науки. Она обходилась до сих пор без понятий организации – дезорганизации потому, что ее исходным пунктом являются сочетания, в которых то и другое взаимно уничтожается, или, вернее, парализуется»²⁴.

Однако внешняя среда не является чем-то однородным и равномерно противостоящим организованному комплексу: она сама является организованным комплексом со специфическим сочетанием активностей-сопротивлений; противостоящая внешней среде система может сама быть частью этого комплекса – во всяком случае, до тех пор, пока сохраняется равновесие системы со средой. И каким бы ни было взаимодействие этих комплексов – организационным, дезорганизационным или нейтральным, – в любом случае «“первичный момент”, <...> или *основа формирующего тектологического механизма*, есть соединение комплексов»²⁵. Для обозначения этого явления Богданов воспользовался «термином, взятым из биологии, более глубоким по смыслу и международным по применению, – *конъюгация*. Конъюгация – соединение, слияние организованных комплексов, имеющих общие элементы, в единую систему; основной тектологический процесс»²⁶.

Конъюгация комплексов может быть полной или частичной. В первом случае активности – сопротивления либо взаимно усиливаются, либо взаимно нейтрализуются в зависимости от характера их соединения. Для наглядности возьмем пример объединения Польши и Литвы в одно государство – Речь Посполитую: налицо полная конъюгация, при которой происходит образование единого центра власти, унификация законодательных норм, создание единой армии и т.п. Новое государственное образование в экономическом и военно-политическом аспектах оказалось значительно сильнее, чем были Польша и Литва – каждая в отдельности – до слияния. Зато противостояние на этнической и религиозной почве было нейтрализовано.

Примером частичного совпадения интересов в конкретный период времени могут быть военно-политические союзы государств – наподобие тех, какие возникали перед Первой или Второй Мировыми войнами. Эти союзы не ликвидировали противоречий, объективно существовавших между их участниками. В таких случаях разговор следует вести лишь о час-

²⁴ Богданов А.А. Тектология. С. 72.

²⁵ Там же. С. 88.

²⁶ Там же.

тичной конъюгации, при которой происходит неполное соединение активностей-сопротивлений, лишь отчасти усиливающих и частично нейтрализующихся. Богданов отмечал подобный случай как «наиболее обычный», но в то же время предостерегал: «Надо помнить, что “комплекс” – величина условная, и от исследователя всецело зависит подразделить ее на части, рассматривая их как особые комплексы. Их можно мысленно выделить и таким образом, что для некоторых из них получится уже не частичная, а полная нейтрализация их активностей»²⁷. В связи с этим приведенные выше примеры возникновения военно-политических союзов можно рассматривать как итог совпадения интересов правящих классов в странах, вступавших в союз, или как продукт личной воли правителей этих государств. Причем и в том, и в другом случае приведенное событие преподносится пропагандой как проявление настойчивых требований народов дружественных держав, хотя это волеизъявление фактически не имело места. В соответствии с этим складываются две разные картины сочетания активностей конъюгирующих сообществ: одна картина отражает полное совпадение активностей, другая – практически полное его отсутствие.

Аналогичная ситуация возможна и в отношении сложения активностей. Но в любом случае «при таком смешении сумма окажется, в самом его акте, равна арифметической лишь постольку, поскольку одинаковые специфические активности обоих комплексов совпадут по направлению своих элементов; поскольку же этого нет, то они – частично или вполне – превращаются в сопротивления одна для другой; и результат уменьшается. Это <...> не мешает тому, что *практическая сумма* действия может оказаться, напротив, и больше, чем результат арифметического сложения прежних действий, – это бывает тогда, когда сопротивления складываются с еще большей потерей, чем данные активности, или вовсе не складываются»²⁸. Например, опираясь на тектологический анализ, можно понять динамику отношений партии большевиков и партии левых эсеров, которые были различны по своим убеждениям, но имели одну цель – свержение царизма в России. На языке тектологии они являлись на первом этапе революции одинаковыми специфическими активностями с совпадающим направлением. Но в дальнейшем пути партий не просто разошлись, а возникла борьба, в результате которой однонаправленность исчезла и партия большевиков превратилась в сопротивление для партии левых эсеров, пока не развился «лево»-эсеровский мятеж 6–7 июля 1918 г. В итоге эсеры понесли огромные потери, а влияние победившей партии большевиков стало всеобъемлющим. Именно по таким принципам развивается сложение активностей в тектологии.

Наиболее распространенной формой такой частичной конъюгации является соединение организованных комплексов, имеющих ряд общих

²⁷ Богданов А.А. Тектология. С. 90.

²⁸ Там же. С. 91.

элементов, входящих и в один, и в другой комплекс. Возникающую при этом связь Богданов назвал «цепной связью», уподобив соединяющие, связывающие элементы звеньям цепи. Такая «цепная связь» существует, например, между добывающей и обрабатывающей отраслями промышленности. Но на практике нередко прочные соединения комплексов, вовсе не имеющих общих элементов. «В таких случаях применяется метод *ингрессии* (курсив мой – А.Л.), т.е. метод “вводных” или “посредствующих” комплексов»²⁹, которые берут на себя роль отсутствующей «связки» из общих элементов. Примерами могут служить католическая церковь в средневековой Европе, мировой рынок в капиталистическом обществе, а в быту – посредник в торговле между производителем и потребителем.

Богданов определяет ингрессию как основной тип организационной связи. «Соответственно ему основную форму дезорганизации удобно обозначить как “*дезингрессию*”, т.е. как отрицательную ингрессию; она и получается тем же способом: например, при интерференции волн имеется или частичная “конъюгация”, или даже полная, но с разрушительным результатом»³⁰. Дезингрессивный комплекс, как правило, является элементом среды, внедряющимся в систему по линиям уничтоженных сопротивлений, т.е. нейтрализованных активностей системы на ее тектологической границе со средой. Следующий за этим разрыв связей между элементами системы приводит к образованию новых комплексов – уже отдельных, не входящих в систему, которая перестает существовать, либо трансформируясь в соответствии с потерей части элементов, либо полностью распадаясь на составные части, причем каждый из вновь образованных комплексов создает вокруг себя собственную *тектологическую границу*.

«Разрыв тектологической границы между двумя комплексами есть вообще начало их конъюгации, момент, с которого они перестают быть тем, чем они были, – тектологическими отдельностями и образуют какую-то новую систему, с дальнейшим преобразованиями, возникновением связей, дезингрессий частичных или полных, словом, это организационный *кризис* данных комплексов. Образование тектологической границы, создавая из данной системы новые отдельности, также делает ее в организационном смысле не тем, чем она была; это также ее *кризис*, только другого типа. Все кризисы, наблюдаемые в жизни и природе, все “перевороты”, “революции”, “катастрофы” и проч. принадлежат к этим двум типам. Например, революции в обществе обычно представляют разрыв социальной границы между разными классами»³¹. Кризисы первого типа Богданов определил как первичные и назвал их конъюгационными (для краткости – *кризисы С*); кризисы второго типа получили название «дезъюнктивных», т.е. разделительных (*кризисы D*). Первичность кризисов С Богданов объяснял тем, что «всякое разделение обуславливается предшествующими

²⁹ Богданов А.А. Тектология. С. 98.

³⁰ Там же. С. 103.

³¹ Богданов А.А. Тектология. С. 113.

конъюгациями. Так, распадение клетки-матери на дочерние клетки есть результат ее роста, ее питания, т.е. конъюгационного включения в нее элементов из внешней среды»³².

И кризисы С, и кризисы D являются показателями развития комплексов. Но само это развитие не исчерпывается только кризисами, так или иначе разрешающими противоречия между системой и средой и между составными частями системы. Эволюция организационных форм, т.е. структур организованных комплексов, осуществляется с помощью процесса отбора или, в богдановской терминологии, подбора наиболее устойчивых форм. *Подбор* может приводить либо к сохранению данной формы вне зависимости от изменений в окружающей среде (консервативный подбор), либо к изменению организационной формы под воздействием среды (прогрессивный подбор). Консервативный подбор заключается в сохранении организационных форм, способствующих сохранению динамического равновесия между системой и средой, при котором их взаимная дезингрессия является бесконечно малой величиной и не разрушает тектологической границы между ними. При любом смещении динамического равновесия между системой и средой в свои права вступает прогрессивный подбор, который может быть положительным, если сумма активностей системы возрастает, а ее структура усложняется, или отрицательным, если имеет место обратное.

Соответственно характеру подбора формируется устойчивость организационных комплексов. Она может быть количественной или структурной. В первом случае «комплекс, охватывающий более значительную сумму элементов, характеризуется как *более устойчивый* по отношению к среде, но, очевидно, только... как обладающий большей суммой активностей-сопротивлений, противостоящих этой среде»³³. Во втором случае комплекс оказывается устойчивым к тому или иному *специфическому* воздействию среды, тогда как все другие виды воздействия могут его дезорганизовать. И в этом плане важна не столько сила воздействия среды, сколько точка ее приложения. Согласно выведенному Богдановым закону относительных сопротивлений, «устойчивость целого зависит от наименьших относительных сопротивлений всех его частей во всякий момент»³⁴, а дезорганизация системы начинается с распада наименее прочных ее элементов. Богданов это положение комментирует так: здоровье организма зависит от наиболее ослабленной из его необходимых функций; устойчивость фронта следует определять состоянием наиболее уязвимого участка; эскадра может продвигаться только на такой скорости, на какую способны самые тихходные ее суда; позиция партии, составленной из разнородных элементов, определяется ее отсталым крылом, – иначе блок распадется³⁵. Получается, что

³² Богданов А.А. Тектология. С. 113.

³³ Там же. С. 138.

³⁴ Богданов А.А. Тектология. С. 146.

³⁵ Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 117.

стабилизация тектологической границы между системой и средой происходит на уровне равновесия между активностью среды и сопротивлением наиболее слабого из звеньев системы. И чем сложнее система, тем больше в ней таких потенциально слабых звеньев. «Если любая часть системы может подвергнуться воздействиям не учитываемой заранее силы, то ясно, что всякая неравномерность концентрации сопротивлений в пользу одних частей, а следовательно, в ущерб другим совершенно бесцельна. В то же время она до крайности опасна, ибо создает вероятность разрушительного результата даже со стороны сравнительно слабых воздействий, раз они придутся против наиболее непрочных частей системы. Максимум относительной устойчивости здесь достигается *равномерным распределением активностей-сопротивлений* между всеми угрожаемыми звеньями целого»³⁶.

Такое равномерное распределение наиболее эффективно осуществляется в *слитных* структурах, все элементы которых соединены однородными по устойчивости ингрессивными комплексами-«связками», а тектологическая граница со средой имеет минимально необходимую протяженность. Элита в обществе – достаточно яркий пример подобной слитной структуры, для которой связи с «низшими» социальными группами сокращены до минимума, а внутри элитной группы существуют свои устойчивые связи, регламентированные соответствующими нормами права и морали, освященными традициями. Такими же структурами являются национальные диаспоры и т.п.

Если же структура имеет более протяженную тектологическую границу при том же количестве элементов, то ингрессивные комплексы в этом случае оказываются менее прочными, и такая структура может оказаться менее устойчивой. Богданов называет такую структуру «четочной» и отмечает, что отрицательный подбор интенсивнее проявляется именно для форм «четочных», тектологическая граница которых в силу своей протяженности обеспечивает менее равномерную концентрацию активностей-сопротивлений при взаимодействии со средой³⁷. Любое разделение труда в рамках какого-либо производства представляет собой такую «четочную» структуру, в которой отрицательный подбор может проявляться, например, в текучести кадров. «Для комплексов более слитных отрицательный подбор менее интенсивен. А положительный? Но очевидно, что и он тоже <...> Чем больше количество соприкосновений со средой, тем ассимиляция из нее соотносительно больше. Отсюда общее решение вопроса о том, какая структура благоприятнее для сохранения и развития комплексов: под отрицательным подбором благоприятнее “слитная”, под положительным – “четочная”»³⁸. Но в любом случае организованная система стремится к установлению равновесия с окружающей средой, что описывается законом Ле-Шателье, который Богданов называет «выражением структурной ус-

³⁶ Богданов А.А. Тектология. С. 155.

³⁷ Там же. С. 169.

³⁸ Богданов А.А. Тектология. С. 167.

тойчивости»³⁹. Согласно этому закону, «если система равновесия подвергается воздействию, нарушающему какое-либо из условий равновесия, то в ней возникают процессы, направленные так, чтобы противостоять этому изменению»⁴⁰. Закон Ле-Шателье был первоначально сформулирован для физических и химических систем, но, по мнению Богданова, биологические и социальные системы также подчиняются этой закономерности, так или иначе стремясь восстановить утраченное равновесие: в зависимости от интенсивности внешнего воздействия они либо активно противостоят окружающей среде, либо стремятся максимально сократить взаимодействие с нею.

Взаимодействие комплекса со средой соответственно трансформирует его: любые части распавшейся системы, какими бы однородными они ни были, испытывают неодинаковое воздействие среды и, «поскольку отдельность имеется или развивается, постольку появляется или прогрессирует действие закона расхождения»⁴¹. Основной предпосылкой этого закона, по Богданову, является то, что в природе не существует абсолютно идентичных комплексов, испытывающих совершенно тождественное воздействие внешней среды и реагирующих на это воздействие полностью одинаково. Следствием этого является прогрессирующее расхождение первоначально однородных организационных форм в ходе их эволюции под воздействием внешней среды. Благодаря последнему обстоятельству тенденция расхождения форм может маскироваться тем, что разнородные комплексы приобретают сходное строение: например, «предки дельфина, жившие на суше, отличались по форме тела от тогдашних рыб больше, чем дельфины от нынешних рыб и т.п. Но <...> между тем же дельфином и, положим, акулой расхождение не прекращалось и не прекращается в других отношениях, не связанных с механическими свойствами водной среды. Следовательно, здесь не нарушение общего закона, а лишь присоединение к его тенденции еще других, противодействующих ее видимому проявлению»⁴².

Однако, поскольку отдельность организованных комплексов всегда относительна – между ними обычно сохраняются ингрессивные или конъюгационные связи, способствующие обмену энергией, – то и расхождение никогда не бывает непрерывным и окончательным: возрастание различий ведет ко все более устойчивым структурным соотношениям в рамках системы, так что между расходящимися комплексами формируются дополнительные связи. Примерами таких «дополнительных соотношений» могут быть взаимодействие клеток и органов в живом организме, растительные и животные сообщества в природе, профессиональная специализация в общественном производстве и т.п.; эти примеры позволяют наглядно увидеть

³⁹ Богданов А.А. Тектология. С. 170.

⁴⁰ Там же. С.171.

⁴¹ Богданов А.А. Тектология. С. 187.

⁴² Там же.

сущность дополнительного соотношения. «Она сводится к *обменной связи*: в ней устойчивость целого, системы, повышается тем, что одна часть усваивает то, что дезассимилируется другой, и обратно»⁴³.

И тем не менее *системное расхождение*⁴⁴ является двусторонним процессом: помимо дополнительных связей, между расходящимися комплексами формируются противоречия, основой которых Богданов видит «увеличение тектологической разности»⁴⁵, что может объективно способствовать дезорганизации системы и прогрессирующему расхождению комплексов – или настолько ослаблять действие дополнительных связей между ними, что взаимозависимые комплексы могут сохранять полную иллюзию отдельности, как это, например, происходит в буржуазном обществе, где «самое сотрудничество отдельных хозяйств имеет форму *борьбы* между покупателями и продавцами за цену, между продавцами за сбыт, между покупателями за возможность купить товар. Борьба же означает активности, направленные противоположно и в той или иной мере друг друга уничтожающие, т.е. наличность дезингрессий; хотя она *результатом* своим может иметь и прогресс, но *сама по себе* она – явление дезорганизационное <...> На основе рыночной борьбы из того же разделения функций возникает и борьба классов с ее огромными, растущими дезингрессиями, и борьба социальных групп, единиц менее крупных, соответствующих специализации внутри классов... Так дезингрессии растут и накапливаются, уменьшая живую силу развития»⁴⁶.

Таким образом, противоречие, определяемое в марксистской диалектике как *источник развития* и движения, оказывается в тектологии показателем движения – т.е. расхождения организованных комплексов, что служит *источником дезорганизации системы*. Итогом такой дезорганизации может быть не только преобразование системы, но и простой распад, отмечает Богданов⁴⁷. Естественно, что приверженцы «догматического марксизма» не могли простить ему этого вывода, а подтверждающую этот вывод практику просто игнорировали, как несоответствующую писаниям классиков.

Источником подлинного развития, т.е. прогрессивного изменения системы и всех ее элементов, по мнению Богданова (кстати, подтвержденному практикой), является преодоление противоречий и порождающего их расхождения организационных комплексов. Процесс преодоления системного расхождения получил название *контрдифференциации*⁴⁸, в основу ко-

⁴³ Богданов А.А. Тектология. С. 196.

⁴⁴ Системное расхождение (дифференциация) – тектологический процесс, характеризующийся увеличением разности между активностями элементов комплекса (системы) и, соответственно, нарастанием дезингрессий, что ведет к дезорганизации комплекса либо к радикальному изменению его структуры.

⁴⁵ Богданов А.А. Тектология. С. 201.

⁴⁶ Там же. С. 202.

⁴⁷ См.: Богданов А.А. Тектология. С. 203.

⁴⁸ Контрдифференциация – тектологический процесс, характеризующийся преодолением сис-

торой был положен рассмотренный выше процесс конъюгации, уменьшающей или вовсе нейтрализующей расхождение частей системы и возникающие вследствие этого расхождения противоречия. «Первичным моментом всякой конъюгации является образование новой “связки”, которое само сводится к слиянию некоторой суммы элементов объединяющихся комплексов. Это слияние основано на полном соответствии связочных элементов той или другой стороны. Однако <...> во многих случаях само соответствие, сама возможность совпадения является в большей или меньшей степени результатом некоторого взаимодействия между объединяемыми комплексами»⁴⁹. В ходе этого взаимодействия неизбежно проявляется закон прогрессивного подбора – отрицательного по отношению к тем элементам комплекса, которые препятствуют конъюгации, и положительного по отношению к тем, которые конъюгации способствуют. Рассматривая взаимодействующие комплексы в более широком аспекте, Богданов отмечает, что ингрессия представляет собой усложненный случай конъюгации, поскольку ингрессивный комплекс образует связки с теми комплексами, между которыми входит. Богданов определяет крушение феодального общества как сословно-правовую контрдифференциацию, ставшую началом новой классовой дифференциации общества. Новый буржуазный класс возник внутри феодального общества и свободно развивался в нем до тех пор, пока неравенство сословий не препятствовало формированию социально-экономических связей, обеспечивающих благосостояние буржуазии. Достигнув такого положения, при котором возникло противоречие между феодальной сословной организацией и потребностью буржуазии в расширении связей с другими элементами общества, новый класс приступил к революционной ломке старой системы. При этом те социальные группы, которые сопротивлялись общественному переустройству, зачастую подвергались прямому физическому уничтожению⁵⁰ (такими были, например, действия якобинской диктатуры против дворян).

Итак, первой стадией контрдифференциации является конъюгация расходящихся комплексов. За этим, по Богданову, следует количественное и качественное выравнивание в структурах комплексов: увеличение наименьших относительных сопротивлений за счет сокращения наибольших. Именно благодаря такому выравниванию оба комплекса приобретают новые свойства, что положительно сказывается на их структурной устойчивости. Но обычно выравнивание имеет вид кризиса и сопровождается общим сокращением активностей-сопротивлений конъюгирующих комплексов и сохранением их наиболее устойчивых элементов и связей, так что

темного расхождения между элементами комплекса (системы) и нейтрализацией дезингрессий посредством образования дополнительных связей; благодаря этому комплекс (система) сохраняется как отдельный от среды, хотя его структура при контрдифференциации подвергается существенным качественным изменениям.

⁴⁹ Богданов А.А. Тектология. С. 205.

⁵⁰ См.: Богданов А.А. Тектология. С. 233 – 234.

положительные результаты контрдифференциации сказываются намного позже, если только прямым следствием кризиса не явится распад системы под воздействием внешней среды. Примером такого кризиса Богданов указывает войну, которая «по существу своему есть взаимная дезорганизация социальных комплексов, активности которых соединяются здесь, в общем, по типу дезинтеграции. Однако война сопровождается непрерывным “обменом” организационного опыта, технических приемов, более того, заимствованием идеологических приобретений, происходящим между врагами немногим меньше, чем между союзниками. Взаимный грабёж материальных элементов культуры по объективным результатам равносителен мирному обмену продуктами, правда, очень неравномерному и несистематичному: и точно так же каждая сторона стремится ограбить у другой продукты научного и экономического творчества, чтобы “бить врага его же оружием”. Таким образом, война есть конъюгация крайне болезненная и соединенная с растратой сил, но приводящая на деле к возрастанию суммы общих элементов и соотношений между сторонами – к контрдифференциации»⁵¹, которая в случае равенства сил сторон принимает вид мирного договора и возобновления отношений на изменившейся основе, а в случае победы одной из сторон – к прямому смешению побежденных и победителей в отношении территории, экономики, культуры, социального устройства и генетического состава.

Завершение процесса контрдифференциации приводит к образованию новых связей и формированию вследствие этого комплексов с более сложными и разносторонними структурами. Однако всякая контрдифференциация является объективной предпосылкой последующей дифференциации системы: усложнение структуры включает в себе возможность возникновения новых противоречий между элементами и, соответственно, нового системного расхождения, которое преодолевается новой контрдифференциацией, и т.д. Примером подобного процесса могут служить формационные кризисы, рассмотренные с тектологической точки зрения.

Так, кризис рабовладельческого способа производства имел своей основой не столько снижение эффективности рабского труда, сколько увеличение непроизводительных затрат, связанное с ростом имущественной дифференциации в среде свободных граждан, богатая часть которых использовала большое количество рабов в качестве разнообразной прислуги, сокращая использование рабочей силы в сельскохозяйственном и ремесленном производстве. Согласно закономерностям всеобщей организационной науки, это представляет собой уменьшение суммы внешних производственных активностей и ослабление тектологической границы полиса, вынужденного переходить от экономической самодостаточности к импорту ремесленных изделий и продовольствия. Беднейшие слои свободных граждан, не имевшие возможности конкурировать с крупными рабовладель-

⁵¹ Богданов А.А. Тектология. С. 213.

ческими хозяйствами, также сокращали производство, постепенно переходя к паразитизму и получая средства к существованию из государственной казны либо от политически активных богачей, покупающих себе популярность для занятия той или иной выборной должности. С тектологической точки зрения активное вмешательство богачей в политику отражало нарастание дезингрессий между отдельными крупнейшими хозяйствами городов: уменьшение суммы внешних производственных активностей позволяло каждому из этих хозяйств существовать независимо от полиса, но их взаимная конкуренция неминуемо отражалась на жизни полиса, бедные слои населения которого неизбежно попадали в экономическую зависимость от богатых. Таков был механизм установления позднегреческих тираний и Ранней Империи в Риме; это позволило возвыситься некоторым богатым честолюбцам, но не ликвидировало причин социальной напряженности из-за катастрофического противоречия между правовым равенством и имущественным неравенством свободных граждан. И достаточно было ввода дезингрессивного комплекса в виде варварских племен, чтобы социальная система античного мира окончательно распалась: все дезингрессии перешли в системные расхождения, и на некогда едином экономическом и политическом пространстве возникли малые самоуправляемые и самодостаточные хозяйственные системы крайне простого строения. Преодоление дезингрессий, предложенное Платоном в «Государстве» и реализованное совместными усилиями варваров и покоренных римлян, сводилось к имущественной контрдифференциации в рамках общественного разделения труда на мирно-организаторский, военно-организаторский и исполнительский: каждый гражданин должен был иметь не больше собственности, чем это реально требовалось для выполнения его общественных функций.

В реальности это привело к сословно-правовой дифференциации в рамках феодального общества: два организаторских и потому правящих сословия – духовные и светские феодалы – контролировали исполнительское, подчинявшееся им и обеспечивающее их всем необходимым. Но формирование независимых самоуправляемых городов ослабило экономические позиции правящих сословий, а затем и их политическую власть. На практике это выразилось в буржуазных революциях, основным итогом которых была сословно-правовая контрдифференциация.

Логическим ее итогом стало образование нового организаторского слоя, основой власти которого было его положение в экономической организации производства, а не в структуре общества, как это было раньше. Уже не наличие политических прав обеспечивало привилегированное экономическое состояние этого слоя, а напротив, его экономическое состояние как класса частных собственников средств производства обеспечивало его лидирующее положение в организации власти. Таким образом отчетливо проявилась отмеченная Марксом и характеризуемая тектологически как системное расхождение между классом собственников средств произ-

водства и классом лишенных собственности на средства производства, т.е. между буржуазией и пролетариатом. Применительно к производственным отношениям это противоречие классовых интересов принимает вид системного расхождения между трудом и капиталом.

Варианты решения проблем классово-экономической контрдифференциации – как предложенные Богдановым в теории, так и осуществленные большевиками на практике – показывают, что осуществлению контрдифференциации всегда предшествовал своеобразный «мысленный эксперимент» в виде политической теории или – чаще – социальной утопии. По мнению Богданова, «всякая практическая утопия характеризуется двумя чертами: во-первых, она выражает какую-нибудь реальную организационную потребность общества, класса, отдельной группы людей; во-вторых, по методу осуществления она представляет тектологическую ошибку. Первым определяется возникновение утопии, вторым – ее “утопичность”»⁵². Однако при верном определении мыслящим утопистом реальной организационной потребности общества конечный результат контрдифференциации в своих основных чертах очень слабо отличается от утопического идеала, хотя, естественно, осуществление контрдифференциации зачастую радикально отличается от предложенного утопистом: то, что Платон стремился осуществить в течение жизни одного поколения силой юридических законов, на практике оформилось в течение пяти-шести поколений посредством прогрессирующей экономической деградации античного общества, и т.п.

Тем не менее контрдифференциация – это далеко не единственный процесс преодоления разности форм: существует также *схождение* – «результат сходно направленного подбора со стороны сходной среды. Разница с контрдифференциацией вполне ясна: там расхождение или его отрицательные последствия парализуются прямой конъюгацией самих разошедшихся форм; здесь же такой конъюгации нет, сходство комплексов определяется не их собственным общением, а их отношением к среде»⁵³, т.е. к некоторому общему для них комплексу, однородно влияющему на них. Таким образом, схождение тоже есть контрдифференциация, но косвенная, обусловленная конъюгацией не комплексов, а их отдельных элементов с процессами внешней среды (напр., уже упомянутое схождение форм тела у акулы и дельфина, обусловленное особенностями передвижения в воде).

Следствием системного расхождения организационных форм является формирование комплексов с новой структурой, более соответствующей их взаимодействию друг с другом и со внешней средой. Основными типами структуры организованных комплексов Богданов считает централистическую (*эгрессивную*⁵⁴) и «скелетную» (*дегрессивную*⁵⁵) формы организа-

⁵² Богданов А.А. Тектология. С. 229.

⁵³ Там же. С. 251.

⁵⁴ Эгрессия (от лат. «отделение от ряда») – форма организации системы, характеризующаяся образованием «центрального» комплекса, активности которого являются определяющими в

ции. Первая из них предполагает наличие неравномерных ингрессивных связей между элементами организованной системы, где имеется некий «центральный» элемент, связь которого с элементами «периферии» качественно отличается от связей между элементами «периферии». Типичными примерами эгрессивной системы являются модель атома, созданная Нильсом Бором, а также Солнечная система, бюрократическая и военная иерархия, монотеистическая религия и т.д. Достоинством эгрессии как явления Богданов называет избирательную концентрацию определенных активностей⁵⁶, способствующую формированию специализированных органов в организме, специализированных институтов в обществе и т.п. Во всех этих случаях явление эгрессии создает условия максимально эффективного решения узкоспециальных организационных задач с минимальными затратами энергии.

Однако следствием эгрессии является увеличение качественной разности (Богданов называет эту разность «эгрессивной») между «центральным» комплексом и «периферическими»: последние оказываются в структурной зависимости от первого, группирующего их активности строго определенным образом. Это делает устойчивость эгрессивных систем полностью зависимой от устойчивости их «центральных» элементов, которая всецело определяется качеством взаимодействия сгруппированных специфических активностей со внешней средой: дезингрессия в этом случае может привести к полному распаду системы в соответствии с законом относительных сопротивлений, поскольку воздействие внешней среды может повысить уровень сопротивления «центрального» комплекса. В полной мере этот недостаток эгрессивных систем был описан... еще в трудах древнеримских историков, отмечавших в числе особенностей военной организации германских племен то, что после гибели вождя-полководца его дружина прекращает битву и обращается в бегство, даже если боевая обстановка складывалась наилучшим для германцев образом⁵⁷.

Во избежание распада системы эгрессия может принимать вид многоступенчатой или «цепной», когда «ряд центральных комплексов низшего порядка <...> объединяется центром высшего порядка <...>; ряд таких цен-

процессе взаимодействия системы со средой; «центральному» комплексу – как правило, более сложно организованному – подчиняются «периферические» комплексы, активности которых группируются соответственно его активностям; вследствие этого устойчивость данной формы всецело определяется уровнем сопротивлений «центрального» комплекса.

⁵⁵ Дегрессия (от лат. «обособление ряда») – форма организации системы, характеризующаяся формированием специализированных «периферических» комплексов, обособленных от «центрального» и изолирующих его от специфических активностей внешней среды; в отличие от эгрессии, подчинение «периферических» комплексов «центральному» не является необходимым условием функционирования системы – более того, «периферические» комплексы могут быть более сложными по строению, чем «центральный», поскольку именно их уровнем сопротивлений определяется устойчивость системы.

⁵⁶ Богданов А.А. Тектология. С. 261.

⁵⁷ См., напр.: Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. С. 110, 142.

тров – еще высшим, и т.д.»⁵⁸. В этом случае концентрация активностей многократно возрастает, как, впрочем, и устойчивость системы, «центральный» комплекс которой оказывается защищен от непосредственных воздействий внешней среды несколькими уровнями организации активностей. Но и это не может преодолеть природной ограниченности эгрессии: «между всяким высшим звеном и связанными непосредственно с ним низшими должна существовать эгрессивная разность, означающая разный уровень организованности; переход от высшего звена к низшим соответствует понижению организованности, которое должно быть достаточно велико, чтобы эти низшие постоянно и устойчиво определялись высшим звеном в своих изменениях. Для бесконечного ряда звеньев потребовалось бы бесконечное число таких понижений»⁵⁹, что не представляется возможным ввиду ограниченности как материального мира, так и возможностей организма и человеческого опыта. В итоге с продлением цепи эгрессии начинает меняться качество связи между элементами системы, так что активности «периферических» комплексов самого низшего звена все меньше организуются комплексом «центральным», высшим; на практике это приводит к разрыву связей между комплексами при малейшем выходе системы из состояния устойчивого равновесия (примеры – распад Римской Империи, прекращение существования СССР).

В отличие от эгрессивных, дегрессивные («скелетные») формы организации обладают большей устойчивостью в силу большей гибкости или, в терминологии Богданова, пластичности взаимодействия со средой. «Чем пластичнее комплекс, тем больше в нем образуется комбинаций при всяких изменяющих его условиях, тем богаче материал подбора, тем быстрее и полнее его приспособление к этим условиям»⁶⁰. Однако очень гибкая организационная структура становится чрезмерно восприимчивой к разного рода внешним воздействиям, слишком уязвимой для них; для ее защиты от подобных опасных влияний и служат «скелетные» комплексы, отличающиеся более простой организацией и специализированной ориентацией активностей-сопротивлений, коренным образом отличающейся от ориентации активностей-сопротивлений системы в целом. «Дегрессия <...> есть организационная форма огромного положительного значения: только она делает возможным высшее развитие пластичных форм, закрепляя их активности, охраняя нежные комбинации от грубой их среды»⁶¹. Распространение явлений дегрессии в природе и жизни общества отличается, по словам Богданова, гигантской широтой. Для примера достаточно отметить только один чрезвычайно важный для людей случай дегрессии – формирование символов, делающих возможными взаимопонимание и сотрудничество. Тектологический анализ показывает, что «слово является своеобраз-

⁵⁸ Богданов А.А. Тектология. С. 270.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Богданов А.А. Тектология. С. 279.

⁶¹ Там же. С. 282.

ным центром, объединяющим целый ряд представлений, целую их “ассоциацию” <...> Это центр, но не эгрессивный; его объединяющая роль основана не на высшей его организованности, а на его большей устойчивости, прочности. Представления, психические образы, воспоминания с их производными комплексами, группируясь массами, иногда прямо несчетными, в ассоциации “по сходству”, взаимно влияя друг на друга и смешиваясь, сами по себе имеют тенденцию расплываться в психической среде. <...> Их накопление дало бы в результате <...> совершенно перепутанную, хаотическую ткань, если бы их не связывали и не удерживали отдельными группами устойчивые, прочные комплексы: слова, а также иные символы»⁶².

Однако и у депрессии есть свои недостатки: развитие и усложнение пластичных частей системы ведет к возникновению противоречия между новым состоянием системы и неизменной ограничительной ролью «скелетных» комплексов; последние препятствуют проявлению новых качеств, так что формируется системное расхождение между системой и ее «скелетом», следствием чего, как правило, является отделение от системы утративших адекватность депрессивных комплексов и незамедлительное формирование новых, более соответствующих изменившемуся состоянию.

Классическим примером здесь могут послужить европейские буржуазные революции. Феодальная организация общества являлась «скелетной» формой для формирующихся и развивающихся капиталистических отношений, пока города были достаточно слабы, чтобы играть в европейской экономике самостоятельную роль. С усилением городов укреплялась и феодальная структура в ее наиболее эгрессивной абсолютистской форме. Параллельно шло усложнение экономических и социальных отношений, входивших в противоречие с феодальной организацией общества. В итоге феодально-абсолютистские структуры власти подверглись разрушению, и на их месте обществом были воздвигнуты новые, соответствовавшие более развитым меновым отношениям и прогрессивному разделению общества по отношению к собственности на средства производства, т.е. капитализму. Сравнительно легкая победа буржуазных революций объясняется как раз эгрессивным характером феодально-абсолютистских структур власти: с распадом «центрального» комплекса (отречением или казнью монарха) начиналось немедленное расхождение элементов системы (появление среди сторонников реставрации новых претендентов на трон, формирование соперничающих за власть группировок различной политической ориентации и т.п.), что неизбежно оборачивалось распадом эгрессивной структуры, на месте которой формировалась новая, с большим количеством звеньев и более сложной комбинацией активностей. Таким образом, государства Западной Европы вступили в новый этап своего развития, характеризующийся более прогрессивными социальными отношениями. Тем не менее в новых образованиях эгрессивные комплексы, будучи сами по себе недос-

⁶² Богданов А.А. Тектология. С. 283.

точно гибкими и ограниченно устойчивыми в меняющейся среде, точно так же, как и в предшествующих системах, входили в сложные дегрессивные структуры в качестве «скелетных» организационных форм, оберегающих наиболее уязвимые элементы этих структур от воздействия внешней среды, т.е. стремящихся сохранить систему в устойчивом равновесии со средой⁶³. Нарушение этого равновесия неизбежно вновь вызывает кризис системы, который разрешается установлением некоторого нового равновесия. Именно поэтому Богданов отмечает, что простые кризисы С и D не происходят в чистом виде.

При конъюгационном кризисе на разрыв тектологической границы между сливающимися комплексами тратится определенное количество энергии. «Но эта потеря активностей означает их *отрыв* от образующегося целого; а отрыв есть кризис D и предполагает возникновение полных дезингрессий. И вообще, <...> кризис С <...> завершается, конечно, тем, что создается новая система с новой границей; а эта граница может получиться только таким путем, что появляются новые полные дезингрессии там, где их не было. Следовательно, заключительный момент всякого кризиса есть D»⁶⁴. Аналогичным образом, всякий кризис D начинается с присоединения некоторой активности извне, необходимой для разрыва связей внутри системы; «следовательно, моменту D предшествует как его условие момент С»⁶⁵. Именно эта ситуация является основной предпосылкой формирования организационной диалектики, согласно которой любой тектологический акт «в первой фазе <...> намечается кризисами С. Во второй он развертывается на основе кризисов D, за которыми во всяком системном расхождении могут следовать, переплетаясь с их рядом, производные кризисы С. В третьей он завершается целостным оформлением системы на основе кризисов С с производными D. Те же три фазы при исследовании обнаруживаются во всяком организационном процессе природы, во всяком организационном акте человека»⁶⁶, и аналогичным же образом происходит дезорганизация любой системы.

После выхода в свет «Тектологии» (1911) приведенные в ней закономерности воспринимались читателями лишь в едином контексте с пояснениями в виде конкретных примеров из истории, математики, физики и т.п. Однако в целом тектологические взаимозависимости представляли собой феномен, не имевший соответствий в научном опыте людей, и потому понимание, как пользоваться открытыми закономерностями для самостоя-

⁶³ Подробнее о характере феодального общества и особенностях его трансформации в буржуазное см., напр.: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Изд. группа Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. С. 58–122 ; Общественные движения в Средние века и в эпоху Реформации. СПб.: Типо-Литография А. Лейферта, 1901. С. 209–226, 283–369, 398–454, 462–522, 548–557 ; Поршнев Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М.: Наука, 1970. С. 29–44, 48, 61–76, 106–163, 286–320, 344–345, 364–365.

⁶⁴ Богданов А.А. Тектология. С. 348.

⁶⁵ Там же. С. 348.

⁶⁶ Богданов А.А. Тектология. С. 383.

тельного анализа, не приходило. Тектология не оперировала формулами, подобно физике или химии, в которых всякое явление рассматривалось как математически выверенное соотношение количественно измеримых и экспериментально наблюдаемых параметров (например, в физике сила выражается как произведение массы на ускорение; в химии свойства элемента определяются строением его атомов, которое выражено таким показателем, как атомный вес; и т.д.). Не оперировала всеобщая организационная наука Богданова и данными, полученными в ходе экспериментов и наблюдений, как это осуществлялось в биологии, психологии, медицине и других естественных науках. Отсутствие всего этого в «организационной науке» запутывало читателей, которым не вполне было ясно, как взаимодействуют отмеченные Богдановым тектологические закономерности между собой в каждом конкретном случае, произвольно взятом для анализа. Это затрудняло практическую возможность пользоваться богдановскими разработками и порождало сомнения в научной эффективности тектологии, поскольку трудно было понять, можно ли доверять результатам исследований на ее основе. Скорее всего именно это послужило главной причиной неприятия учеными методики Богданова, которую автор задумал в виде «системной конструкции», объединявшей интеллектуальный опыт человечества для решения организационных задач.

Ни отечественные, ни зарубежные ученые не стали вникать в суть открытых Богдановым организационных закономерностей, хотя научное мышление того времени уже было знакомо с «системными конструкциями». Но тектология не вписывалась и в этот ряд: предмет ее изучения находился за пределами какой-либо одной из существующих наук, и по этой причине ее закономерности не могли быть выражены знакомым терминологическим и символическим кодом, а практические выводы из них, сделанные самим Богдановым, не всегда воспринимались читателями адекватно, вызывая полемику – порой слишком агрессивную. Соратник и единомышленник А.А. Богданова В.А. Базаров, пытаясь поддержать близкого друга, писал о «Всеобщей организационной науке» следующее: «В основе Тектологии лежит понятие организации. <...> “Организацией” Богданов называет такое сочетание элементов, которое создает более значительную совокупную активность, или, что то же, – более значительную сопротивляемость внешним воздействиям, чем арифметическая сумма активностей-сопротивлений всех элементов, взятых в отдельности. Следовательно, в организованном комплексе целое *больше арифметической суммы своих частей*. Если целое *меньше* суммы [своих] частей, то мы имеем не процесс организации, а процесс *дезорганизации*. Наконец, если целое в точности *равно* сумме слагаемых, то перед нами *нейтральный* комплекс. Практически нейтральные комплексы являются результатом равновесия между организующим и дезорганизующим процессами. А так как при бесчисленном множестве хаотически сталкивающихся друг с другом активностей-сопротивлений шансы получить в итоге организующий и[ли] дезоргани-

зующий эффект приблизительно одинаковы, то нейтральные комплексы, или, точнее говоря, системы подвижного равновесия, близкие к нейтральности, представляют очень обычное явление в мире нашего опыта»⁶⁷. Доказывая, что применение этой необычной методологии системного анализа к исследованию современной социально-экономической ситуации представляет определенный научный и практический интерес, Базаров не мог отстоять исследовательский труд Александра Александровича. В итоге получилось так, что теория Богданова опередила дальнейшее развитие тех наук, которые могли бы предоставить необходимые компактные и удобные формулы, отражающие взаимодействие тектологических закономерностей, в силу того, что при жизни ученого они не достигли еще соответствующего уровня. Поэтому в начале столетия Богданов столкнулся с полномасштабной обструкцией, которая по сути своей напоминала выступления многих ученых XVII в. против математического анализа бесконечно малых величин: тогдашние авторитетные мыслители решительно отрицали возможность использования подобных операций в практической деятельности (для счета денег и товаров, определения площади земельных участков и т.д.); однако уже через 200 лет анализ бесконечно малых величин и связанное с ним интегральное исчисление стали одним из основных методов точного научного исследования – изменения в общественной жизни способствовали востребованности открытого два века тому назад метода познания. Однако это вовсе не значит, что время тектологии еще не пришло.

В начале XX в. Богданов, обдумывая сложившуюся ситуацию, объективно оценил ее, придя к выводу, что аналитические методы тектологии нуждаются в научной доработке, которая могла бы придать организационным законам вид строгих формул, доступных для практического использования любому грамотному человеку. Он сам считал свою тектологию лишь началом большого пути в методологию системного анализа. В 1914 г. он писал: «Мир – цепь организационных форм в их взаимодействии, борьбе, разрушении, развитии... Что из этого следует? <...> Вполне ясно: <...> надо <...> вырабатывать *Всеобщую организационную науку* <...>; мне удалось сделать в ней первые шаги, первые выводы. Без сомнения, она будет отлучена вместе со мною. Но это ничего не изменит. *Она полезна и необходима, а поэтому будет жить и развиваться в коллективной работе и мысли, и сослужит свою службу человечеству*»⁶⁸ (курсив мой – А.Л.).

Таким образом, ученый осознал, что отлучение тектологии неизбежно, потому что теоретическое изложение сути закономерностей (или, как сам исследователь называл, азбуки тектологии вместе с иллюстративным материалом, почерпнутым из разных отраслей знания) выглядело как обобщение достижений естественных и общественных наук рубежа XIX и XX вв., а обобщение в глазах современников Александра Александровича

⁶⁷ Базаров В.А. А.А. Богданов (Малиновский) как мыслитель {и популяризатор} (1873–1928) // Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 106–123.

⁶⁸ Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 38–39.

являлось неизменной прерогативой философии. Поэтому неудивительно, что тектологию вскоре присовокупили к разряду многочисленных философских концепций, претендующих на объяснение мироустройства. Открытие тектологических закономерностей получило насмешливое определение «тарабарщины» и очередной «ереси», не вписывающейся в общее научное мировоззрение и отнесенной исключительно на счет богдановского «оригинальничания». Такая оценка открытия Богданова априори обрекала любые практические исследования по новой методике на категорическое неприятие. Во многом определяющую роль здесь сыграло и то, что богдановский метод системного анализа не оставлял места для привычного западным ученым XIX и XX вв. разнообразия интерпретаций одного и того же наблюдаемого факта: выявление функционально обусловленных причинно-следственных связей налагало довольно жесткие ограничения на применение зародившегося еще в античные времена метода аналогий, с помощью которых привыкли строить свои объяснения европейцы. Критический разбор одного из таких объяснений Богданов изложил в письме М. Горькому еще в 1910 г., незадолго до выхода в свет первого тома «Тектологии»: «Вот вам картинка из природы (наблюдение Фабра⁶⁹): “До чего может доводить филанта (одна из хищных ос) его разнузданная страсть к пчелиному сиропу, доказывает следующее. Дело происходит перед поселением филантов. Один из них только что поймал пчелу, сидевшую мирно на соседнем цветке и собиравшую цветень и мед. Прежде чем втащить жертву в свою норку, он остановился и давит горло пчелы, вылизывая затем язык несчастной, выпущенный ею во всю длину и покрытый сладким сиропом... И вот, в разгар ужасного пира я вижу, что филант вместе с добычей схвачен богомолем: бандит поймал бандита. Затем, в то время как богомол уже держал филанта в зубьях своей складной пилы и жевал его брюшко, филант продолжал лизать мед у своей пчелы, не будучи в состоянии отказаться от изысканной пищи...” Казалось бы, вот истинный эпикуреец, не желающий заглядывать за пределы *своей* земной жизни. А на деле – иллюзия. Филант кормит своих личинок телом пчел, но *мед для них ядовит*; и страсть филанта к меду имеет основу вне его личной жизни, а стихийная сила этой страсти – результат связи поколений»⁷⁰.

Подобный взгляд на изучаемые явления с позиций их функциональной связи представляется более плодотворным для научных исследований, чем сложные и зачастую искусственные попытки интерпретировать изучаемые факты по внешней, произвольно выстроенной аналогии с уже известными явлениями. Взятое Богдановым в качестве примера яркое, эмоционально насыщенное описание гибели осы-филанта, сделанное Ж.А. Фабром, позволяет слабо осведомленному в энтомологии читателю лишь увидеть впечатляющую картину проявления одного из инстинктов

⁶⁹ Фабр, Жан Анри (1823–1915) – выдающийся французский энтомолог, автор капитального научного исследования «Жизнь насекомых» (первый русский перевод 1911 г.).

⁷⁰ Богданов А.А. Письмо А.М. Горькому. 5 июня 1910 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 172.

насекомого, однако не дает действительного объяснения причин этого поведения осы – более того, предложенная французским исследователем аналогия с человеческой жадностью на самом деле лишь отвлекает читателя от научного познания, которое заменяется оценочными суждениями о сугубо человеческих пороках, объективно не присущих миру насекомых, организованному на основе биологических закономерностей. Естественно, что и в познавательном, и в житейском плане такие оценочные суждения окажутся бесплодными, способными лишь спровоцировать полемику, но не сформировать понимание ситуации. Предложенное Богдановым объяснение того же факта гибели филанта не столь красочно, как у Фабра, но зато сразу же указывает на *подлинную основу поведения осы – инстинктивную заботу о выживании потомства, одинаково присущую большинству живых организмов*; и вместе со знанием об этой основе читатель Богданова получает вместо оценочных суждений точное знание, органично встраивающее новый факт в систему представлений о мире, в котором и инстинктивное поведение насекомых, и социально обусловленная деятельность людей имеют в своей основе рационально-целесообразные умопостижаемые закономерности. Таким образом, *при исследовании одного и того же явления метод аналогии, примененный Фабром, и метод системного тектологического анализа, используемый Богдановым, объективно ведут к принципиально разным научным выводам, и трудно не заметить, какой из двух методов позволяет более эффективно организовать процесс познания.*

В силу причин, не связанных с научной проблематикой, предложенный Богдановым метод объяснения не получил признания у современников, подавляющее большинство которых попросту было лишено возможности ознакомиться с приемами тектологического анализа и применить их в своей практической деятельности. Что же до меньшинства, обратившего на работы Богданова самое пристальное внимание, то их отношение к тектологии было, мягко говоря, гиперкритическим. Полномасштабную обструкцию, с которой Александр Александрович столкнулся после выхода «Тектологии» из печати, сам ученый связал с особенностями мышления тогдашних представителей науки: философы не увидели в «Тектологии» изысканий по духовной проблематике; обществоведы не обнаружили на ее страницах концепции демократических политических и социальных преобразований, представлявших в те времена особенно актуальными; а в целом для академических кругов оказался непривычным даже сам стиль изложения взглядов автора книги – для постижения сути выведенных Богдановым закономерностей образованному читателю пришлось бы перейти из привычного мира полемических мнений в непонятный мир строгих фактов, точных, а потому однозначно толкуемых формулировок и аналитических закономерностей. Адекватное восприятие труда Богданова не пришло и позже. Второе издание «Тектологии», выпущенное в Германии небольшим тиражом, оказалось мало востребованным серьезными иссле-

дователями, особенно после рецензии Иоганна Пленге, мюнхенского профессора, издавшего в 1919 г. небольшую брошюру под названием «Всеобщая организационная наука», которая представляла собой запись трех лекций, прочитанных в университете, «о человеческих организациях, да и то в рамках планомерного их функционирования»⁷¹.

Разумеется, брошюра Пленге не давала представления об эффективной методике аналитического исследования и прогнозирования экономических и политических ситуаций. По мнению Богданова, лекции немецкого профессора были посвящены в основном «рассуждательским рассуждениям о задачах новой науки и об ее отношениях к другим наукам, естественным, социально-государственным, историческим и разным другим, среди которых видное место занимают метафизика, теория познания, а также теология»⁷². К тому же И. Пленге, «“социалист” и “диалектик” – как он сам себя рекомендует»⁷³, дальше общетеоретического подхода к теме исследования «не пошел», но по поводу «Тектологии» и ее автора высказался весьма безапелляционно с высоты авторитетного знатока проблемы, охарактеризовав Богданова как «современного русского мыслителя, который, находясь под гнетом марксистской доктрины и почувствовавши неотвратимую историческую необходимость всеобщей организационной науки, в своеобразном умственном опьянении врывается в область универсальных обобщений, относящихся ко всем структурным соотношениям, которые на опыте должна устанавливать наука»⁷⁴.

По представлениям Пленге, после установления в России советской власти новое руководство страны, чтобы выстоять в борьбе с политически враждебным окружением, остро нуждалось в обновлении и углублении своих идеологических доктрин. Тогда-то Богданов «как сторонник материалистического понимания истории» поневоле обратился к идее всеобщей организационной науки – якобы только для того, чтобы «в качестве “условия сохранения”» новой политики принципиально оправдать «и “волю к власти”, и накопление капитала, и империализм»⁷⁵. И хотя Богданов попытался убедить «почтенного критика» в том, что «тектология <...> по своей природе ничего не может оправдывать, а только объясняет»⁷⁶, тем не менее мюнхенский профессор уже не мог остановиться в своем порыве и позволил себе убедить научный мир Европы в том, что многолетний труд ученого из России – это «новомарксистская механистическая теория организации», которая «в силу своего безудержного, враждебного всему душевному (allem Seelischen) механизирования, по существу своему превращается в самое холодное орудие господства над человеческим материалом,

⁷¹ Богданов А.А. Тектология. С. 28.

⁷² Там же. С. 422.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Цит. по: Богданов А.А. Тектология. С. 422.

⁷⁵ Цит. по: Богданов А.А. Тектология. С. 423.

⁷⁶ Богданов А.А. Тектология. С. 423.

принимаемым в расчет исключительно как механический элемент»⁷⁷. Естественно, после такой рецензии западным ученым расхотелось знакомиться с еще одним вариантом новомарксизма, тем более что в научных журналах появились еще две-три статьи по поводу «Тектологии» Богданова, составленные в том же ключе, что и у Пленге, и тоже без принципиального обсуждения темы по существу дела.

В России также началась атака на ученого, только с нападками, противоположными мнению европейцев. Здесь критики обнаружили в его работе «стремление уничтожить материализм, за которым последует падение признания материального мира»⁷⁸. Кроме того, ученому инкриминировалось, что «тектология выступает в роли исправителя теории Маркса, которая оперирует унаследованными методами мышления, и дает в результате этого исправляющего усердия идеализм со всеми его последствиями»⁷⁹. Одним словом, всеобщая организационная наука тектология А.А. Богданова в конце концов без каких-либо доказательств была объявлена «идеалистическим искажением марксистской диалектики», и спустя совсем короткое время все работы ученого в России попали в спецхран, а на Западе – в костер (после 1933 г.). Поэтому имя Богданова на долгие годы оказалось среди преданных забвению, и все дальнейшие наработки в области системного анализа велись, если можно так выразиться, в обход богдановской тектологии. Основой для этих наработок стала математика, которую сам Богданов определял как своеобразную «тектологию нейтральных комплексов»⁸⁰. В соответствии с этой особенностью исследователи оценивали изучаемые явления как комбинации статичных взаимно нейтральных элементов, способных объединяться друг с другом в практически бесконечное множество сочетаний. Именно этот взгляд на мир характеризовал и общую теорию систем Л. фон Берталанфи, и кибернетику Н. Винера, и синергетику И. Пригожина – с точки зрения каждой из этих концепций, состояние любых сложных систем, правда, преимущественно технических, определяется двумя группами невзаимосвязанных переменных величин: 1) совокупностью элементов, образующих систему; 2) совокупностью условий, внешних по отношению к элементам системы и определяющих их.

Эта концепция безукоризненно работала, пока дело касалось технических систем: определяющую роль здесь действительно играло наличие или отсутствие необходимых для взаимодействия элементов и четко обозначенных условий формирования связей между ними. Скажем, химики знают, что при отсутствии углерода невозможно получить не только органические химические соединения, но даже такие неорганические вещества, как графит и алмаз; да и те же графит и алмаз отличаются друг от друга

⁷⁷ Цит. по: Богданов А.А. Тектология. С. 423.

⁷⁸ Цит. по: Богданов А.А. Тектология. С. 425.

⁷⁹ Богданов А.А. Тектология. С. 425.

⁸⁰ Там же. С. 72.

вследствие того, что их кристаллические решетки формируются в средах, существенно не совпадающих по температуре, давлению и другим характеристикам.

Под воздействием упомянутых выше групп переменных (входящих в систему элементов и влияющих на них внешних условий) формируется практически бесконечное разнообразие возможных состояний сложной системы. По этой причине, с точки зрения занимавшихся системным анализом математиков, научному познанию были доступны лишь закономерности, по которым меняется состояние системы, поскольку число таких закономерностей ограничено. Но прогнозировать на основе этого знания будущие состояния системы возможно лишь в тех случаях, когда количество взаимодействующих элементов и влияющих на них условий невелико. Примером таких удачных прогнозов оказалось изучение динамики мирового развития сырьевой экономики и связанных с этим перемен в международных отношениях. Согласно исследованию А. Christaks, опубликованному в работе «A New Policy Science Paradigm» (1973), истощение энергетических ресурсов и загрязнение природной среды будут волновать мировое сообщество к концу XX в. больше, чем рост населения⁸¹. Однако даже такие прогнозы не предоставляют необходимой информации для принятия обществом адекватных решений, поэтому слабо финансируются. Да и сами ученые не берутся за такую работу, особенно когда речь идет об изучении сложных систем, поскольку чем сложнее система, тем более естественным состоянием для нее становится хаос, выступающий как особая разновидность порядка⁸².

Подобные выводы западных ученых были во многом обусловлены спецификой применения методов системного анализа на Западе во второй половине XX в.: сформированное на основе этой методологии математическое моделирование сложных процессов получило применение преимущественно в экономической науке – в тех ее областях, которые были непосредственно связаны с обслуживанием финансового капитала. Дело в том, что описываемые в рамках теории игр вероятностные процессы, лежащие в основе механизмов спонтанной самоорганизации, наиболее адекватно отражают феномен, который еще в XVIII столетии был определен Адамом Смитом как «невидимая рука рынка»⁸³. По этой причине не удивительно,

⁸¹ См.: Ларичев О.И. Наука и искусство принятия решений. М.: Наука, 1979. С. 44.

⁸² Об этом см.: Пригожин И., Стернгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. С. 236–272. А современный американский финансист Ди Хок и вовсе предложил характеризовать сложные системы (прежде всего, конечно, экономические) как «хаордические», поддерживающие свою упорядоченность посредством хаоса (См.: Пригожин А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. 2-е изд., испр. М.: ЛЕНАНД, 2015 С. 38.).

⁸³ Один из наиболее показательных современных примеров математического моделирования экономических процессов: Шипицын Е.В., Попков В.В., Берг Д.Б.. Анализ финансового рынка в рамках $t - J$ модели физики твердого тела // Вестник Международного Института Богданова [Электронный ресурс] URL: http://bogdinst.ru/vestnik/v16_05.htm (дата обращения: 18.07.2017; в дальнейшем доступ осуществлялся по ссылке на резервную копию, размещенную на сервисе «Веб-архив сайтов». URL:

что наиболее активными потребителями и заказчиками системно-аналитических исследований выступают банковские, инвестиционные и т.п. корпорации, обычное повседневное функционирование которых осуществляется в хаотической, непредсказуемо меняющейся среде, крайне подверженной анархическим, слабо поддающимся рациональному прогнозированию воздействиям отдельных спекулирующих субъектов.

Обусловленное социальной функцией науки (а именно зависимостью области приложения научных интересов от ключевых потребностей наиболее влиятельных групп общества) доминирование у европейских и американских исследователей проблематики хаоса и случайности над вопросами порядка и закономерности оказало существенное мировоззренческое и психологическое воздействие на остальных аналитиков, которые тем не менее признавали, что, даже будучи записанными в виде математических формул, основные причинно-следственные связи изучаемых системных структур не придавали объективности исследованиям.

Однако создание объективной модели социальных процессов по-прежнему оставалось главной проблемой времени. Попытку дать ответ на общественный запрос предпринял в 1970-х годах американский профессор Дж. Форрестер. В статье «Антиинтуитивное поведение сложных систем» (1977) он утверждал: «Наши социальные системы несравненно более сложны и труднопонимаемы, чем технологические. Почему же тогда мы не используем аналогичный подход создания моделей социальных систем и проведения лабораторных экспериментов на них перед тем, как опробовать новые законы и программы в жизни? <...> Такие модели <...> могут быть значительно более понятными, чем прежние подходы»⁸⁴.

Другие ученые были не столь оптимистичны из-за того, что в сложные модели при решении поставленных задач зачастую вносилась по разным причинам субъективная оценка (иногда многочисленных) людей, влияющих на выбор параметров анализа. Результат в итоге искажался: причинно-следственные связи, предвзято включенные в систему в качестве обязательных для изучения, не отражали реальной ситуации. Ученых ставило в тупик то, что модель давала одну картину, а общество продолжало жить совсем иной жизнью, которая не подчинялась выводам предпринятого анализа. Все это стало поводом для негативного восприятия математических моделей социальных систем. Примечательно в этом смысле категоричное высказывание американского ученого Дж. Шлесинджера о том, что ставка на «объективность» подобного анализа пока нереальна⁸⁵. Начало сомнениям положил русский эмигрант-экономист Василий Леонтьев, который в статье «Theoretical Assumptions and Non-Observed Facts» (1971) констатировал: «Недостаток фактических знаний об условиях, существующих в реальном мире, заставляет авторов моделей основывать многие,

https://web.archive.org/web/20170718020511/http://bogdinst.ru:80/vestnik/v16_05.htm

⁸⁴ Цит. по: Ларичев О.И. Наука и искусство принятия решений. М.: Наука, 1979. С. 43.

⁸⁵ См.: Ларичев О.И. Наука и искусство принятия решений. М.: Наука, 1979. С. 44.

если не все, общие заключения на различных априорных допущениях, выбранных из-за их удобств, а не из-за их отношения к наблюдаемым фактам»⁸⁶.

В итоге потребовалось возвращение к истокам математического прогнозирования, когда считалось, что *система* складывается из множества элементов, образующих некую целостность. Первоначально это понятие включало в себя такой аспект, как *порядок*, представлявший собой жесткую организованность по определенным правилам. Однако эти правила могли варьироваться за счет проникновения в систему дополнительных данных, познание которых расширяло представления о новом комплексе вследствие влияния вероятностных методов изучения отношений и связей в новой структуре – от сугубо эмпирических до абстрактных. Особое внимание при этом обращалось на характерную *иерархичность строения* системы и на наличие в ней процессов *управления*, что способствовало безошибочному выделению *системообразующих* компонентов, поскольку оказалось, что управление обеспечивало автономность поведения системы, а системообразующие свойства являлись необходимым условием ее относительно обособленного функционирования. Это, в свою очередь, было связано с проблемами прогнозирования, которое могло стать осуществимым лишь при создании надлежащего математического аппарата. У богдановской тектологии такого аппарата не было по вполне объективным причинам⁸⁷.

Только после смерти Богданова аналитики-систематики занялись разработкой математического сопровождения теоретических выводов, позволивших, например, М.Д. Месаровичу определять понятие системы как прямое (декартово) произведение произвольного семейства множеств

⁸⁶ Цит. по: Ларичев О.И. Наука и искусство принятия решений. М.: Наука, 1979. С. 44.

⁸⁷ В «Тектологии» А.А. Богданова априори не могло быть научно-формализованного сопровождения не только потому, что он не обладал той широтой естественнонаучного познания, какая имелаась в арсенале высококвалифицированных профессионалов-академиков. Просто новая работа Александра Александровича писалась, как и другие книги просветительского плана, сугубо для целевой аудитории – для людей большого практического опыта и малой общеобразовательной научно-теоретической подготовки. Другим адресатом его работ была учащаяся молодежь, заинтересованная в обретении системного знания, необходимого для понимания окружающей действительности. В таких обстоятельствах использование высших достижений естественных наук было чревато потерей читательского интереса вследствие внутреннего мировоззренческого конфликта: сознание людей, неспособное воспринимать отвлеченные академические теории, найдет самый простой и естественный способ защититься от столкновения с непонятным элементом чужеродного мышления – и поставленная просветительская цель не будет достигнута Богдановым. В сходную ситуацию на рубеже XIX и XX вв. попали и другие ученые-просветители: биолог Рихард Авенариус, стремясь объяснить вышеназванный внутренний конфликт, сформулировал принцип «экономии мышления» и идеал чисто описательной науки, а математик Анри Пуанкаре создал доктрину конвенционализма, считая, что признание специальных научных терминов результатом соглашения между учеными существенно облегчит популяризацию математических и естественнонаучных знаний. Кстати, открытия А. Пуанкаре, которые впоследствии легли в основу теории относительности и синергетики, при жизни А.А. Богданова использовались в узкоспециализированных областях знания (астрономии и математической физике), и их связь с прикладной практической деятельностью была неочевидной.

$S \subset X_1 \times \dots \times X_n$ или, что то же самое, как отношение, определенное на этом семействе. Каждое из множеств $X_1, \dots, X_n$ представляет полную совокупность всех проявлений некоторого атрибута системы, а их произведение S включает в себя полную совокупность всех характеристик системы⁸⁸. А Л. фон Берталанфи определял систему как комплекс элементов, находящихся во взаимодействии, и различал закрытые системы, между элементами которых осуществляется только обмен энергией, и открытые системы, в которых происходит обмен энергией и веществом, затрагивающий не только собственные элементы системы, но и внешнюю среду⁸⁹. Опираясь на данное определение Берталанфи, С. Бир предложил квалифицировать системы по двум основаниям – степени сложности и характеру функционирования, который может быть детерминированным или вероятностным⁹⁰.

Близкое к этим выводам понимание системы как множества сгруппированных в единое целое организованных элементов наблюдалось и у других исследователей – тех, кто обнаружил, что положение в открытых системах остается неизменным, если они находятся в состоянии подвижного равновесия с окружающей средой. Эти выводы явились следствием теоремы термодинамики неравновесных процессов, доказанной в 1947 г. лауреатом Нобелевской премии И.Р. Пригожиным (1917–2003). Бельгийский ученый русского происхождения установил, что неравновесные динамические системы сохраняют упорядоченность только в том случае, если их движению и развитию ничто не препятствует. Зато при наличии обструкционных помех процесс энтропии (т.е. дезорганизации) нарастает – вплоть до полного уничтожения границы между системой и окружающей средой⁹¹.

Систематики, обнаружившие в теореме Пригожина математическое доказательство древней мудрости «Движение – это жизнь», активно занялись математическим моделированием природных, технологических и общественных процессов. Среди ученых, выдвинувших свои варианты общесистемных концепций, можно назвать Л. фон Берталанфи, У. Росса Эшби, Р. Акоффа, К. Боулдинга, О. Ланге, М.Д. Мессаровича, Г. Греневского, А.И. Умова, А.А. Ляпунова, И.В. Блауберга, С.В. Яблонского, В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина, Ф.П. Тарасенко и др. Сын А.А. Богданова А.А. Малиновский, занимавшийся вопросами организации биологических систем, взял за основу изысканий главную мысль своего отца, изложенную во «Всеобщей организационной науке»: «В тектологии допустимо как ре-

⁸⁸ См.: Мессарович М.Д. Общая теория систем и ее математические основы // Исследования по общей теории систем. Сб-к переводов / под ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 167.

⁸⁹ См.: Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Система // Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 1970. С. 20.

⁹⁰ Бир С. Кибернетика и управление производством. М.: Гос. изд-во физико-математич. лит-ры, 1963. С. 22–36.

⁹¹ См.: Зубарев Д.Н. Пригожина теорема // Большая Советская энциклопедия. Т. 20. М.: Сов. энциклопедия, 1975. С. 566.

альное (эксперимент), так и мысленное абстрагирование. Типичный тектологический эксперимент – моделирование явлений из одной области с помощью средств из другой области. Таким образом не только объясняются конкретные явления, но и открываются общие для разных областей науки принципиальные механизмы явлений. На основе открытых таким путем закономерностей становится возможна тектологическая дедукция, используемая для решения проблем в частных науках. Выделение общих закономерностей способствует, по мысли Богданова, установлению общего языка для различных наук, что облегчает не только усвоение знаний, но и перенос методов из одной области в другую»⁹².

Когда научный мир познакомился с кибернетикой Норберта Винера, то, пожалуй, только после возвращения из «ссылки» богдановской «Всеобщей организационной науки» стало ясно, что отдельные положения работы американского математика имели заметную общность с тектологией. Причем создатель кибернетики из *двенадцати* закономерностей, открытых Богдановым, использовал всего лишь *две*⁹³ – и как радикально изменился облик цивилизации во второй половине XX века: можно сказать, что темп научно-технического прогресса ускорился взрывообразно!

Кроме того, появление кибернетики подтолкнуло систематиков к более тщательной разработке специфических процедур для решения усложнившихся исследовательских задач, поскольку стало очевидным то, что единству представлений о мире не способствовал разрыв между иррациональностью человеческой индивидуальности и рациональностью законов, определяющих качество взаимодействия людей как друг с другом, так и с природой. В условиях космических открытий вообще стал невозможным метафизический рационализм: требовались новые критерии опытного изучения мира. Поэтому-то к результатам системных анализов стали предъявлять повышенные требования, которые привели к применению новейших научных открытий, извлеченных из теории множеств, математической логики, новых методов алгебраических вычислений, теории вероятности,

⁹² Малиновский А.А. Тектология // Малиновский А.А. Тектология. Теория систем. Теоретическая биология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 48–49.

⁹³ То, что в основу кибернетики Н. Винера были положены выводы Л. фон Берталанфи, заимствованные из «Тектологии» Богданова, подтверждает канадский математик Ричард Маттессич, отметивший в статье «The System Approach: Its Variety of Aspects» (1982): «Обвинения, выдвигаемые против фон Берталанфи <...> обусловлены его постоянным молчанием относительно Александра Богданова (1873–1928), создателя действительно общей теории систем. Фундаментальная и очень оригинальная работа последнего появилась в России под заглавием “Тектология” (в 3-х томах) в период 1912–1927 гг., т.е. за несколько лет до того, как фон Берталанфи сформулировал первые системно-теоретические понятия – в то время еще ограниченные биологией (1928). Кроме того, перевод первых двух томов намного более глубокой богдановской работы по организации систем на родной для Берталанфи немецкий язык был выполнен уже в 1926–1928 гг. и подробно рассмотрен в соответствующих немецких изданиях. Мы, конечно, не обвиняем Берталанфи в плагиате и не оспариваем его большой вклад в науку, история которой неоднократно показывала, что одна и та же идея созревает в умах нескольких ученых практически одновременно» (Mattessich R. The System Approach: Its Variety of Aspects // Journal of the American Society for Information Science. November 1982. P. 387).

теории игр и т.д. Обнаружилось, что проблема синтеза нововведений стала выходить на первый план, поскольку «методологическая специфика системного подхода определялась тем, что он ориентировал исследователя на рассмотрение целостности объекта и обеспечивающих ее механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину»⁹⁴, и «этим <...> обозначалась генетическая связь <...> с кибернетикой и <...> открывалась возможность методологически-расширительной трактовки поведения систем любого типа: принцип системности формировался как общеполитический»⁹⁵.

Такое направление мысли полностью совпадало со взглядом Богданова на то, что «мир – цепь организованных форм в их взаимодействии, борьбе, разрушении, развитии <...>: если всё есть организация разных элементов, то надо исследовать способы и законы этой организации; надо их обобщить и научно выразить»⁹⁶. Систематики в этом направлении и действовали. Они искали пути расширения и уточнения смысла базовых понятий системного анализа. Этого требовала иерархическая многоуровневая структура общества, нуждающаяся в устойчивости и сохранении принципов единого «супер-метода», который обеспечивал бы решение управленческих задач без отклонений от заданного режима. Небольшой сбой не считался помехой для возвращения системы в устойчивое состояние.

Совсем иное дело, когда нерешенные проблемы оборачивались динамическим хаосом, и приходилось заниматься целым рядом внезапно возникавших положений, которые не укладывались в теоретические схемы и не вписывались в логику привычных трансформаций системы. Поскольку вопросы адаптивности, роста и стабильности в итоге вырастали в проблему № 1, то систематики оказывались лицом к лицу с непредсказуемостью результатов вследствие ориентации на методы исследования систем исключительно классического типа, не рассчитанных на анализ энтропийных, внутренне противоречивых состояний системы.

Зато для синергетиков проблемы систематиков, столкнувшихся с *ситуацией хаоса в изменяющейся системе*, были более чем понятны. Исследователи этого нового направления, ориентированные на специфическую парадигму неравновесности, объясняли этот феномен различием аналитического подхода к классическим – «однотипным» – системам с четко запрограммированным безальтернативным **Порядком** и так называемым «нелинейным», «самоорганизующимся» системам, где **Хаос** – *аналог поливариативного Порядка* – требует дополнений к привычной методологии исследования. Автор книги «Дезорганизация» А.И. Пригожин предложил вниманию читателей впечатляющий мыслеобраз для понимания сложив-

⁹⁴ Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Изд-во «Лань», 1999. С. 145.

⁹⁵ Там же. С. 145.

⁹⁶ Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 38–39.

шейся ситуации не только в теории организационных процессов, но и в любой науке: «...Что-то объясняет классическая физика, но для некоторых явлений потребовалась квантовая теория; геометрия Евклида оказалась недостаточной для описания пространства, каким его увидел Н. Лобачевский... В теории организации пора начать новый этап, ибо в организационной среде дает о себе знать новая субстанция, для анализа которой нужен новый язык. Это обнаружилось не вдруг. Предпосылки нового подхода вызревали давно»⁹⁷.

Кроме того, изменилась трактовка *целей* исследования. С одной стороны, возникла потребность *отличать цели организации от целей для организации*. С другой стороны, степень сложности и устойчивости системы лишь косвенно зависит от растущего разнообразия способов достижения поставленной цели. Причина кроется в том, что, как заметил С. Бир в исследовании «Мозг фирмы», «мы склонны жить каждодневно эвристически, а проверять и управлять своими действиями – алгоритмически»⁹⁸. Поскольку это две разные стратегии поведения, то разрешению парадоксальной ситуации поможет не концентрация усилий по поддержанию контроля за всеми этапами процесса (административного, организационного и т.д.), а лишь частичное вмешательство, задающее динамику «самоуправляющейся» системе.

Начиная с конца 1960-х и вплоть до 1980-х годов исследователи-аналитики интересовались преимущественно *изменяющимися* системами с нарастающей неустойчивостью из-за возникновения флуктуаций, самозамыкания системы, а также вследствие утраты способности сохранять параметры и структуру в виде, соответствующем замыслу. Интерес к таким системам диктуется возможностью вживую наблюдать одновременно за множеством альтернативных состояний, «в противоположность близким к равновесию ситуациям, где имеется всего одно устойчивое состояние»⁹⁹. Поэтому изучение нелинейных (изменяющихся) систем вынуждает аналитиков видеть в таких состояниях кладезь премудрости: «Многообразие актуализированных нелинейных неравновесных систем принципиально необозримо. Их обозримость (существование небольшого числа объясняющих теорий) возможна лишь на уровне потенциальной реальности, в которой периодически происходят в силу локальной неустойчивости и по другим структурным причинам различные процессы актуализации (самоорганизации)»¹⁰⁰.

И.Р. Пригожин усматривал в подобных выводах повод усомниться в возможности добиться задуманных перемен путем самоорганизации дина-

⁹⁷ Пригожин А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. 2-е изд., испр. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 19.

⁹⁸ Бир С. Мозг фирмы. М.: Радио и связь, 1993. С. 59.

⁹⁹ Пригожин И. Перспективы исследования сложности // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1986. М.: Наука, 1987. С. 50.

¹⁰⁰ Костюк В.Н. Изменяющиеся системы. М.: Российская академия наук, 1993. С. 329.

мически меняющегося мира. «Имея дело с нелинейными изменяющимися системами, к которым, безусловно, относятся и социальные системы, мы, по словам И. Пригожина, должны признать, что не можем полностью контролировать социальные процессы (хотя экстраполяция классической физики на общество долгое время заставляла нас в это поверить) <...>. Применительно к управлению нелинейными потенциальными системами (в том числе и социальными) ставится вопрос не столько о том, что мы знаем о системе и на что можем влиять, сколько о том, что мы *не знаем* о системе и на что *не можем* влиять»¹⁰¹.

Когда ученые-синергетики попадают в подобное положение, то, действительно, получается ситуация, напоминающая эпизод из «Горя от ума» А.С. Грибоедова: «Шел в комнату, попал в другую», – констатируют авторы статьи «Синергетика: начала нелинейного мышления» Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, которые согласились с тем, что «синергетика в ее нынешнем виде еще не способна строить конкретные и действенные модели выхода из кризисных ситуаций, в особенности экономических, политических, экологических»¹⁰².

На исходе XX столетия научный мир с горечью заговорил о тотальной несбываемости прогнозов. «Надежда на математические модели в прогностике не оправдалась: их крушение усилило сомнения в прогнозирующей способности человеческого разума»¹⁰³. К концу 1990-х обнаружился также ряд проблем с научным познанием. Дифференциация наук оказалась впечатляющей: разрыв между гуманитарным и научно-техническим знанием достиг гигантских размеров. Появилось даже крылатое выражение философа и антрополога Клода Леви-Стросса: «XXI век будет веком гуманитарных наук – или его не будет вовсе»¹⁰⁴. Всю глубину катастрофы слишком долго не связывали с узкоспециализированной системой науки и образования, с разрывом между жизнью природы и хозяйственной деятельностью человека, со стремлением науки разъединиться на две ветви – теоретическую и прикладную в надежде построить новые оригинальные мысленные конструкции. Ученые как будто навсегда забыли, что познавательная истина – неважно, обнаружена она теоретически или практически, – является мерилom понимания закономерностей реального мира и бывает объективной только в том случае, когда опирается на проверенные практикой ценностно-нормативные представления людей и служит духовной доминантой, общезначимым правилом, константой смыслов. Наука долго закрывала глаза и на то, что в сфере социально-гуманитарных технологий

¹⁰¹ Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Изд-во «Лань», 1999. С. 155.

¹⁰² Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. М., 1993. № 2. С. 39.

¹⁰³ Пригожин А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. 2-е изд., испр. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 11.

¹⁰⁴ Цит. по: Ковальчук М.В., Нарайкин О.С., Яцишина Е.Б. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития // Вопросы философии. М., 2013. № 3. С. 7.

преимущественное развитие получили методы манипуляции общественным сознанием¹⁰⁵. Информация для манипулятивного воздействия в конце концов была поставлена на один уровень с точным научным знанием – особенно если дело касалось национальной истории и политики. К концу XX – началу XXI столетия применительно к историческому знанию стала господствующей точка зрения не Богданова, а Бердяева, сказавшего еще в далеком 1902 году: «В науке господствует не монизм, а плюрализм <...>. Миропонимание возможно только на почве метафизического синтеза и требует сверхнаучного творчества»¹⁰⁶. А И.Р. Пригожин в статье «Философия нестабильности» (1991) констатировал утрату исследователями творческого интереса и убеждал коллег, что «эвристический пессимизм» – это не повод опускать руки, а «приглашение к новым экспериментальным и теоретическим исследованиям»¹⁰⁷.

После этих слов становится понятным то, почему с таким воодушевлением отнеслись ученые России к возвращению из политической ссылки наследия А.А. Богданова: в его построениях, о нестандартном характере которых они были наслышаны, могла содержаться подсказка для решения проблемных вопросов современности. А прочитав, были ошеломлены масштабностью и смысловой целостностью его исследований. Так, академик РАН Л.И. Абалкин констатировал: «Современники не сумели, да и вряд ли могли по достоинству оценить значимость тектологии для формирования новой научной парадигмы. <...> Для того, чтобы лучше оценить значение тектологии как этапа или звена научного поиска, нужно четко разграничить два ее среза: тектологию как таковую и тектологию как особый тип или способ мышления. Тектология как таковая, по замыслу ее создателя, – наука, объединяющая организационный опыт человечества, это теория организационных систем, изучающая каждую из них с точки зрения отношений между ее частями, а также отношения системы как целого с внешней средой. Качественно новым в тектологии явился переход от метода аналогий, широко и плодотворно использовавшегося в науке, к выявлению общих закономерностей становления и функционирования систем. Высказанные А.А. Богдановым суждения и полученные им выводы во многом предвосхитили рождение теории систем и кибернетики и были интегрированы ими»¹⁰⁸. А по мнению академика Н.Н. Моисеева, произошедшая в середине XX столетия замена тектологии на теорию систем и кибернетику и вовсе была методологически неравноценной, поскольку «вся системная проблематика, поднятая Л. фон Берталанфи и его

¹⁰⁵ См., напр.: Макаревич Э., Карпухин О. Игры интеллигентов, или Социальный контроль масс. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 292–294, 297–309.

¹⁰⁶ Бердяев Н.А. Заметка о книге г. Богданова «Познание с исторической точки зрения» // Вопросы философии и психологии. СПб., 1902. Кн. 64. С. 848–849.

¹⁰⁷ Цит. по: Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Изд-во «Лань», 1999. С. 155.

¹⁰⁸ Абалкин Л.И. Тектология Богданова: на пути к новой парадигме // Вопросы философии. М., 1995. № 8. С. 4.

последователями, практически полностью укладывается в теорию организации А.А. Богданова, но не наоборот. <...> “Общая теория систем” – это известный шаг назад по сравнению с “Тектологией” А.А. Богданова. И успех работ Берталани, относящийся к 50-м годам, во многом объясняется тем, что сочинение А.А. Богданова к этому времени было основательно забыто. Оно появилось слишком рано, когда интерес к подобным проблемам еще не был подкреплён общественными потребностями»¹⁰⁹.

О позитивных перспективах применения тектологических закономерностей для решения широкого круга организационно-управленческих задач говорили в последней четверти XX в. даже те исследователи, которые не были знакомы с работами Богданова. Так, американский ученый Дж. Форрестер в статье «Антиинтуитивное поведение сложных систем» обращал внимание на то, что «...наши социальные системы несравненно более сложны и труднопонимаемы, чем технологические. Почему же тогда мы не используем аналогичный подход для создания моделей социальных систем и проведения лабораторных экспериментов на них перед тем, как опробовать новые законы и программы в жизни? Обычно отвечают, что наше знание социальных систем недостаточно для построения полезных моделей. Но имеет ли смысл заявление о том, что у нас, с одной стороны, нет знаний для конструирования моделей, а с другой – их достаточно для непосредственного конструирования новых социальных систем посредством принятия законов и введения новых социальных программ? Я совершенно уверен, и сейчас накапливается много свидетельств в пользу этого факта, что разумное использование моделей социальных систем может привести к значительно лучшим системам, законам и программам»¹¹⁰.

Поражало в наследии Богданова, прежде всего, то, что он в начале XX столетия поднимал на щит те же вопросы, которые спустя почти век так и остались нерешенными. А между тем в мире по сей день существует реальная потребность в объединении специализированных форм опыта в целостную систему: «Ход вещей наглядно для всех поставил организационные задачи человечества в мировом масштабе и обнаружил бессилие по отношению к ним старых точек зрения, старых способов мышления. Человечеству нужна *принципиально новая* точка зрения, новый *способ мышления*»¹¹¹. Богданов предполагал, что необходимо создать такую науку, которая позволяла бы человеку анализировать организационные процессы, исходя из их целесообразности, чтобы избежать лишнего расхода времени и ресурсов при решении жизненных задач. Сначала ученому казалось, что с формированием такой науки справится «Рабочая Энциклопедия», которая «давала бы все итоги человеческого опыта со строго пролетарской точки

¹⁰⁹ Моисеев Н.Н. Человек, среда общество: проблемы формализованного описания. М.: Наука, 1982. С. 40–41.

¹¹⁰ Форрестер Дж. Антиинтуитивное поведение сложных систем // Современные проблемы кибернетики. М., 1977. № 7. С. 11.

¹¹¹ Богданов А.А. Тектология. С. 58

зрения, в форме изложения и в объеме, доступных для рабочего»¹¹². Однако энциклопедия, сообщая «верхушки знания», не позволяла «овладеть методом его выработки»¹¹³. Но если исходить из того, что «наука есть организованный коллективно-трудовой опыт и орудие организации коллективного труда»¹¹⁴, то, значит, востребованными окажутся не только «верхушки знания», но и прежде всего наука, понимаемая как система методов выработки истины, вырастающей из практики, систематизирующей практику и находящей свое подтверждение в практике.

Различия между тектологическим и, например, синергетическим восприятием мировых процессов отчетливо прослеживаются при исследовании исторических событий. Если синергетика анализирует весь спектр *возможных будущих состояний* системы на основе ее *текущих параметров*¹¹⁵, то тектология отслеживает *всю цепочку причинно-следственных связей* между исходным и достигнутым положениями системы, прогнозируя лишь некоторые наиболее вероятные будущие ее состояния на основе подвергшихся изменениям структурных характеристик¹¹⁶. Подобный подход позволяет выявить не только формообразующие факторы новых состояний системы, но и дополнительные влияния, по разным причинам не включенные в анализ исследователем, но существенно воздействующие на процесс.

Применение такого тектологического подхода к изучению исторических событий можно проиллюстрировать, взяв за основу, например, тот факт, что крепостные крестьяне без подсказки извне и в высшей степени оперативно воспользовались указом Николая I в 1847 г. о возможности в складчину выкупиться на свободу с землей при продаже поместья с аукциона за долги¹¹⁷. С синергетической точки зрения данная ситуация может быть объяснена тем, что императорский указ попросту обеспечил кратчайший путь для реализации традиционного крестьянского идеала, который можно выразить словами: «Община вольных людей хозяйствует на собственной земле». Однако подобная интерпретация не позволяет объяснить ни того, почему крестьяне с недоверием относились к антикрепостнической агитации со стороны интеллигентов-разночинцев, вроде бы предлагавших более широкие возможности освобождения, ни того, почему с 15 марта 1848 г. в текст указа были внесены поправки, согласно которым крепостные, выкупавшие «всем миром» поместья дворян-банкротов, *больше не обретали свободы*, а «вся купчая сделка получала силу лишь с со-

¹¹² Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 98.

¹¹³ Богданов А.А. Наука и рабочий класс // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 372.

¹¹⁴ Богданов А.А. Методы труда и методы познания // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 376.

¹¹⁵ См., напр.: Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. М., 1993. № 2. С. 40.

¹¹⁶ См.: Богданов А.А. Тектология. С. 186–191.

¹¹⁷ См.: Маркс К. Об освобождении крестьян в России // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1958. С. 699–700.

гласия прежнего помещика»¹¹⁸: оба эти феномена отечественной истории выглядят противоречащими основной линии социально-экономического и политического развития, направленной на увеличение свободы и независимости ведущих элементов хозяйства и общества; поэтому синергетика относит их к флуктуациям, вносящим в процесс дополнительный элемент случайности.

Если же посмотреть на историю несостоявшегося в 1847 г. освобождения крепостных крестьян с точки зрения тектологических закономерностей, то и линия развития общества, и стратегии вовлеченных во взаимодействие социальных групп (сословий) окажутся не столь прямыми и однозначными. Прежде всего, сами крестьяне воспринимали ситуацию с указом Николая I не как социальную и юридическую новацию, а как возвращение к формам *прежней жизни*, хорошо знакомым по дедовским рассказам и преданиям об относительно недавнем времени, когда помещики во времена Петра I и его наследников отобрали у свободных крестьян землю и волю, превратив их в бесправных крепостных. С этой мировоззренческой позиции агитация разночинцев, выстроенная по европейским идеологическим шаблонам, попросту не воспринималась крестьянами в качестве руководства к осознанному действию, ибо оставляла без ответа самый главный вопрос: *чья в итоге будет земля – основной источник средств жизнеобеспечения?* Зато данный вопрос во всей остроте воспринимался дворянами, которые при последовательной реализации императорского указа 1847 г. оказывались под явной угрозой ненасильственного, но всеобъемлющего устранения из системы управления Россией – прежде всего, потому, что выкупившиеся на волю общины выплачивали положенные подати в казну *без посредничества помещиков*¹¹⁹. Поскольку дворянство, существенно уступая крепостным крестьянам в численности, превосходило их и по организованности, и по уровню материального богатства, и по степени интегрированности во властные структуры, оно выиграло данное противостояние, не только отсрочив проведение крестьянской реформы на 14 лет, но и обеспечив осуществление этой реформы силами дворян, через дворян и в интересах дворян¹²⁰. В результате межсословная дезинтеграция, сформировавшаяся еще в XVIII в., закономерно привела к длительному кризису D, завершившемуся системным расхождением и крушением империи, причем ключевую роль в данном процессе сыграли властная элита и основные производители средств жизнеобеспечения, а деятельность вестернизированных свободомыслящих интеллектуалов оказалась лишь одним из сопутствующих факторов развития кризиса, но не определяющим условием его возникновения.

Таким образом, синергетический анализ исторического процесса

¹¹⁸ Маркс К. Об освобождении крестьян в России. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 12. С. 700.

¹¹⁹ Там же С. 700–701.

¹²⁰ См.: Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 40–41.

предполагает оценку траектории движения определенной части общества от наличного состояния к желаемому под воздействием различных факторов¹²¹, а также выделение на этой траектории вероятных точек бифуркации и множеств дочерних траекторий движения, составляющих фигуру аттрактора, который характеризует совокупность возможных будущих состояний социальной системы¹²². Что касается тектологического анализа тех же факторов, то он делает основной акцент на целерациональном взаимодействии элементов социальной системы, выявлении формообразующих факторов социального сотрудничества и конфликтов между группами общества, определении основных векторов развития ситуации с учетом обнаруженных феноменов и – главное – на выборе таких возможных состояний системы, которые обеспечивают ее сохранение и устойчивое развитие в качестве организованного целого.

Не в последнюю очередь поэтому сам А.А. Богданов ситуацию с тектологией понимал так, что сформулированные им организационные законы полезны и необходимы людям, «как необходима инженерам математика, физика, химия для организации научной техники»¹²³. Понимал он и то, что успел сделать в тектологии лишь «первые шаги, первые выводы»¹²⁴, но она «будет жить и развиваться в коллективной работе мысли и сослужит свою службу человечеству»¹²⁵. Но даже в том виде, в каком ее оставил соотечественникам этот ученый, тектология вполне справляется с ролью «рабочей теории» – во всяком случае, применительно к *уже произошедшим событиям*, формообразующие факторы которых недвусмысленно зафиксированы в различных группах исторических источников. Системное структурирование подобных данных об исследуемом феномене социально-экономической или политической истории в существенной степени его облегчит анализ с помощью привычного метода аналогий, позволив исследователю сконцентрироваться на сущностных аспектах рассматриваемой проблемы, поскольку развитие социальной системы, особенно в кризисные периоды, «характеризуется таким многообразием, сложностью сплетения и такую частую сменой жизненных тенденций, что непосредственное их обобщение почти невозможно, а мысленное их продолжение в будущее весьма недостоверно»¹²⁶. Предложенный Богдановым особый *системный* взгляд на события общественной жизни способен послужить основой целостного восприятия исторического процесса, имеющего вид закономерной последовательности фактов, объединенных причинно-следственными связями, а вовсе не хаотической смены случайных явлений, которые каж-

¹²¹ См.: Пригожин А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. 2-е изд., испр. М.: ЛЕНАНД, 2015 С. 47.

¹²² См.: Пригожин И., Стернгерс И. Порядок из хаоса. С. 206–208, 226–228, 259–265.

¹²³ Богданов А.А. Открытое письмо Е. Ярославскому. 19 дек. 1923 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 221.

¹²⁴ Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 39.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 92.

дый волен интерпретировать по-своему, опираясь на субъективное «видение» ситуации вместо ее рационального анализа. Такой целостный взгляд на историю более продуктивен с эвристической и общемировоззренческой точек зрения, поскольку обеспечивает каждому обнаруженному факту четко определенное место в цепи причинно-следственных связей, характеризующих развитие общества, и исключает произвольное толкование событий, при котором отсутствие точного знания объективных фактов зачастую компенсируется субъективными домыслами пристрастных мифотворцев, манипулирующих исторической памятью социума (прежде всего, через институт массового образования) для достижения своих узкогрупповых целей.

В следующих главах книги осуществлен критический разбор двух влиятельных исторических мифов, которые начали формироваться уже при жизни А.А. Богданова: мифа о коммунизме как доктрине насильственного переустройства общества и мифа о «военном коммунизме» как специфически-советской модели реализации данной доктрины. Однако при использовании тектологического системного анализа выясняется, что в основе данных феноменов лежали совсем не те социальные факты, на которые обращали внимание интерпретаторы-мифотворцы.

2 Тектологический анализ перспектив осуществления социалистического идеала

Когда в 1989 г. «Всеобщая организационная наука (тектология)» Богданова была извлечена из спецхрана и переиздана, то первое, что хотелось бы понять читателям, – почему эта книга провела 60 лет «в ссылке»? При самом внимательном и вдумчивом чтении «Тектология» не была похожа на книги, подлежащие запрету. С высоты знаний, накопленных человечеством к концу XX столетия, научные труды и фантастические романы Богданова вызвали восхищенное потрясение глубиной анализа и доступностью изложения. На фоне наследия Богданова сразу же обнажилась наивность вождей советского периода, воспитанных на единомыслии в рамках марксизма-ленинизма с опорой на формально-логические способы анализа ситуации. Автор «Тектологии» показался для новых читателей особенно убедительным в том, что исследование общественно-экономических процессов базировалось у него не только на логике, которая является лишь одним из инструментов человеческого мышления и выполняет сугубо служебную функцию, но недостаточно надежную в соответствии с аристотелевским замечанием о том, что с помощью одних только логических методов невозможно отличить истину от лжи. Обнаружить особенности базисных социально-экономических процессов, по мнению Богданова, можно было лишь с помощью главного элемента мышления – возможности сравнивать предметы и явления, чтобы группировать их по принципам

сходства и различий. Именно этот элемент делает любое – даже самое неразвитое (например, детское) – мышление *системным*, организующим и упорядочивающим представления человека о мире. В соответствии с выводами Богданова, произвольно систематизировать что угодно нельзя, поскольку объекты систематизации должны обладать устойчиво воспроизводимым сходством существенных признаков. Ученый считал: чтобы воспитать поколение думающих людей, нужно не только сформировать умение сравнивать жизненный опыт друг друга, но и предоставить объективные рациональные критерии, по которым могло бы выполняться такое сравнение. При замене объективных критериев ничем не значащими, выбранными по случайному или волюнтаристскому принципу (например, при выделении социальных групп на основе цвета кожи, эстетических предпочтений, сексуальных ориентаций и т.п. с одновременным отказом от рассмотрения главных функций людей в системе общественного взаимодействия) мышление фактически перестанет развиваться, сведясь к набору стереотипных реакций на стандартные раздражители.

Знакомство с «Тектологией» убеждало в том, что для выработки объективных критериев сравнения, развивающих мышление, оценили *очень по-своему* и политические лидеры, и интеллектуалы-идеологи, и ученые-обществоведы в России: в условиях идеологической монополии марксизма-ленинизма умение граждан самостоятельно анализировать ситуацию с использованием сравнительных методов представляло серьезную потенциальную угрозу для правящей группы, поэтому идеи Богданова были совершенно закономерным образом принудительно исключены из научного оборота. Нежелание партийно-советской элиты того времени конкурировать с носителями других типов мировоззрения оформилось по трем направлениям:

1) объективное сравнение предполагало возможность знакомства людей с идеологическими системами настоящего и прошлого, с идеями, не тождественными и даже противоположными взглядам идеологов марксизма-ленинизма;

2) вместо директивных предписаний, которые одинаковы для всех сверху донизу, руководству страны пришлось бы заняться сравнительным анализом альтернативных вариантов решения проблем и грамотно выбирать из их числа оптимальный;

3) декларируемые элитой идеологические лозунги потребовалось бы привести в соответствие с практикой государственного управления – просто потому, что любые трансформации реальной жизни в соответствии с принципами идеологии слишком дорогостоящи и трудоемки.

Все это, с точки зрения руководящей «верхушки», могло ввергнуть новое государство в хаос. Для страны, пережившей мировую и гражданскую войны, а также внутрипартийные конфликты, подобные непривычные рекомендации воспринимались как фактор риска, как серьезная угроза победившей большевистской элите. Составлявшие ее новые управленцы в

основном являлись носителями не столько научно-организационного, сколько командно-авторитарного мышления, сформированного в ходе силовой борьбы за власть. А «Тектология» требовала совсем иного подхода к решению управленческих и воспитательно-идеологических задач, тем более что всеобщая организационная наука изначально создавалась как универсальная методология познания, способная послужить основой принципиально новой идеологии переустройства общества – реформирования не под знаком насильственного разрушения старого, отживающего и отжившего, а под знаком разумного созидания, для которого надлежало использовать весь полезный опыт прошлых лет – не той или иной специальной отрасли в отдельности, но всех их в совокупности ради объединения познания в целостную систему¹²⁷.

Это мнение ученого было встречено в штыки в первую очередь приверженцами «догматического марксизма», которые видели в усовершенствованной Марксом гегелевской диалектике абсолютную и непререкаемую истину. Они, не церемонясь с «ревизионистом» Богдановым, игнорировали его справедливые возражения по поводу того, что с *организационной* точки зрения «отношение “тезиса” и “антитезиса” есть просто *отношение различия* двух степеней какого-нибудь процесса, возведенное мышлением в противоположность»¹²⁸. Поскольку большинство природных и социальных процессов, по мнению Богданова, являются в той или иной мере циклическими или, вернее, колебательными, то «тезис» и «антитезис» марксистской диалектики представляют собою соответственно максимум и минимум волны колебаний; следующий максимум становится «синтезом», а его сходство с «тезисом» признается за «отрицание отрицания». Вследствие этого материалистическая диалектика в качестве методологии познания оказывается недостаточно адекватной познаваемым процессам, непрерывность которых она признает лишь в очень ограниченной степени. По словам Богданова, «научно ценным в старой диалектике было указание на скрытые в понятиях и вещах “противоположности”, которые требовалось искать и под которыми подразумевались то дезингрессия¹²⁹ активностей, то просто системное расхождение частей или сторон целого. В организационном анализе все это приходится различать, и применение старой схемы уже не было бы полезно, а неизбежно связанные с ее гегелевской и догегелевской терминологией остатки “логизма”, отождествляющего развитие схем и реальностей, могут быть и вредны»¹³⁰.

Не исключено, что именно эта сторона взглядов Богданова послужила основной предпосылкой его травли в газетах, поскольку в условиях формирования тоталитарной идеологии «марксизма-ленинизма» любое

¹²⁷ См.: Богданов А.А. Тектология. С. 58.

¹²⁸ Богданов А.А. Тектология. С. 269–270.

¹²⁹ Тектологический термин, обозначающий полный или частичный разрыв связей между элементами организованного комплекса (системы).

¹³⁰ Богданов А.А. Тектология. С. 271.

сомнение в истинности базовых идей программной доктрины грозило авторитету партийных лидеров. «Старая» диалектика в виде марксистского учения была удобнее для вождей-идеологов тем, что «в изложении фактов и мыслей она вносила моменты ритма и симметрии, внешнюю, формальную организованность, которая облегчает восприятие и запоминание. Эта сторона диалектики, по-видимому, еще долго будет сохранять свою ценность», – констатировал А.А. Богданов, признававший главную причину того, почему подавляющему большинству политических руководителей было явно не по пути «с научной, стремящейся к точности, организационной диалектикой»¹³¹, хотя бесконечные дискуссии по поводу многих позиций теории Маркса должны были бы убедить, что диалектика даже в марксистской форме не могла дать четкого представления о характере грядущих изменений мирового процесса, особенно важных для решения практических задач – тактических и стратегических.

Принесут ли перемены прогресс или приведут к регрессу, зависит не только от «усложнения» среды, но и от редуцирующего развития, которое «приспособляет систему к среде суживающейся, т.е. к некоторым временным и частным условиям, а не к типическим изменениям»¹³². Это ведет, с одной стороны, к расширению системы (за счет количественного возрастания многообразия и разносторонности группировок элементов), а с другой стороны, к сокращению ее организационных возможностей (за счет редуцирующего развития структуры, приспособления к суженной среде), «причем последний случай есть также момент регресса»¹³³. Умозрительно предугадать перспективу этих соотношений затруднительно: лишь постфактум обнаруживается финал, к которому шаг за шагом шла вся система. Не последнюю роль сыграет то, что в меняющейся системе параллельно сосуществуют ранее возникшие «исторические наслоения» и вновь формируемые элементы. В сложной изменчивой среде организационное соответствие между новым и старым будет играть ключевую роль, потому что оно оценивается исключительно тем, насколько новые «исторические наслоения» окажутся ближе, понятнее и созидательнее прежних для большинства населения. А.А. Богданов не имел никаких иллюзий в отношении судьбы современного общества в целом: «Она будет зависеть от соотношения прогрессивного и регрессивного моментов в развитии его низов»¹³⁴, особенно если редукция немногочисленной «верхушки» общества будет происходить на фоне регресса жизни «низовых» социальных групп – в таких условиях масса людей, положение которых неуклонно ухудшается, станет слишком большой и не сможет обеспечить даже сохранение достигнутого уровня существования общества, не говоря уже о его полноценном развитии. Таким образом, последняя по порядку, но не по значению закономер-

¹³¹ Богданов А.А. Тектология. С. 392.

¹³² Там же. С. 395–396.

¹³³ Богданов А.А. Тектология. С. 396.

¹³⁴ Там же.

ность всеобщей организационной науки, связанная с понятиями «структурного прогресса» и «структурного регресса», предполагает, что с изменением системы между ее частями формируются все более устойчивые и гармонические связи, ведущие к пропорциональному и целесообразному развитию ее элементов; однако при этом обнаруживается также и структурный регресс в виде нарастания дисгармонии и диспропорций между элементами системы вследствие опережающего развития одних частей за счет деградации других. В итоге количественный рост системы не спасает ее от дезорганизации, в ходе которой ученый отмечал тенденцию последовательного разрушения элементов системы в порядке, обратном их возникновению.

Начальный процесс формирования капиталистических отношений на Западе и Карлу Марксу, и Александру Богданову виделся, по большому счету, одинаково. Правда, русский исследователь развитие нарождавшейся формации рассматривал комплексно, добавив к анализу новой формы хозяйственной деятельности всесторонний разбор идеологического аспекта общественного сотрудничества, поскольку считал, что в изменяющихся условиях взаимодействующие «социальные силы влекут людей не в одну и ту же сторону, а часто в противоположные»¹³⁵. По мнению Богданова, это объяснялось самой природой буржуазных отношений, основанных на жесткой конкуренции и тяготении к гражданским свободам наряду с безоговорочно авторитарной формой взаимодействия хозяина-собственника с подчиненным наемным персоналом¹³⁶. По формальным критериям такое толкование не противоречило научно-аналитической теории немецкого экономиста, который исследовал процесс формирования механизмов капиталистической эксплуатации, порождавшей внутри активно развивающейся торгово-промышленной системы две антагонистические силы, в основе противостояния которых лежал, по выводам К. Маркса, сугубо экономический фактор, т.е. немецкий исследователь капиталистической системы действительно обошелся без включения в свой анализ идеологической составляющей общественных отношений. В связи с этим Богданову пришлось делать акцент на том, что абстрактный метод познания был вообще характерен для социальных наук XIX столетия. К примеру, напоминал он теоретикам-марксистам, «Адам Смит и Давид Риккардо исследовали экономические процессы капитализма с помощью основной абстракции “экономического человека”: они мысленно отнимали у человека все иные мотивы <...> – кроме “экономической выгоды”, – как бы обрубали и обрезывали человечью личность, оставляя только “существенное” для их задачи; а затем оперировали уже с этим упрощенным комплексом. – Маркс, изучая развитие капитализма, берет за основу “чисто капиталистическое общество”; эта абстракция получается путем мысленного очищения современной

¹³⁵ Богданов А.А. Великий упырь нашего времени // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 73.

¹³⁶ Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 123.

Марксу капиталистической организации от всех заключающихся в ней остатков и пережитков прежних экономических систем и от зародышей будущих. Такие упрощения позволяют проследить главные закономерности бесконечно сложной экономической жизни»¹³⁷. Но одновременно с этим, напоминал А.А. Богданов, «Маркс упрекал материализм за “созерцательную” точку зрения на действительность и <...> требовал, чтобы миропонимание было активным <...>: в его руках социальная наука стала на самом деле теорией трудовой и социально-боевой практики; и вместе с тем она впервые сделалась наукою, а не только “философией” общественной жизни. Такое же преобразование надо было выполнить по всей линии опыта»¹³⁸ человечества – включая, в том числе, и то, что относится к идеологии: «нравственные, политические, идейные, лично-эмоциональные»¹³⁹ и иные формы социального сотрудничества людей. Так думал Богданов.

Однако западные и российские приверженцы марксизма посчитали излишним, несвоевременным и вообще «идеалистическим» богдановский вывод об определяющей роли мировоззренческих трансформаций в обществе, об их влиянии на ход и активизацию жизненных перемен. А.А. Богданов безуспешно пытался оспорить «“наивные” противоречия мысли», заложенные в основу «официальной теории» социал-демократов»¹⁴⁰. Ученый-аналитик убеждал оппонентов в том, что такой «подавляюще доказательный материал», как политическая несамостоятельность пролетариата, его неумение не только развить «все-организующую силу» рабочего движения, но даже обнаружить неразрывную связь между участием трудящихся в общественных процессах и реальной возможностью решать задачи *своего* класса, свидетельствовал о недооценке лидерами-марксистами «идеологического механизма», который во все времена оставался для человечества «средством *воспитания* людей»¹⁴¹. Но не следовало сбрасывать со счетов и то, что властная элита любой из стран хорошо знала цену тотальному идеологическому влиянию на умы подданных, поэтому все правители, особенно в кризисные эпохи, широко пользовались идеологией как «организационным орудием», понимая ситуацию так: если уж коренной переворот в общественно-политических отношениях был объективно неизбежен, то для господствующих структур «революция сверху» всегда была предпочтительнее «революции снизу» – о том и заботились.

Но лидеры мировой социал-демократии индифферентно отнеслись к целостному арсеналу системно-организующих функций идеологии, считав приемлемой лишь ту часть ее методов, практическое применение кото-

¹³⁷ Богданов А.А. Методы труда и методы познания // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 385.

¹³⁸ Богданов А.А. Тайна науки // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 393.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 323.

¹⁴¹ См.: Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 325, 326.

рых *формировало у неразвитых людей классовое сознание*. А.А. Богданов жестко критиковал такую позицию, особенно откровенно проявлявшуюся у лидеров РСДРП, которые работу с рядовым составом партии понимали крайне узко – в форме постоянного побуждения масс к классовой ненависти. Эта методологическая ограниченность стала приоритетной в повседневной практике нелегалов-социалистов и даже получила закрепление в партийной теории как обязательный элемент. Этот факт более всего беспокоил ученого-аналитика Богданова, который с чрезвычайной скрупулезностью исследовал проблему идеологического обеспечения деятельности РСДРП и пришел к неутешительным выводам: «Исходя из положения Маркса, что идеология есть “надстройка”, нечто “производное”, “вторичное”, эта теория относится к ней с явным <...> пренебрежением. Всякое указание на серьезную, в каком бы то ни было смысле реально руководящую роль идеологии в социальной жизни она считает <...> “идеализмом”. И к той же идеологии у нее отношение *диаметрально противоположное*, лишь только это понятие выражается *другим словом* <...> – “классовое сознание” и “классовое самосознание” <...>. Развивать классовое сознание пролетариата – именно такова, по официальной же формуле, первая и главная задача социал-демократии. Отрицание за “идеологией” руководящей функции на словах, ее признание за “классовым сознанием” на поле практики – вот, выражаясь мягко, антиномия нашего марксизма»¹⁴².

Однако Богданов не был услышан, потому что мировая социал-демократия сосредоточила все свое внимание на вопросах, поднятых в «Капитале», посчитав опыт Запада ценным и поучительным, тем более что схема классового противостояния на экономической почве была логически проста и доступна пониманию как высоколобого интеллектуала, так и полуграмотного пролетария. Словом, теория Маркса показалась универсальной, «обязательной истиной», способной превратиться в «верховную инстанцию решения всех вопросов»¹⁴³. К тому же она как нельзя лучше подходила для пропагандистской работы с массами, поскольку доктрина, изложенная в «Капитале», ориентировала пролетариат на благодатные перспективы, так как прогресс общественного развития немецкий ученый-экономист связывал с последовательным превращением частной формы собственности в общественную, считая этот перераспределительный процесс неизбежным следствием позитивной трансформации капиталистического производства в интересах и на благо трудового класса.

Однако исключение из теории воспитательно-организующей функции идеологии породило в процессе реализации прогноза К. Маркса непонимание закономерностей возникновения новых фаз развития капитализма. Поскольку формы общественного переустройства всякий раз приобретали радикальные отличия от предшествующих, то вожди мировой социал-

¹⁴² Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 323.

¹⁴³ Богданов А.А. Великий упырь нашего времени // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 74.

демократии попросту терялись в поисках вразумительного объяснения эмпирически наблюдаемых эволюционных явлений, когда на смену торговому капиталу пришел промышленный, непредсказуемо уступивший место финансовому, вершиной которого явилось формирование капиталистической системы управления милитаризованным государством по законам «военного коммунизма». Лидеры-социалисты, подвизавшиеся блюсти «чистоту марксизма», не нашли в «Капитале» необходимого толкования, но высокомерие не позволяло им воспользоваться результатами научного анализа А.А. Богданова, который тем не менее с завидным упорством убежденного исследователя доказывал оппонентам, что в основе поэтапного преобразования капиталистической системы лежал сугубо идеологический фактор: ради максимального извлечения материальной выгоды главный действующий субъект эпохи – капиталист – постоянно находился в поиске возможностей разбогатеть.

Социал-демократы не приняли точки зрения Богданова даже тогда, когда он изложил детальный анализ функционирования общественно-экономической формации капитализма и описал особенности борьбы каждой социальной силы за укоренение и господство своих духовных ценностей, уделяя при этом особое внимание рассмотрению методов поэтапного преобразования системы, начиная с предыстории ее развития. Так, до установления капитализма мало кто задумывался о приоритетном значении для общества «господства рынка, обмена, частной собственности, интересов личности»¹⁴⁴ и т.д. «Меновые отношения, раньше ничтожные, едва заметные в экономической практике, с течением времени все более расширяются, – сообщал ученый в статье «Великий упырь нашего времени», – и уже в феодальную эпоху начинают играть видную роль в жизни, а на границе феодального строя получают фактическое преобладание. Они исходят из сотрудничества независимых индивидуальных хозяйств и приносят с собой дух частной собственности, дух конкуренции. В их центре стоит личность, со своими особыми интересами и стремлениями, с жадной развития своей индивидуальной силы»¹⁴⁵. Поначалу привычные нормы труда «уживаются очень хорошо» рядом с набравшими силу индивидуалистическими, дополняя их «там, где жизнь этого требует»¹⁴⁶, но боевая энергия, дух независимости, готовность к риску, так необходимые инициативной личности «для успеха в меновой борьбе и всякой жизненной конкуренции», выводят человека «дерзкого ума» на широкий простор¹⁴⁷.

Однако при этом для общества в целом начинаются жестокие времена, когда жизнь приходит в непостижимое вихревое движение, разрушая традицию и веру веков. Начало этому процессу, по описанию Богданова в очерке «Время великих перемен», было положено в тот период, когда

¹⁴⁴ Богданов А.А. Великий упырь нашего времени // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 70.

¹⁴⁵ Там же. С. 72.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Богданов А.А. Великий упырь нашего времени // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 73.

«ломка старого, патриархально-феодального уклада силою денег, натиском пробивавшего себе дорогу торгового, а затем и мануфактурного капитала, совершалась грубо и беспощадно. Все средства были хороши в служении золотому богу. Пионерами и пророками нового строя явились отважные искатели наживы»¹⁴⁸, несмотря на то, что их высокие прибыли сопровождались столь же высоким риском потери всего, включая и саму жизнь, вследствие варварского внедрения в общественные отношения системы «голового грабежа» и «невиданно зверских форм» эксплуатации в условиях чрезмерно быстро разрушающихся старых устоев. «Никогда еще на памяти истории жизнь человечества не достигала такой неожиданности превращений, такого безумия контрастов»¹⁴⁹, как в период великих перемен, когда жажда денег охватила всю Европу и погрузила ее народы в жестокую атмосферу тиранства, варварства и великого хаоса. Нередко богатство людей, стоявших у колыбели капитализма, добывалось немыслимыми усилиями, и часто – ценой жизни. Первыми неэффективность системы «голового грабежа», с точки зрения Богданова, осознали купцы-авантюристы: непомерный риск ради наживы был неотъемлемой и безальтернативной частью их жизни, но сам по себе отнюдь не гарантировал прибыли.

Промышленный капитализм начался с того, что купцам в какой-то период оказалось проще и безопаснее организовать производство товаров под своим контролем, «то есть давалось *действительное* решение задачи <...> того же или даже большего масштаба». Однако при этом не могло быть речи о повторении прежней ситуации, как отмечал А.А. Богданов, доказывая оппонентам, что «преобразованное буржуазией общество на месте бывшей сословно-правовой дифференциации развило новую, классовую <...>. Но эта система отличалась гораздо большей гибкостью и пластичностью связей, гораздо большей подвижностью элементов <...>. Именно благодаря пластичности системы, процессы ее частных изменений и их подбора, то есть то, что называют ее развитием, идут во много раз быстрее, чем в прежних организациях. А развитие это направлено, по общему закону, в сторону расхождения частей, накопления и возрастания внутренних противоречий, дезорганизационного момента <...>. Экономисты резюмируют противоречия капиталистически-классовой системы в двух понятиях – анархия производства и борьба классов»¹⁵⁰.

В практической деятельности это обстоятельство понималось четко определенным образом: хотя при промышленном капитализме насильственная смерть как риск для жизни и деятельности предпринимателей-конкурентов была сведена почти на нет, тем не менее реальная угроза лишиться нажитого имущества вследствие разорительных экономических кризисов и классовой борьбы оставалась чрезвычайно высокой. Это вынуждало собственников-буржуа искать новые способы сохранения и приум-

¹⁴⁸ Богданов А.А. Время великих перемен // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 76–77.

¹⁴⁹ Там же. С. 77.

¹⁵⁰ Богданов А.А. Современные идеалы // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 286.

ножения своего благосостояния, пока они не пришли к мысли о том, что «делать и продавать можно не только товары, но и деньги». Эта идея пришла по вкусу банкирам, и, как писал А.А. Богданов, западное общество даже не заметило, что промышленный капитализм в кратчайший исторический срок уступил ведущие позиции в экономике финансовому, – настолько естественно и непринужденно этот трансформационный процесс вписался в жизнь Европы. Все выглядело так, будто банковское кредитование населения являлось удобной, выгодной и почти благотворительной услугой. Однако довольно скоро новая прибылеориентированная форма влияния на социальную жизнь обнаружила свою хищническую природу, особенно когда «инфляция “бумажно-золотой” покупательной силы и возрастающая дороговизна, за которой не поспевали заработки трудовых слоев»¹⁵¹, стали подрывать всю систему денежного оборота, доводя население до нищеты. Но финансисты, не желая ограничивать область своего контроля только хозяйственной деятельностью, взялись за решение задачи монопольного управления всеми сферами общественной жизни в соответствии с принципом: «Если сердцем капитализма является рынок, то его кровью – деньги со всеми их бумажно-кредитными производными»¹⁵².

Данное обстоятельство не могло не привести к закономерному сращению финансового капитала и государственной власти, совместными усилиями сформировавших «мощную систему», которую сам Богданов называл организацией «коллективного страхования капитала», добавив: «Этот термин я ввел, как экономическое пояснение обычной формулы – “организация господства”»¹⁵³. Итог развития такой системы в условиях финансового капитализма, по мысли ученого-аналитика, был предсказуемым вследствие двух обстоятельств, учитывающих, *во-первых*, то, что целью любого буржуа-банкира является не только характерная для всех бизнесменов погоня за прибылью, но также и стремление к монопольному доминированию над обществом. Это уточнение не позволило сбросить со счетов *второй фактор*: поскольку «борьба монополистов принципиально более истребительна и беспощадна, чем война просто конкурентов», то у банкиров «нет основания удерживаться в рамках мирных методов защиты и нападения, если есть еще возможность прибегнуть к насильственным»¹⁵⁴. Вывод Богданова не имел альтернативы: в этом случае «мировой войны нельзя <...> миновать»¹⁵⁵.

Подобного рода умозаключения ученого-аналитика вообще не воспринимались теоретиками мировой социал-демократии как логическое объяснение того, почему «загнивающий» капитализм, трансформируясь, не приближался к социализму, а раз за разом возрождался, словно феникс

¹⁵¹ Богданов А.А. Версальское устроительство // Богданов А.А. Тектология. С. 453.

¹⁵² Там же. С. 452.

¹⁵³ Богданов А.А. Версальское устроительство // Богданов А.А. Тектология. С. 451.

¹⁵⁴ Там же. С. 454.

¹⁵⁵ Там же.

из пепла, хотя, с точки зрения А.А. Богданова, в этом процессе не было ничего загадочного. Просто политики-социалисты в своих теориях не учитывали главной закономерности развития общественных отношений, суть которой в том, что *всякая система обречена на самовоспроизводство, пока в ней сохраняется системообразующий фактор*. Для капитализма таким фактором являлась идеологическая составляющая в виде ориентации собственника на извлечение максимальной прибыли. Отсюда вывод: если при поэтапной смене форм эксплуатации сохраняется подчинение этому главному идеологическому принципу капиталистической системы, то обновление даже всей совокупности приемов и элементов социального сотрудничества не приведет к уничтожению буржуазного строя.

В этих условиях крайнюю опасность представляло сформировавшееся в среде молодых лидеров социал-демократии заблуждение, что «для революционного марксизма *сущность* социализма заключается в уничтожении частной собственности на средства производства, а сущность капитализма в ее наличии»¹⁵⁶. Подобное упрощенческое сведение комплексных по своей природе производственных отношений к сугубо правовым нормам не только способствовало искаженному восприятию марксизма¹⁵⁷, но и вело к некритическому отождествлению капитализма с наличием частной собственности, а социализма, соответственно, с экспроприацией этой собственности под лозунгом «Взять всё и поделить!», что в итоге формировало *совершенно ложную картину исторического развития общества*, в которой основным фактором социальной эволюции служит уже не совершенствование технологий производства и распределения средств жизнеобеспечения и не развитие культуры общества, а только и исключительно «воля к власти», проявляемая тем или иным человеческим коллективом¹⁵⁸.

Столь же ошибочными и чуждыми закономерностям эволюции капитализма были, согласно аналитическим выводам Богданова, и представления теоретиков социал-демократии о том, что «социализм возможен лишь там, где производство уже сконцентрировано (объединено) в руках не

¹⁵⁶ Цит. по: Богданов А.А. Письмо неустановленному адресату (т. Н.Н.). 24 ноября 1920 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 198. Данное суждение принадлежит В.Р. Менжинскому.

¹⁵⁷ Комментируя цитированную выше работу В.Р. Менжинского, А.А. Богданов отмечал: «Если бы это было так, то марксизм был бы социально-идеалистическим учением, ибо частная собственность есть отношение юридическое, а не трудовое» (Богданов А.А. Письмо неустановленному адресату (т. Н.Н.). 24 ноября 1920 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 198).

¹⁵⁸ Наиболее отчетливо данную парадоксальную интерпретацию исторического процесса сформулировал Карл Поппер, определивший социальную революцию как «попытку хорошо сплоченного пролетариата завоевать полную политическую власть при твердом намерении не избегать насилия, если оно потребуется для достижения этой цели, и пресекать все попытки своих противников восстановить свое политическое влияние» (Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 2 М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 175). Фактическое низведение сложного комплекса социально-экономических, политических и культурных трансформаций до примитивного силового захвата власти, понимаемой как самоцель, ничуть не смущало ни почтенного теоретика либерализма, ни его единомышленников и последователей.

очень значительного числа капиталистов и их могущественных организаций (трестов), где переход от такого объединенного производства из рук немногих к объединению в руках всего общества не так труден, где пролетариат составляет большинство населения и *промежуточные группы не играют большой роли в общественной жизни*¹⁵⁹ (курсив мой – А.Л.). Впервые о промежуточных группах заговорили не идеологи-теоретики РСДРП, а именно А.А. Богданов, отметивший, что за пределами доктрины К. Маркса и трудов интерпретаторов его учения осталось то характерное для поздне-индустриальной эпохи изменение организационной структуры буржуазного общества, при котором в системе производства на стороне класса частных собственников появились две дополнительные общественные силы. По мысли ученого-аналитика, этот чрезвычайный фактор не следовало игнорировать при исследовании буржуазного строя, поскольку влияние новых социальных групп на динамику трансформационных процессов капиталистической системы в реальности оказалось беспрецедентным.

В связи с внедрением машинной техники *первой* была сформирована группа *со специфическими нормативно-организаторскими функциями*, которая помогала повышать производительность труда и увеличивать объемы производства, что послужило эффективным средством для выживания предприятия в условиях нарастающей рыночной конкуренции. Поскольку владельцу в новой ситуации уже не удавалось без потерь совмещать функции технологического обеспечения, контроля за персоналом и сохранения прибыльности частно-собственного хозяйства, то надзорные обязанности он переложил на десятников, цеховых мастеров, подрядчиков, разрядчиков, а также на работников бухгалтерий, снабженцев и тому подобных специалистов, нанимаемых на предприятие для исполнения контрольно-распределительных и учетно-расчетных работ. В их появлении рабочие поначалу не увидели ничего экстраординарного вследствие распространенного мнения о том, что надзиратель – это всего лишь усердный сторож хозяйских интересов по долгу службы.

Однако дело не ограничилось появлением только контролирующей группы: «общая теснота рынка»¹⁶⁰ потребовала введения новых технологий в производственный процесс, вследствие чего хозяину пришлось искать помощь и поддержку у научных и технически грамотных специалистов. Так в капиталистический производственный процесс влилась еще одна социальная сила. Хотя у собственника желание нещадно эксплуатировать работников не исчезало никогда, но на предприятиях сложилась особая ситуация: промышленная техника усложнилась настолько, что хозяева столкнулись с необходимостью беречь рабочих высокой квалификации, поскольку эффективность производства и широта охвата рынков сбыта за-

¹⁵⁹ Левицкий В.О. Чего хотят социал-демократы? // Социальная демократия в России: исторические аспекты. Реф. сб. М.: Б. и., 1994. С. 143.

¹⁶⁰ Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 128.

висели не от неквалифицированного труда «чернорабочих», а от продуктивности высокооплачиваемых пролетарских кадров. Поэтому обращение собственников к услугам научно-технических специалистов было закономерным: все, что можно, уже было выжато эксплуататором из высококлассного рабочего-профессионала – осталось только изучить и задействовать те резервы, которые крылись в самом человеке. Именно для этих целей понадобились в сфере производства *научные и технические специалисты-новаторы, составившие в итоге вторую дополнительную силу*, которая стала заниматься научной организацией труда.

Вторая дополнительная группа заявила о своем существовании в 1880-е годы тем, что практически сразу же после появления на предприятиях выявила в качестве сильнейшего тормоза для эффективного расширения производства «потогонную систему», применяемую собственниками в целях извлечения максимальной прибыли без учета физиологических возможностей человека. Научно-технические специалисты настояли на внедрении иной системы организации труда и управления производством – системы Тейлора. Первый этап ее победного шествия по Европе ознаменовался введением стандартизации инструментов (1880 г.). Дело пошло эффективнее, когда в 1882 г. на предприятиях была создана так называемая «функциональная администрация», которая, анализируя условия труда, физиологические возможности и уровень квалификации рабочих, пришла к убеждению, что на каждом производстве существует свой ритм работы, влияющий на производительность труда. В 1883 г. впервые был проведен хронометраж трудового процесса, который позволил выявить пики, спады и периоды почти нулевой активности производственного персонала, а также разработать соответствующие рекомендации по распорядку рабочего дня. На их основе стали появляться предписания в виде инструкций и нормативных распоряжений, требующих безусловного исполнения, хотя и необязательных для понимания исполнителей, – по принципу «Делай не рассуждая»¹⁶¹.

Тем же правилом руководствовались и в деле популяризации науки: образованные люди не видели большого смысла в просветительстве. Над разумной и благородной целью – преодолеть неразвитость простонародья – победу одерживала высокомерная позиция, присущая даже «левому крылу» новой буржуазной интеллигенции, куда успешно вписалась научно-техническая группа, курировавшая на промышленных предприятиях производственный процесс. Эта группа довольно тесно общалась с пролетариатом, но даже при этом условии не сумела принять то, что основой плодотворности взаимодействия с рабочими могло послужить стремление находить общий язык друг с другом, чтобы объединение теоретического и практического знания сократило путь к познанию истины и повышению квалификации рабочих. Научно-техническая интеллигенция не находила в

¹⁶¹ Тощенко Ж.Т. Предмет и структура социологии труда // Социс. М., 2003. №3. С. 55.

этой деятельности смысла, и без того чувствуя себя «духовным началом» и «разумом» общества, вследствие чего в общении с рабочими руководствовалась распространенным мнением о том, что и в производственной, и в бытовой, и в общественной жизни обязанностью пролетариата является слепое подчинение. И тем не менее рабочие тянулись к научно-технической группе. Они, при отсутствии прямого принуждения, к которому привыкли при общении с хозяином и контролерами, ошибочно воспринимали инженера-специалиста, как защитника их прав, взаимодействующего с ними более тонкими методами, поскольку из всех представителей руководства только он один дотошно вникал в условия труда рабочих. Однако сама научно-техническая группа рассматривала диалог с пролетариями лишь в качестве инструмента обеспечения максимальной производительности и прибыльности предприятия, и в конечном итоге ее главные цели мало отличались от задач службы надзора.

Таким образом, привлеченные на предприятие обе группы – нормативно-организаторская и научно-техническая – были изначально ориентированы именно на соблюдение интересов владельца предприятия и фактом своего участия в производственном процессе компенсировали отчуждение от непосредственных производителей самого собственника, который оставил за собой только владение и стратегическое управление предприятием для извлечения максимальной прибыли в условиях расширяющейся конкуренции на капиталистических рынках. Кроме того, Богданов отметил еще одну характерную черту первоначального переустройства организационной структуры меняющихся капиталистических отношений. Каждая из новых групп, появившихся на предприятиях, несмотря на свое ощутимо растущее влияние в производственной сфере, не стремилась к лидерству, чтобы обрести независимое положение и заявить о себе как о самостоятельной социальной силе. Возникшую ситуацию Богданов объяснял так: инженерно-технические специалисты, осторожные и мирные по своей природе, не проявляли инициативы во избежание материальной ответственности за принятие рискованного решения без согласования с хозяином, а нормативно-организаторский персонал оказывался слишком консервативным и, исполняя функции блюстителя выгод собственника, своевольно не выходил за рамки предписанных инструкций¹⁶². Вследствие разрозненности и промежуточности положения между двумя основными антагонистами буржуазного строя обе эти группы, пополнив ряды интеллигенции, продолжали оставаться силой, которая на деле была «*an sich*», а не «*für sich*», т.е. «сама по себе», а не «сама для себя»¹⁶³.

Однако такое положение не могло длиться бесконечно, и, по мнению Богданова, к началу надвигавшегося мирового военного кризиса эти группы, так и не объединившись, непременно разрастутся, и каждая из них

¹⁶² См.: Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 133.

¹⁶³ Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 136.

начнет борьбу за приоритетное влияние на руководящую буржуазию – одна с позиций «технизма», другая – «норматизма». Ученый считал: при решении основных задач эпохи они по-прежнему будут всецело озабочены лишь поддержкой «верхних этажей» общества, а во влиянии на социальную жизнь, как и раньше, будет преобладать «господство <...> методов над *целями*. При их несоответствии цели преобразуются, приспособляясь к наличным методам, а не наоборот. Метод сильнее, п[отому] ч[то] он в прошлом и настоящем, а цель в будущем; его переделка требовала бы *сознательно-планомерного творчества*, от которого человечество еще довольно далеко»¹⁶⁴.

Однако Богданов не ограничился этим выводом. Его анализ, выполненный с помощью тектологии, констатировал неизбежность перехода вчерашних промежуточных социальных групп в «завтрашнюю буржуазию», которая, продолжая выполнять роль делового организатора капиталистической жизни, получит шанс превратиться в господствующий класс¹⁶⁵. Согласно этому системному анализу, люди, имевшие навыки грамотного регулирования хозяйственной системы в национально-государственном масштабе, будут востребованы, как только в условиях кризисной (особенно военной) разрухи производство не сможет «покрывать потребление»: «центр тяжести» закономерно переместится «в наемно-организаторскую интеллигенцию, техническую, ученую и чиновничью <...>. Теперь настает ее время»¹⁶⁶. Характер функционирования социальной системы в этом случае станет, по выводам Богданова, определяться исключительно тем, *какая из двух групп получит преимущество в руководстве общественной жизнью*.

На территории, где установится господствующее влияния научно-технической интеллигенции, реформирования системы не произойдет. Зато поддержание прибыльности частнособственнического хозяйства осуществится благодаря научному подходу к решению производственно-организационных задач. Надежда общества на стабилизацию внутреннего социального взаимодействия будет подкрепляться пропагандой преимуществ декларируемой антиавторитарной политики, основанной на отказе от какой бы то ни было идеологии. Политическими характеристиками этой группы Богданов называл **«демократизм и пацифизм**. Первый, – по мнению ученого, – вытекает из слабости авторитарных тенденций при наличности развитого индивидуализма и представляет как бы нормальное продолжение демократизма старой буржуазной интеллигенции; второй, естественно, обусловлен связью с производительными силами, для которых новейшая война является фактором величайшего разрушения»¹⁶⁷.

¹⁶⁴ См.: Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 136.

¹⁶⁵ Богданов А.А. От философии к организационной науке // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 112; Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 102, 103.

¹⁶⁶ Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 102.

¹⁶⁷ Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 131.

При установлении господства *нормативно-бюрократической интеллигенции* картина изменений в обществе будет принципиально иной. Развитие социальной системы станет подчиняться глобальному государственному плану, который основан на директивных предписаниях, подкрепляемых мобилизационными мероприятиями, по своей сути авторитарно-принудительными. К политическим характеристикам этой группы А.А. Богданов относил *«воинствующий национализм, антидемократизм, в общем – фашизм»*¹⁶⁸. Господство на Западе как той, так и другой группы невозможно в «чистом» виде, потому что специалисты по управлению производством и высококвалифицированные банковские служащие в силу специфики своего труда будут тяготеть к «норматизму» независимо от того, какая группа руководит жизнью общества. Аналогичным образом, значительная часть офицерского корпуса современных высокотехнологических родов войск мировоззренчески окажется ближе к инженерам-пацифистам, чем к чиновникам-милитаристам. Столь же смешанными в послевоенном мире неизбежно окажутся и установки собственников-буржуа. Богданов ссылаясь на примеры Ратенау и Форда, которые «очень много дали для выработки линии “техницизма”», но у первого, и особенно у второго можно найти значительные доли «“норматизма”, как должно быть у финансово-промышленных феодалов»¹⁶⁹, поскольку капиталист, чтобы сохранить за собой руководящие функции, вынужден сочетать «твердую власть» с интенсивным внедрением научно-технических новшеств.

А.А. Богданов предупреждал: политическая физиономия современности и ближайшего будущего мира станет всецело определяться не только доминированием одной из двух групп интеллигенции в каком-либо конкретном регионе планеты, а еще и тем, что борьбу между собой эти группы будут вести постоянно, с переменным успехом, всякий раз перекраивая политическую карту мира. Соперничество двух равных по силе групп интеллигенции станет порождать в социальной системе западного капитализма автоколебательный процесс, который переориентирует общество от жесткого авторитарного порядка к социальным экспериментам на основе новых технологий – и обратно. Причины колебаний обусловлены особенностями массовой психологии: строгая регламентация жизни вызывает стремление к переменам, избавляющим от наиболее неудобных ограничений, а непредсказуемые изменения в обществе в ходе внедрения социальных инноваций усиливают тягу масс к стабильности.

В создавшейся ситуации истинная роль промежуточных групп, сформированных на Западе во времена расцвета индустриального производства и вплоть до конца XIX столетия не осознавших себя силой *für sich*, проявилась со всей очевидностью. Богданов констатировал: внедрение в капиталистическую систему «новых организующих активностей» – «полу-

¹⁶⁸ Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 131.

¹⁶⁹ Там же. С. 132.

буржуазных» элементов – позволило замаскировать нараставшую в европейском обществе и чреватую катастрофой социальную дифференциацию¹⁷⁰. Группы, названные на Западе «средним классом» и заполнившие собой зияющую брешь между эксплуататорским меньшинством и эксплуатируемым подавляющим большинством, не только поменяли структуру общественного взаимодействия, оказавшись в роли посредников между традиционными классовыми антагонистами, но еще и способствовали формированию иллюзии благополучия по-европейски в условиях трансформации капиталистической системы:

Во-первых, только за счет посредничества «промежуточных групп» классовая борьба на Западе стала утрачивать остроту, поскольку лидеры рабочего движения мало-помалу переходили на оппортунистические позиции (о чем Богданов писал с глубоким сожалением): когда нужно стоять насмерть за принцип, противоположный предлагаемому компромиссу, а после горячих дебатов принимается примирительное соглашение на основе взаимных уступок, то на деле, по мнению А.А. Богданова, это означало «измену принципу», потому что «реализуется на практике только компромисс; принцип “подчиняется” ему; а человек, который привыкает “подчинять” принцип компромиссу, есть несомненный и безнадежный оппортунист»¹⁷¹, всегда готовый встать на чужую точку зрения, отказавшись от своей, и потому не способный действовать последовательно.

Ко *второму* обстоятельству родоначальник системного анализа относил то явление, при котором численный рост «полубуржуазных» элементов на Западе, обладавших более высоким, чем у пролетариев, уровнем жизни, лишал социальной остроты картину имущественной дифференциации, отнюдь не устраняя ее. «Средний класс» как новый социальный слой преподносился европейской политической элитой образцом зримого воплощения успешности развивающегося буржуазного общества. Параллельно с этим получил распространение устойчивый миф о том, что при капитализме беден только тот, кто ленив и бездарен. Богданов считал перенесение социальной проблемы в сугубо психологическую плоскость недобросовестным приемом, поскольку характерная для этого мифа подмена анализа общественно-экономической ситуации оценочными суждениями, формировавшими у большинства трудящихся комплекс неполноценности, объективно препятствовала осознанию пролетариатом своей реальной роли в обществе.

В сложившейся ситуации, по мнению Богданова, делать ставку на «всеорганизаторскую»¹⁷² роль пролетариата было ошибочным еще по ряду причин, никем до Александра Александровича не отмеченных. Речь здесь о всемерной поддержке нараставшего расслоения рабочего класса на вы-

¹⁷⁰ Богданов А.А. Современные идеалы // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 289.

¹⁷¹ Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 330.

¹⁷² Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 101.

сококвалифицированные «верхи» и малообеспеченные «низы»¹⁷³. Представителей первой группы побуждают к копированию образа жизни «полубуржуазных» групп и усвоению их идеала индивидуального успеха¹⁷⁴. Что касается неквалифицированного пролетариата, то его нещадно эксплуатируют и формируют сознание агрессивного мстителя, у которого идеал справедливости ассоциируется с мерами, которые Маркс называл «грубым коммунизмом», а Богданов – «социализмом дележа».

Оппортунизм вождей на фоне набиравшего силу организационного и идейного разъединения трудящихся масс не способствовал зарождению новых социальных функций у пролетариата, который так и оставался пассивным исполнителем чужой воли, не видя для себя разницы в том, чьи властные решения придется отрабатывать – собственников предприятий или партийных боссов. Такое положение масс вело к тому, что все задачи даже передовых рабочих организаций, все их интересы лежали «в пределах существующего строя, социалистический идеал пока лишь украшение их фасада»¹⁷⁵ – он «оторван от их действительности, потому что является выражением культурного принципа, которым они не владели и которому они полусознательно следовали в частности, но в целом, в масштабе общеклассовых задач, систематически, сами того не сознавая, изменяли»¹⁷⁶. Таким образом, разрыв между признанием исторической миссии пролетариата и умением ее выполнить оставался ничем не заполненным, а внешний радикализм программ и лозунгов не соответствовал доктринальному содержанию интернационального движения рабочих¹⁷⁷.

Задачи буржуазного строя заметно изменились с появлением в общественной жизни еще одного обстоятельства, когда западный мир приступил к целенаправленной трансформации капитализма в **финансово-промышленную организационную форму**. Главным персонажем в этой системе стала, по Богданову, сверхбогатая буржуазия, владелица беспрецедентно огромных запасов «бумажного золота»¹⁷⁸ – акций предприятий, государственных облигаций, национальных валют и т.п., позволявших осуществлять контроль сразу за целыми отраслями хозяйственной деятельности, на правах собственника-совладельца вмешиваясь в процессы управления ими. Новая властная элита тут же взялась за устранение анархии производства, прибегнув к концентрации «усмиряющих сил, механических и экономических, во всяком пункте»¹⁷⁹, где могла возникнуть помеха производимым трансформациям. Чтобы поставить под свой контроль идейную жизнь общества, сверхбогачи прямо или косвенно скупили все

¹⁷³ См.: Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 100–101.

¹⁷⁴ Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 333.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 127.

¹⁷⁷ См.: Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 322; Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 125–126.

¹⁷⁸ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 449.

¹⁷⁹ Богданов А.А. Современные идеалы // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 290.

средства печати, создав крупные вещательные тресты. Тема надзора за прессой при декларируемой свободе слова приобрела особый смысл, когда крупная финансово-промышленная буржуазия с ее интенсивно растущими фондовыми рынками добилась высоких показателей увеличения общих объемов национального дохода в денежном выражении. При усредненном распределении этих показателей уровень жизни населения выглядел постоянно растущим, а неравномерность распределения этих богатств подлежала сокрытию от общественности и не озвучивалась в прессе. Как отмечал Богданов, финансовый капитализм, сделав своей опорой промежуточно-посреднические социальные прослойки, рассчитывал на их участие также в идеализации новой общественной формации. Решающую роль в этом процессе должно было сыграть подталкивание населения к статусным устремлениям, карьерному росту, удовлетворению престижных запросов, к ориентации интересов на грамотное вложение личных средств в «правильные» ценные бумаги и т.д. Навязывание конформистской ориентации и пропаганда потребительства получили широкое распространение еще во времена Карла Маркса, отметившего в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», что подобного рода пропагандистско-популистское воздействие на сознание масс легко «приспосабливается к извращеннейшим фантазиям потребителя, берет на себя роль сводника между ним и его потребностью, возбуждает в нем нездоровые вожделения, подстерегает каждую его слабость, чтобы затем потребовать себе мзду за эту любезность»¹⁸⁰.

При этом буржуа периода становления финансового капитализма понимали, что полностью исключить протестную борьбу пролетариата из социальной жизни вряд ли получится. Но задача, поставленная собственниками перед «промежуточными группами», состояла в такой переориентации общественных организаций, чтобы борьба последних не оборачивалась для сверхбогачей ущербом, чтобы стачки, пусть даже приносившие убытки отдельным капиталистам, *по большому счету перестали вредить классу капиталистов в целом*. Нетрудно догадаться, что вследствие такой борьбы общее накопление капитала продолжит расти за счет беспрепятственного исчезновения слабых, разоряемых кризисами предприятий, снизится анархия производства, повысится интенсивность труда за счет совершенствования технологий и кадровой политики. Все это было большим плюсом для крупных западных собственников. Не было само по себе минусом для них и «возрастание политической силы пролетариата, раз она не могла прилагаться против самих основ буржуазного строя. Практически, социал-демократия, — констатировал А.А. Богданов, — оказывалась лишь наиболее последовательной и активной демократией, т.е. *дело сводилось к поддержке наиболее прогрессивных течений самой буржуазии* (курсив

¹⁸⁰ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 129.

мой – А.Л.)»¹⁸¹.

Оставить эти заявления ученого-аналитика без внимания лидеры социалистов левого крыла не могли, тем более что Богданов во всеуслышание объявил свой парадоксальный вывод о том, что вся организаторская работа, осуществляемая мировой социал-демократией на рубеже веков, объективно была направлена не на углубление отмеченных Марксом тенденций к интернационализации и социализации производства, науки и образования, а на *консервацию достигнутого уровня рабочего движения* и его переориентацию в интересах господствующего класса усилиями лидеров-оппортунистов, продолжавших заверять всех в том, что «никакое <...> предвидение и никакое человеческое духовное превосходство не в силах преградить рабочим путь к господству над миром, если техника превращает их в материальных и духовных владык мира»¹⁸².

Нападки на Богданова были особенно агрессивными в связи с тем, что его выводы частично совпадали с мнением теоретиков-социалистов правого крыла, которые даже на международных конгрессах стали – сначала осторожно, а затем все более напористо – фиксировать внимание политизированной общественности на одной «из наиболее интересных особенностей современного социал-демократического движения в Германии»¹⁸³ – на столкновении реально наблюдаемой социальной политики с теоретическими положениями ортодоксального марксизма о путях перехода от капитализма к социализму. Доказательство строилось на том, что «сам механизм капитализма устроен так, что на известной ступени он вызывает, в качестве экономической реакции, <...> усиление экономизма; оно (рабочее движение – А.Л.) утеривает свой односторонне политический характер и даже несколько притупляется интерес к политике. Этот рост экономизма выражается в общеизвестных фактах чрезвычайного развития профессионального движения в рабочем движении. За 9 лет, с 1895 по 1904 г. число членов социал-демократических профессиональных союзов увеличилось больше, чем в 4 раза. Соответственно развились и потребительные общества <...>. Таким образом, сама жизнь создала целый ряд <...> реальных средств к улучшению положения рабочего класса, и эти факты молчаливо, но с неослабевающей силой свидетельствуют против старой теории обнищания»¹⁸⁴.

Богданов категорически опроверг обвинения как в парадоксальности его «тарабарщины» по поводу неэффективности методов руководства интернациональным пролетарским движением, так и в сходстве его позиций с утверждениями марксистов-ренегатов. Ученый доказывал на простых примерах, что большинство вождей впадало в опасное заблуждение, когда

¹⁸¹ Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 128.

¹⁸² Гортер Г. Исторический материализм. 2-е изд. М.: Красная новь, 1924. С. 21.

¹⁸³ Булгаков С.Н. История социальных учений в XIX веке. 2-е изд. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1913. С. 380.

¹⁸⁴ Булгаков С.Н. История социальных учений в XIX веке. С. 379–380.

принимали внешние проявления демократизации развитых стран за реальные предпосылки эволюционного преобразования буржуазного мира в сторону социализма. Прежде всего, это касалось недопустимости смешения уступок капиталиста, выгодных ему самому, с переменами, ведущими к расширению элементов социализма в общественной жизни. Как сообщал Богданов, «здесь особенно важно иметь в виду различие <...>: борьба рабочих организаций <...> поднимала материальный и культурный уровень рабочих масс; но делалось ли это ценой реального уменьшения прибавочной стоимости, получаемой *классом* капиталистов? Отдельным капиталистам, а иногда, короткое время, и массе их, конечно, бывает невыгодно повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, стачечные перерывы в работе их предприятий, но для *класса* капиталистов все это более чем окупается повышением интенсивности труда и его квалификации (в самом широком смысле слова, включающем толковость и вообще культурность работника). При прочих равных условиях рабочий более высшего материального и культурного уровня жизни *выгоднее* для капитала; и даже некоторые буржуазные немецкие экономисты признавали воспитательную работу социал-демократии могущественным фактором победы германского капитала на мировом рынке. Чем дальше развивалась теснота рынка, тем в большей мере повышение уровня заработной платы, являясь расширением потребительного рынка, ведущим к гораздо большему росту рынка в целом, становилось плюсом для капитала. И даже стачечные убытки, тяжелые для отдельного капиталиста, отнюдь не вредили общему накоплению капитала: они соответственно уменьшали сумму его растрат, зависящих от анархии производств, от кризисов; если бы этих перерывов не было, рост диспропорциональности между производством и рыночным спросом был бы соответственно более резким, усиленные потери от кризиса заместили бы избегнутые потери от стачек. Таким образом, экономическая борьба пролетариата, в сущности, несколько улучшала темп развития капитала, уменьшая остроту его колебаний <...>. Итак, в общем социалистические течения XIX века являлись активными сотрудниками капитала в прогрессивно буржуазном жизнестроительстве, приспособляя пролетариат к условиям капитализма <...>. Течения эти реально представляли важный и ценный фактор буржуазного порядка»¹⁸⁵. Итоговый вывод Богданова выглядел жестко: «Пока рабочий класс не владеет своими организационными орудиями <...>, до тех пор он, очевидно, не может и *не должен* предпринимать попытки <...> осуществить социализм»¹⁸⁶, хотя позиция его оппонентов, особенно из числа теоретиков-социалистов правого крыла, выглядела довольно убедительно на фоне того, что в европейских парламентских демократиях действительно наблюдались прогрессивные перемены в отношениях капитала и труда. Ученый-аналитик и сам соглашался с тем, что

¹⁸⁵ Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 127–129.

¹⁸⁶ Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 331.

«признание рабочих организаций и даже фабричного законодательства как условий, противодействующих фактическому неравенству сторон»¹⁸⁷ в буржуазном обществе, – фактор, безусловно, немаловажный, если бы не «практическое господство» властных структур, «имеющих за собой организованную материальную силу»¹⁸⁸. Богданов считал, что именно этому обстоятельству, не учтенному теоретиками мировой социал-демократии, принадлежала решающая роль: переориентация рабочего движения от активной политической борьбы к экономизму не могла быть событием самопроизвольным, поскольку осуществлялась под громадным внешним давлением в виде полицейских репрессий со стороны буржуазного государства, жестко подавлявшего любые проявления революционной активности: поворот к экономизму оказался единственным способом сохранить рабочее движение в организованной форме.

Богданову представлялось также ошибочным желание лидеров мировой социал-демократии связывать начало пути капиталистического общества к социализму с организацией рабочих профсоюзов, предприятий-коммун, кооперативов и т.д. Ученый свою позицию пояснял кратко, выделяя лишь ключевые положения, сводившие к нулю смысл участия рабочих в этих объединениях. «Повышение заработной платы, – писал Богданов, – вырванное профессиональным союзом у капиталистов, не имеет ничего общего с социалистическим распределением хотя бы потому, что не может обеспечить рабочему самой возможности заработка. Собственность кооперативов остается капиталистической хотя бы потому, что подлежит купле-продаже, принимает форму денег, хранится в банках, зависит от рыночной конъюнктуры, от колебания цен и т.п.»¹⁸⁹ Мало что зависит и от государственной системы с парламентом во главе, даже если социалистам в нем принадлежит большинство: по мнению Богданова, предприятия и в этом случае «не перестают быть капиталистическими, ибо организуются посредством найма рабочих, подчинены условиям рабочего рынка, рынка орудий и материалов труда, кредитно-денежного рынка и т.д. Пока сохраняется власть денег и капитал – хозяин мирового производства, до тех пор нет места социалистическому хозяйству»¹⁹⁰.

Самоорганизации рабочего класса не произойдет вследствие того, что помехой для зарождения у пролетариата новых социальных функций станет «непрерывное, разъедающее и подтачивающее действие старой культуры, ее организационных форм и методов, выражаемых всей буржуазною наукой, искусством, нормами морали и права. Она незаметно подрывает новые методы дела и мысли при самом их зарождении, оттесняя их или придавая им оппортунистический, двойственный характер. Там, где в мироотношении человека складывается “мы, коллектив”, она упорно под-

¹⁸⁷ Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 124.

¹⁸⁸ Там же. С. 120.

¹⁸⁹ Богданов А.А. Социализм в настоящем // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 91.

¹⁹⁰ Там же. С. 92.

сказывает “я, самодовлеющая личность”; где он начинает улавливать “организованный социальный опыт”, она вдальбливает ему “чистую, абсолютную истину”; где он начинает становиться на точку зрения “развития коллективной силы”, она подсовывает ему “чистый моральный идеал”; когда он прислушивается к пульсу жизни своего класса, растущего для превращения во всечеловеческое общество, она внушает ему “общенациональные интересы” или “простые законы права и справедливости” и т.п. И он бессилен против этого нашептыванья, развращающего его практику и мышление, пока не знает природы идеологических сил, пока не видит путей овладеть ими»¹⁹¹.

А.А. Богданов нашел обратное толкование тому феномену, который в середине XIX в. озадачил К. Маркса, столкнувшегося с необходимостью констатировать, что капитализм, развиваясь по восходящей линии, пробудил пробуржуазные ориентации в массовом сознании: добрая половина населения капиталистических стран Запада стала воспринимать течение общественной жизни как естественный, «нормальный» ход событий, и «ему воздают хвалу даже те, кто остается в убытке от соответствующего ему способа распределения»¹⁹².

Богданов тоже считал, что для европейского пролетариата социалистический идеал был скорее мечтой, чем реальной целью, в связи с чем, по мысли ученого, западный рабочий класс весь XIX век лишь «устраивался в рамках общества буржуазного»¹⁹³, приноравливаясь к его нормам жизни, и был обречен стать объектом бдительного контроля и идейного воспитания силами просвещенной интеллигенции, составлявшей костяк «промежуточных групп». У пролетариата, постоянно находящегося «в стихийных искажениях»¹⁹⁴, в конце концов сложилось ощущение гармонии интересов с частью ее демократически настроенных представителей и особенно радикальных социалистов, которые тяготели к государственному социализму, способному обеспечить привилегированное положение им самим и жизненно удовлетворительные условия для рабочего класса. Так рядом с пролетариатом обнаружились «попутчики», а лидеры мировой социал-демократии проявили неспособность найти аргументированный ответ на вопрос: «Если есть “попутчики”, то почему же не они пошли за рабочим классом <...>, а он пошел за ними?»¹⁹⁵. Дело-то к началу XX века повернулось так, что самостоятельно «пролетариат объективно не мог вступить в борьбу против государственного аппарата, по сравнению с которым его организации были детски слабы. Он не мог не подчиниться физически <...>, не мог уклониться от эксплуатации вообще. Его тело принадлежало

¹⁹¹ Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 333.

¹⁹² Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 153.

¹⁹³ Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 98.

¹⁹⁴ Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 331.

¹⁹⁵ Там же. С. 333.

классу капиталистов, – но он тут же отдал и душу»¹⁹⁶. «Развращающее влияние буржуазных и мелкобуржуазных “Mitläufer’ов”¹⁹⁷», «“попутчиков” из всякой демократической интеллигенции»¹⁹⁸ увеличилось многократно: если во времена К. Маркса примерно половина западного населения воспринимала капиталистические отношения в качестве естественной нормы для общественного взаимодействия, то спустя всего полстолетия весь буржуазный мир без обиняков определял любую организацию как «“союз отдельных личностей, совместными действиями осуществляющих свои личные интересы”. Это – понятие *чисто индивидуалистическое*, выработанное в различных группировках мелкой, а затем и крупной буржуазии <...>. Попробуйте строить социалистическую организацию на основе такого отношения к ней»¹⁹⁹, – увещевал соратников-марксистов А.А. Богданов.

Итог сложившегося на Западе общественного взаимодействия не утешал ученого-аналитика, что и было зафиксировано в его выводах: «Как видим, большинство указанных построений предполагает *устойчивую системную дифференциацию* экономики общества. А нам уже известен тектологический закон развития при такой дифференциации <...>. Это – результат совершенно неизбежный, если только не гарантирована остановка общественного развития; а такой гарантии в природе и в жизни быть не может»²⁰⁰. Это заявление Богданова подверглось осмеянию: возражения строились на том, что капитализм в течение столетий прошел огромный путь и привел западное общество к процветанию, широко распространив свое экономическое влияние на страны и континенты. Однако, по мысли ученого, этот факт не должен внушать оптимизм апологетам капиталистической модели развития, поскольку «история знает примеры перехода обширных социальных систем к застою и деградации»²⁰¹. Как это происходит, Богданов продемонстрировал, опираясь на тектологический анализ: если противоречия внутри общественной системы приведут к прогрессирующему расхождению ее частей, спровоцированному социальной дифференциацией, а для восстановления единства будут выбраны методы, *не исключающие* прежних глобальных несовпадений интересов взаимодействующих групп, то первоначальная дифференциация восстановится и поведет «снова к постановке той же задачи, которая, казалось, была разрешена. Следовательно, самое решение было тектологически *мнимым*»²⁰², а использующая его система обречена на бесконечное хождение по кругу в поиске все новых и новых вариантов самосохранения без прогрессивного развития. Известная всем смена фаз буржуазного строя не затрагивала гло-

¹⁹⁶ Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 98.

¹⁹⁷ Попутчиков (нем.)

¹⁹⁸ Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 331.

¹⁹⁹ Там же. С. 333.

²⁰⁰ Богданов А.А. Современные идеалы // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 292.

²⁰¹ Богданов А.А. Коллективистический строй // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 296.

²⁰² Богданов А.А. Современные идеалы // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 286.

бальные системообразующие элементы капитализма, а только маскировала их новыми формами общественного взаимодействия. Для этих случаев недостаточны выводы К. Маркса о логике влияния экономических факторов на развитие исторических процессов: немецким ученым не был учтен «характер объединяющего аппарата всей системы»²⁰³, которому А.А. Богданов придавал основополагающее значение. Поскольку центральным звеном в капиталистической системе продолжал оставаться собственник-буржуа, деятельность которого в любой фазе этого строя не давала никакой надежды на обретение пролетариатом самостоятельной роли в обществе, то в любом случае «решения, основанные на сохранении дифференциации, являются *тектологически мнимыми*: они сводятся к возобновлению, к повторению задачи. Нет надобности отдельно исследовать каждое из них и конкретно выяснять, какие противоречия и путем какого расхождения должны из него развиваться: вопрос по существу предрешен тектологическим законом»²⁰⁴.

В связи с этим А.А. Богданов в начале XX в. больше не стал идеологически связывать судьбу буржуазного мира с социалистическим будущим. Оно, по представлениям ученого, должно базироваться не на постулатах капитализма, а на динамике решения преобразовательной задачи, требующей сознательного обобщения и концентрации организационного опыта человечества в растущем общественном объединении. Только такой путь может привести к формированию нового – коллективистского – строя, который и есть социализм. Этот строй должен иметь предпосылкой «совершенно иные организационные методы», ведущие к такому сплочению людей, при котором каждый ощущает себя равноправным и равнообязанным строителем всего социального бытия²⁰⁵. За такие идеи Богданова окрестили «последним коммунистическим утопистом».

Однако ничего утопического в аналитических обзорах Александра Александровича по поводу «коллективистического» строя не было. В связи с тем, что, как бы ни расширял капитализм зоны своего влияния, с точки зрения Богданова, буржуазный мир так и не стал глобальной системой хозяйствования, поскольку к началу XX столетия на свете оставалось немало стран, развитие экономики которых базировалось на традиционных отношениях, характерных для докапиталистического периода истории и вполне приемлемых для населения вследствие того, что сложившаяся в социуме на протяжении веков система коллективизма «доводит организованное сотрудничество до предельной величины <...>: все общество становится одним предприятием»²⁰⁶. Внутри этой системы общественные отношения подчинены двум организационным закономерностям, которые определяются понятиями «коммунизм» и «коллективизм». По Богданову,

²⁰³ Богданов А.А. Коллективистический строй // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 302.

²⁰⁴ Богданов А.А. Современные идеалы // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 292.

²⁰⁵ См.: Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 100.

²⁰⁶ Богданов А.А. Коллективистический строй // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 301.

«...термины эти долгое время употреблялись без строгого различения; но за последние полвека их потребление все более или менее установилось, и притом в согласии с их филологическим генезисом. Оба понятия выражают организационную идею *обобществления* экономической жизни людей; основная же разница заключается *в центре тяжести* этого обобществления. Коммунизм (“общность” или “общинность”) есть понятие, связанное в первую очередь со сферой присвоения; это – отрицание частной собственности, индивидуального права на имущество»²⁰⁷. Принцип общности достояния, одинаково всем принадлежащего, не является эксклюзивным изобретением социалистов XIX века. Напротив, он продолжал иметь место, невзирая на победное шествие капитализма по миру. Например, монастырская жизнь, организованная на принципе «коммунистического потребления», мало изменилась со времен раннехристианских коммунабионов: это – крайняя форма общинности. А в русской крестьянской общине коммунистическая тенденция сохранялась лишь в части «земельного коммунизма» даже после отмены крепостного права, поскольку власть оставила землю в общинном владении, пока *все* крестьяне не выкупят свои наделы. Принцип общности имущества здесь проявлялся мягче, формы имущественного владения были многовариантнее. «Центр тяжести» *коллективизма*, по Богданову, иной: «Коллективизм (буквально – “соборность”) относится прежде всего к сфере труда, производства, означает объединение человеческих усилий, действий»²⁰⁸. Различие между коллективизмом и коммунизмом ученый предлагал «иллюстрировать терминами “рабочий коллектив” и “коммуна рабочих”»: первый вызывает идею объединенного группового труда, второй – объединенного домашнего хозяйства, общего помещения, общего стола, вообще – совместного владения и распределения потребляемых продуктов, организованного группой. В социалистическом идеале оба момента сливаются непосредственно и неразрывно, так что нам не было даже надобности специально их различать; но ясно, что там из них основным является коллективизм производства, а коммунизм присвоения и распределения им обуславливается, как его жизненный результат»²⁰⁹.

Вследствие этого формирование социалистического идеала в сознании людей при самопроизвольном сочетании коллективизма труда и коммунизма владения происходит естественным образом: здесь получает развитие «высшая степень *социальности*. Трудовая сплоченность <...> и коренная однородность развития людей должны создать такую степень взаимного сочувствия и взаимного понимания», что «человек, воспитанный эпохою ожесточенной конкуренции, беспощадной экономической вражды

²⁰⁷ Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 82.

²⁰⁸ Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 82.

²⁰⁹ Там же.

людей, групп и классов, не в силах даже представить себе того высшего развития товарищеской связи», которое «органически вытекает» из подобных отношений²¹⁰.

По мнению А.А. Богданова, только «при высоком развитии *социального чувства* и при таком же высоком развитии *познания*» может зародиться «общественный человек», стремящийся «сделать всё для блага всех», не нуждающийся в специальных законах, принудительно проводимых властью. Поэтому такое объединение людей, вероятнее всего, будет «основано не на меновом, а на *натуральном* хозяйстве», способном охватить собой «целое общество из сотен миллионов людей», отличаясь от привычного натурального хозяйства тем, что «между производством и потреблением продуктов не стоит рынок, покупка и продажа, – но только сознательно и планомерно организованное распределение»²¹¹.

Все это вполне возможно при всесторонне обдуманном отношении к организации гармоничных форм сотрудничества в обществе. И напротив – социалистический идеал окажется отодвинутым в область бесплодных мечтаний, как только идеологическая тенденция его развития подвергнется воздействию несовместимых форм обобществления, которые обычно «сводятся к двум основным, *авторитарной* и *товарищеской* <...>. На практике эти формы наблюдались до сих пор почти всегда в смешанном виде, с преобладанием той или другой. Так, даже в патриархальной общине, коллективе-коммуне с ярко-авторитарным основным строением, все же имелись и зародышевые элементы товарищеского типа, в виде “примитивного демократизма”, общего обсуждения и решения собранием»²¹². В связи с этим казалось, что патриархальная община непременно должна была бы переродиться в коллектив-коммуну, предоставь ей общество свободу выбора. К этому выводу подталкивала горячая дискуссия в Юрской федерации I Интернационала в далеком 1877 году, когда в Швейцарии в открытую заговорили о зарождении новой формы социальной организации в виде «общества равных между собою». Князь П.А. Кропоткин был последовательным поборником подобных образований, «не закристаллизованных» в какую-либо неподвижную форму. «Мы решили, – писал он в «Записках революционера», – что <...> в человечестве есть ядро общественных привычек, доставшееся ему по наследству от прежних времен и недостаточно еще оцененное. Не по принуждению держатся эти привычки в обществе, так как они выше и древнее всякого принуждения. Но на них основан весь прогресс человечества <...>, эти привычки не могут быть уничтожены ни критикой людей, отрицающих ходячую нравственность, ни временным возмущением против них <...>. Они являются результатом не научного открытия и не откровения, а последствием созидательной работы самих на-

²¹⁰ Богданов А.А. Социалистическое общество // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 95.

²¹¹ Там же. С. 95–97.

²¹² Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 83.

родных масс. Народными массами – не отдельными гениями – выработаны были средневековое обычное право, деревенская община, гильдия, артель, средневековый город и основы международного права»²¹³. Разделяя эту точку зрения Кропоткина, Богданов отмечал и другое: всякий раз, как только эгалитарное сотрудничество ставилось под жесткий авторитарный контроль, социалистический идеал искажался до неузнаваемости. Изучение динамики исторических процессов убеждает: «Когда коммунистическая тенденция проникает в классы, еще не освободившиеся от индивидуализма или по самой своей экономической природе к нему тяготеющие, тогда оно (эгалитарное сотрудничество – А.Л.) выливается в форму» непредсказуемую²¹⁴. Например, иерархия чиновников во главе с патриархально-монархической властью, поставив под свой контроль производство и распределение валового национального продукта, перво-наперво позаботится о привилегированных условиях для себя. Модернизация в этом случае сведется к торжеству идеала «бюрократического социализма», действующего сугубо в интересах администраторов-управленцев. Отношение к основной массе населения сохранится в привычной феодально-сословной форме²¹⁵, а мелкобуржуазные слои и малообеспеченный пролетариат не станут скрывать стремления к «социализму дележа», чтобы «распределить наличное имущество равномерно в *частную* собственность»²¹⁶. В этой ситуации дестабилизация общества гарантирована, социалистический идеал – этот «человечества сон золотой» – на долгие десятилетия останется лишь несбыточной мечтой, а смыслом развития мировой цивилизации окажется торжество капитализма.

Здесь уместно обратиться к событиям середины XIX столетия, когда европейские и русские марксисты первой волны познакомились с особой точкой зрения Карла Маркса на перспективы стран так называемого «догоняющего развития». Мысль об *особом пути* государств, экономика которых базировалась на труде общинных земледельцев и включала в себя «элемент коллективного производства в национальном масштабе»²¹⁷, у автора «Капитала» зародилась после знакомства с исследованиями по истории, организации быта, общественной и хозяйственной жизни крестьянского населения Российской империи. Прочитанное ошеломило ученого: мир веками бьется над теоретическими поисками идеального способа обустройства жизни человечества, а в России была создана и на протяжении двух столетий поддерживалась усилиями крепостных крестьян формация,

²¹³ Цит. по: Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 229.

²¹⁴ Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 83.

²¹⁵ Богданов А.А. Современные идеалы // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 291.

²¹⁶ Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 83.

²¹⁷ Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 401.

которая «принадлежит к самому новому типу» социальной организации²¹⁸ и объединяет многомиллионное государствообразующее население на принципах общности равного положения, происхождения, жизненных интересов и трудовой деятельности. При этом последняя базируется на таких важных элементах, как общая земельная собственность и артельные отношения, которые предоставляют крестьянам «возможность непосредственно и постепенно превращать парцеллярное и индивидуалистическое земледелие в земледелие коллективное»²¹⁹. Отрицательным моментом здесь было то, что крестьянскую коллективистскую формацию Российской империи вгоняла в перманентную нищету малочисленная нетрудовая часть общества, ориентированная на паразитическое присвоение львиной доли производимых крестьянами благ. Крепостники убивали «курицу, несущую золотые яйца»²²⁰.

Карл Маркс был сражен: русское полуграмотное крепостное крестьянство даже в такой обстановке умудрилось сберечь и усовершенствовать к середине XIX в. то, за что активно боролись трудовые слои западных стран, пожинавших плоды своего капиталистического развития, породившего цивилизацию «антагонизмов, кризисов, конфликтов, бедствий»²²¹. Капитализм привел народы – «как в Европе, так и в Америке» – к осознанию необходимости «разбить его оковы, заменив капиталистическое производство производством кооперативным и капиталистическую собственность – *высшей формой* архаического типа собственности, т.е. собственностью коммунистической»²²² – именно тем, что имело место в России «в национальном масштабе». Поэтому Марксу показалась алогичной ситуация, когда русские теоретики-экономисты в надежде повлиять на власть стали опираться на доводы, противоречащие здравому смыслу, доказывая, что земледельческая община обречена на исчезновение из-за «нежизнеспособности», «отсталости» и неумения противостоять развитию «более прогрессивных» капиталистических отношений. Навязав условия, искореняющие привычку крестьян к коллективному труду, и не разобравшись в сути экспроприации коммунистической собственности, русские реформаторы в феврале 1861 г. повели свой народ навстречу роковым злоключениям капиталистического строя. И в самом деле, непросто найти разумное объяснение, почему образованное сообщество огромной империи с многомиллионным населением не вняло объективным предостережениям автора «Капитала», отказавшись понимать, что ***доведение 85 % жителей страны до окончательного разорения и нищеты – не лучший способ добиться***

²¹⁸ Маркс К. наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 413–414.

²¹⁹ Там же. С. 405.

²²⁰ Маркс К. наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 410.

²²¹ Там же. С. 412.

²²² Маркс К. наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 413.

экономического процветания державы.

В итоге к середине 1890-х годов многие жители России, в том числе и А.А. Богданов, стали свидетелями чудовищных последствий разрушения сельской общины: «земельно-общинная система переделов», которая означала «соединение остатков прежнего коммунизма с развивающимся индивидуальным крестьянским хозяйством»²²³, внесла коренные изменения в социально-экономическую жизнь России. Внедрение в земледельческое производство капиталистических отношений неумолимо вело к разрушению не только привычного образа жизни крестьян, но и к ослаблению живой связи интересов, сужению общения между людьми, что обернулось развитием взаимного непонимания, недоверия, отчужденности. Теперь даже при обмене сельскохозяйственной продукции «каждая община желает получить больше, отдать меньше и не может относиться к интересам другой общины, как к своим собственным»²²⁴. Обмен в этих условиях не может не принять характера экономической борьбы, свойственной рыночным отношениям, осложненным расслоением общества с последующей эксплуатацией обедневших разбогатевшими. Со временем дело оборачивается тем, что крестьянство оказывается силой, не имеющей «самостоятельного значения по слабой организованности»²²⁵. А если учесть, что в странах «догоняющего развития» основное население именно земледельческое, то подобная трансформация неизбежно приобретает черты социальной катастрофы: вместе с «отжившими» общинными отношениями исчезает источник экономического состояния государства, бюджет которого традиционно пополнялся налогами с крестьянского большинства – и всё в угоду доктринальным принципам политизированной национальной интеллигенции, которая по-прежнему будет видеть в западном капиталистическом пути эталон цивилизации и единственный шаблон, по которому может и должен развиваться весь мир.

А.А. Богданов предостерегал: внедрение капиталистических отношений, усиление национального милитаризма, иностранная колонизация и т.д. необратимо исказят жизнь земледельческого большинства, но отнюдь не породят условий для формирования рабочего класса, аналогичного западному по социальным и политическим функциям. Так что ожидать глобальной победы социалистического идеала, по мнению ученого, не следовало – и не только по вышеуказанным причинам: «Трагизм в том, что на плечи исторически самого юного рабочего класса – русского пролетариата – история возложила самое непосильное, невиданно огромное бремя, задачи, далеко выходящие из границ его собственной классовой природы»²²⁶. В

²²³ Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 83.

²²⁴ Богданов А.А. Современные идеалы // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 293.

²²⁵ Богданов А.А. Письмо неустановленному адресату (т. Н.Н.). 24 ноября 1920 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 200.

²²⁶ Богданов А.А. Открытое письмо Н.И. Бухарину. 10 дек. 1921 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 206 – 207.

связи с этим Богданов признавал: «Рабочий класс единственным творческим отнюдь не считаю, но вижу в нем законного наследника всего творчества других классов. Не думаю, чтобы он у нас или на Западе был *теперь* готов к получению этого наследства, я считаю очень вероятной переходную фазу господства социал-бюрократии <...>. Но в ее социальном типе не нахожу данных для выполнения целостной, планомерной организации общества: эта задача выполнима только для класса коллективистического, а интеллигенция по природе не такова»²²⁷. Воспринимая себя как интеллектуальную элиту общества, она придерживается строго авторитарной модели социального сотрудничества и воспринимает трудовые классы общества исключительно в качестве «надежного стада»²²⁸, «живого материала промышленности и пушечного материала милитаризма»²²⁹, т.е. *инертной массы*, не обладающей ни собственными политическими интересами, ни сознательной волей к их осуществлению.

Организационная модель, при которой небольшая группа авторитарных лидеров-идеологов «эксцитативными» средствами побуждает политически и мировоззренчески неподготовленное общество к строительству социализма, представлялась А.А. Богданову «в лучшем случае – мечтой, которая не встретит отклика в массах. В худшем – <...> программу авантюры, самой мрачной в истории пролетариата, самой тяжелой по последствиям»²³⁰, поскольку соединить декларативно провозглашаемые теоретические принципы социального равенства и практически реализуемое авторитарно-иерархическое разделение общества на основе «идеи власти»²³¹ можно лишь иррациональными, мифологическими методами. По Богданову, только «длительное царство Железной Пяты»²³² может стать естественным концом такой авантюры, не имеющей ничего общего с социализмом. При социализме для авторитарной диктатуры попросту не должно оставаться места, поскольку общество будет управляться разумно обоснованными «указаниями науки и ее выразителей, технических организаторов труда, действующих только именем науки, но не именем власти»²³³, и люди перестанут нуждаться в мифологизации своего коллективного бытия ввиду достижения динамического соответствия между его теоретическими и практическими аспектами. Богданов был твердо уверен: для установления такой – подлинно социалистической, коллективистской, – организационной модели обществу XX века необходимы не расплывчатые идеологические мифы, призванные в действительности лишь служить обоснованием для претензий той или иной социальной группы на власть, а *точное*

²²⁷ Богданов А.А. Письмо Д.И. Опарину. 14 сент. 1919 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 197.

²²⁸ Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 43.

²²⁹ Богданов А.А. Завтра ли? // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 314.

²³⁰ Богданов А.А. Завтра ли? // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 314.

²³¹ Богданов А.А. Записные книжки. Цит. по: Плютто П.А. Время и люди (Из архивов А.А. Богданова) // Социс. 1992. №11. С. 135.

²³² Богданов А.А. Завтра ли? // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 315.

²³³ Богданов А.А. Социалистическое общество // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 96.

знание, позволяющее правильно оценить перспективы социально-экономического роста и эффективно организовать взаимодействие людей для достижения общезначимых целей. Соответственно этому, задачей лидеров-идеологов должно стать формирование в массах рационально-целесообразного понимания того, что именно и какими способами необходимо менять в системе общественных отношений, чтобы добиться результатов, объективно улучшающих положение большинства населения, без осознанной поддержки со стороны которого любые доктрины социального переустройства обречены на роль умозрительных утопий.

Все эти выводы стали возможны благодаря тектологическому анализу, методы которого А.А. Богданов продолжал разрабатывать до конца жизни, изо дня в день подвергаясь чудовищной травле со стороны «критиков», даже не читавших того, что официально именовали «богдановщиной». Сам ученый, зная реальную цену установленных им закономерностей (это – «не заблуждения, а научное открытие XX века»²³⁴), весьма скромно относился к своей роли первооткрывателя организационной науки, но был искренне восхищен возможностями тектологии. В письме В.В. Вересаеву он писал: «У меня своего рода болезнь – *furor tectologicus* <...>. Как только вижу трудно разрешимую задачу, непонятную комбинацию – так немедленно является неодолимое стремление если не решить ее, то хотя бы убедиться в принципиальной ее решаемости»²³⁵.

Однако современники не торопились разделять мнение ученого-энциклопедиста, самого активного из всех мечтателей об обществе «всемирной интеллигенции», способной самостоятельно и с научной достоверностью оценивать и предвидеть пути развития общества.

3 Богдановская концепция эволюции финансового капитализма

В начале XX века авторитетные европейские экономисты задались целью разобраться в механике перерождения «старого» капитализма (с господством свободной конкуренции) в «новый» – с интенсивным вмешательством банков в управление промышленностью. Результатом исследований был вывод: после кризиса 1900 г. активные деловые связи банков с производством товаров окончательно закрепились и привели к рождению новой формы капитала, названного теоретиком австромарксизма Рудольфом Гильфердингом (1877 – 1941) «финансовым»²³⁶. Гильфердинг настаивал на универсальном характере финансовых институтов, придававших капитализму вид «организованного», что, по мнению исследователя и его

²³⁴ Богданов А.А. Открытое письмо Емельяну Ярославскому. 19 ноября 1923 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 221.

²³⁵ Цит. по: Гловели Г.Д., Пустильник С.И. Сотри случайные черты // Химия и жизнь. – М., 1990. №12. С. 12.

²³⁶ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М.: Знаменский и К°, 1912. С. 339

единомышленников, говорило о «зрелости» этой новой формации для замены ее социализмом²³⁷. Эта точка зрения была достаточно широко распространена и пользовалась популярностью как на Западе, так и в России накануне Первой Мировой войны. Не случайно рассуждения Гильфердинга (наряду с впечатляющей по характеру прогнозов работой Дж.А. Гобсона «Империализм») были взяты В.И. Лениным за основу политической доктрины, которая, в конечном счете, послужила одним из отправных пунктов в организации вооруженного переворота в ноябре 1917 г.

Естественно, что с концепцией «финансового капитализма» был знаком и А.А. Богданов, однако его интерпретация событий существенно отличалась и от рассуждений западных авторов, и от концепции лидера большевиков. С точки зрения Богданова, хотя и невозможно было отрицать то, что «фазу финансового капитализма буржуазное общество развернуло вплоть до крушения (имеется в виду период до начала Первой Мировой войны – А.Л.) за каких-нибудь 15–20 лет»²³⁸, как и то, что экономическая власть финансового капитала велика, а поле ее применения чрезвычайно широко, но тем не менее *реальная организующая функция* этой формы капитализма оставалась такой же слабой, как и связь его элементов, очень похожая на «вассально-сюзеренные отношения слабо спаянных феодальных группировок»²³⁹. Поэтому возникновение мировых военных кризисов в XX веке и непохожесть их на все те, что возникали раньше, Богданов связывал не просто с агрессивным характером целей соперничающих между собой в мировом экономическом пространстве всемогущих финансовых магнатов, а – в первую очередь – с непрочностью интернациональных связей потребительного рынка, компенсированной появлением еще одного рынка – милитаристского, что неотвратимо вело к переходу финансового капитализма в новую фазу, весьма далекую от социализма – фазу военно-коммунистического развития капиталистического общества²⁴⁰.

Этапы этого перехода А.А. Богданов рассмотрел в ряде статей, а также в приложении III к «Тектологии» под названием «Элементы организационной динамики капитализма XX века». По мнению ученого, к концу XIX в. мировая конъюнктура сложилась так, что кредитный капитал, который «был, в общем, слабее промышленного», «до крайности» понадобился производственному делу²⁴¹. Богданов связывал это с тем, что «техническая неоднородность» и «материально-массивная форма» промышленных предприятий (здания фабрик и заводов, производственное оборудование, запасы сырья, склады полуфабрикатов и готовой продукции и т. д.) ограничивали подвижность индустриального капитала в расширении бизнеса, в

²³⁷ Гильфердинг Рудольф // Большая Советская энциклопедия. Т. 6. М.: Сов.энциклопедия, 1971. С. 523

²³⁸ Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 107.

²³⁹ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 432.

²⁴⁰ Там же. С. 439.

²⁴¹ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 430.

то время как банковский капитал «с его по преимуществу символической формой» и организационной мобильностью мог оказать кредитную поддержку в решении проблем частного предпринимателя – технически переоснастить производство, переждать неблагоприятные цены, расширить зону производства и сбыта товаров, подавить конкурентов и многое другое, позволяющее бизнесу здравствовать в ситуации острейшей борьбы за рынок. Что касается банков, то их интерес, по мысли Богданова, заключался в интенсификации кредитного обращения, служившего главным источником процветания финансистов. Обоюдная заинтересованность хотя и была очевидна, но не получила реализации на паритетных началах: «по закону спроса – предложения экономически сильнее тот из двух контрагентов, который нужнее для другого»²⁴². А в тандеме «производство – банк» перевес силы оказался на стороне «денежных мешков». Поскольку кредитный капитал организовывался и объединялся – «по своей гибкости» – гораздо быстрее промышленного, к тому же острота конкуренции слабо влияла на его рост из-за предельно высокой востребованности, то, по мнению Богданова, в результате мало-помалу создалось «положение, при котором он стал в общем диктовать условия. А раз это случилось, дальнейшее развитие руководящей его роли пошло с возрастающей скоростью – каждый шаг был уже легче предыдущего. На этой основе и произошло “срастание” обоих типов капитала»²⁴³.

Именно это организационное преобразование позволило меньше, чем за два десятилетия полностью изменить весь капиталистический мир – как внешне, придав городам ухоженный вид, так и внутренне, поделив национальную экономику на сферы влияния между сверхбогачами. При этом «прежняя широкая конкуренция сменилась борьбой монополистов»²⁴⁴. Все это происходило, как отмечал Богданов, на фоне полнейшей капитуляции государственных властей перед господством денег: «Экономическое давление миллиардов одинаково легко справлялось и с демократическими, и с либерально-конституционными, и с самодержавными формами: за кулисами парламентов, как и за спинкой трона монархов одинаково действовало непреодолимое внушение клики финансовых дельцов; и в каждой стране власть народная, или ненародная, в конце концов, признавала за благо то, на чем сходились интересы руководящих групп нескольких гигантских концернов»²⁴⁵.

Однако в рамках национальных экономик финансовым воротилам довольно скоро стало тесно, и тогда последовательно, шаг за шагом, начала осуществляться смена социальных технологий ради сохранения и укрепления господства олигархов в капиталистическом мире. Неизбежным следствием алчности и стремления финансовых гигантов ко всевластию

²⁴² Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 430.

²⁴³ Там же. С. 431.

²⁴⁴ Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 94.

²⁴⁵ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 432.

явилось «небывало ускоренное развитие милитаризма. Два момента составляли финансовый капитал всеми силами толкать государство по этому пути: во-первых, потребность в армии, как орудии непосредственного захвата рынков или политического давления в международно-торговых переговорах, и, во-вторых, возможность создавать из милитаризма основу колоссального дополнительного рынка»²⁴⁶. А.А. Богданов первым обратил внимание на эту особенность в развитии финансового капитализма, давшую толчок для формирования *новой капиталистической системы*, возглавляемой триумvirатом элит – финансово-олигархической, государственно-бюрократической и милитаристской (военно-силовой). Эту организацию общественной жизни Богданов определил как «*буржуазно-милитаристическое государство*»²⁴⁷, в котором военно-силовому комплексу отводилась особая роль, благодаря чему спустя совсем короткое время армия стала представлять собой «миллионный коллектив со всею массою его технических средств, плюс огромный экономический аппарат обслуживающих ее предприятий»²⁴⁸. Эта «обширная потребительская коммуна», живущая «в общих казармах», получающая «общий стол, казенную одежду и снаряжение», в мирное время упорно воспринималась экономически активным трудовым населением как структура «объективно-бесполезная для общества»²⁴⁹, что, по мнению Богданова, было справедливо: армия, привлекая в свои ряды молодых здоровых людей, делала из них потребителей, не участвующих в созидательном хозяйственном процессе, поскольку милитаризм «по природе своей непроизводителен, предложения не увеличивает, т. е. представляет чистый дополнительный спрос»²⁵⁰, удовлетворяемый через расширение рынка, в чем более иных были заинтересованы именно финансовые дельцы.

Следует особо отметить, что в случае с армией происходило не простое «расширение *потребительного* рынка, а <...> в силу цепной связи отраслей такое расширение означает во много раз большее расширение рынка в целом»²⁵¹, опирающееся на интенсивное развитие индустрии, – горной, металлургической, транспортной и прочих необходимых для вооружения армии отраслей хозяйства, приносивших олигархам баснословные барыши и в то же время ставших самой затратной статьей бюджетных расходов, – и все ради готовности армии в любое время «перейти в действие» как внутри, так и за пределами страны для защиты интересов и господствующего положения финансовых магнатов²⁵². Главным парадоксом та-

²⁴⁶ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 432.

²⁴⁷ Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 85.

²⁴⁸ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 434.

²⁴⁹ Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 335.

²⁵⁰ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 432.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 434.

кого способа формирования «системы вооруженного мира»²⁵³ явилось неожиданно терпимое отношение олигархов к государственному регулированию в самых широких масштабах. Если раньше крупные собственники бескомпромиссно отстаивали принципы свободного рынка и невмешательства государства, то в случае промышленного кризиса в буржуазно-милитаристическом государстве заботы по спасению положения брали на себя не олигархи-владельцы предприятий, а национальное правительство: оживляющую роль в экономике начинали играть военные и продовольственные госзаказы. Это вело к регулируемому перераспределению в обществе материальных выгод и потерь, при котором все издержки падали тяжелым бременем на плечи налогоплательщиков, а колоссальная прибыль доставалась самым заинтересованным в развитии милитаристского рынка как средства, избавляющего сверхбогачей от разорения в кризисный период. Акцентируя внимание на этой характерной особенности времени, А.А. Богданов резюмировал: «Рост милитаризма приобретал значение самостоятельного экономического фактора, уже не второстепенного, а первоклассного по масштабу, хотя, конечно, производного по генезису»²⁵⁴.

Этот процесс не мог не сопровождаться деформациями в идеологии социума «накоплением общественной энергии в формах милитаризма», названных Богдановым дополнительными «специальными силами давления», которые проявляли себя в постепенно нараставшей пропаганде насилия, ксенофобии, реваншизма и т.п. способов выражения неуправляемо распространявшейся агрессии в массах, какой ранее в таких масштабах не наблюдалось «в передовых странах»²⁵⁵. Государство, чтобы оправдать в глазах налогоплательщиков высокие бюджетные расходы на «обороноспособность» армии, не только не пресекало распространение деструктивной идеологии, но и всячески способствовало разжиганию «маленьких победоносных войн» с заведомо более слабыми противниками.

В тектологическом анализе Богданова этот феномен имел следующее объяснение: значительную часть противоречий капиталистической экономики – прежде всего, таких, как конкуренция, перепроизводство, кризисы и сопутствующие им банкротства, безработица и обострение классовой борьбы, – устранить могла только война, потому что именно она «создает колоссальный дополнительный рынок для товаров и такой же спрос на рабочую силу; этим приостанавливается действие всех тех отрицательных условий, которые порождаются ограниченностью рынка в обеих его областях, его анархическими, стихийными расширениями и сужениями. Капитал, в худшем случае – ценой перемещения в отрасли, нужные для войны, – перестает страдать от конкуренции других капиталов, от недостаточности спроса и от понижения цен; работник же – от конкуренции других ра-

²⁵³ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 434.

²⁵⁴ Там же. С. 432.

²⁵⁵ См.: Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 434.

бочих и от безработицы»²⁵⁶. Таким образом, «маленькая» война могла разрешить большие проблемы, временно погасив негативные процессы в общественно-экономическом состоянии любой из тех стран, на горизонте которых маячил кризис перепроизводства не только товаров, «но и *организованных человеческих сил*»²⁵⁷, поглотить которые способны были лишь увеличивающаяся армия и расширяющийся национальный военно-промышленный комплекс.

В условиях приближавшегося военного кризиса государство начинало действовать «по линиям *наименьшего* сопротивления, а не по тем, на которых должно встретиться наибольшее сопротивление. Поэтому легче всего возникают войны между гигантами и пигмеями, и всего труднее – войны между великими державами. Параллельный рост их вооружений увеличивал общую сумму милитаристических сил давления, но в то же время мешал им вырваться на свободу»²⁵⁸, что тем не менее не служило гарантией сохранения мира – и на то были свои веские причины, скрытые в самой сути милитаризма, поставленного на службу алчному финансовому капиталу. Смысл растущего милитаризма долго не обнаруживал себя, потому что в разгар кризиса, безработицы и последовавшей за ними подготовке к «маленькой» войне государство с одобрения собственников стало вроде бы поворачиваться лицом к национальным проблемам, «делать многочисленные и огромные заказы предприятиям различных отраслей производства, а также скупать массу товаров из их прежних запасов, платя за все деньгами, хотя бы и бумажными. Эти предприятия расширяют производство, а за ними другие – их поставщики и т.д., по всей цепной связи механизма. Увеличенное обращение товаров и денег оживляет кредит. Рост заработков, вместе с заменяющими, а частью дополняющими их государственными пособиями семьям призванных, расширяет потребление масс, а рост прибылей – потребление капиталистов. Каждый шаг по этому пути служит толчком к дальнейшим шагам, и оживление нарастает быстро, вначале даже “лавинообразно”, т. е. со все большим ускорением <...>. Таким образом, <...> прибыль возрастает в поражающей прогрессии»²⁵⁹.

Столь высокий темп экономического подъема сохранялся и при начавшейся войне, сразу менявшей ситуацию во всем капиталистическом мире, так как и «в странах не воюющих экономический процесс разворачивается приблизительно так же»²⁶⁰, т. е. война одной страны с заведомо более слабым противником давала стимулирующую встряску всей мировой экономической системе, потому что появлялась «возможность сбывать товары без поисков рынка и за дорогую цену – это, собственно, как раз то,

²⁵⁶ Богданов А.А. Завтра ли? // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 317.

²⁵⁷ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 435.

²⁵⁸ Там же. С. 434.

²⁵⁹ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 436.

²⁶⁰ Там же.

что капитал называет процветанием»²⁶¹. Ради такого процветания он готов был присоединиться к военным действиям на стороне одной из участниц бойни, даже если при этом пришлось бы пойти «на ампутацию обширных частей своих экономических владений, тех частей, которые оказывались по другую сторону фронта. <...> Финансисты находили, что временная утрата дани с этих вассалов более чем покрывается военными прибылями»²⁶². И тогда война, начавшись в одной «горячей точке», находила продолжение на других территориях с участием многих сил. Этой войне непременно должно было предшествовать создание блоков и коалиций, готовых не только «погреть руки» на кровавой бойне, но еще и не допустить при этом усиления кого-либо из соперников на мировой арене. «Таково происхождение мировой войны», – резюмировал А.А. Богданов²⁶³.

Тектологический анализ ученого показал, что «всесветный военный пожар», во-первых, непременно станет войной «на истощение», во-вторых, окажется «борьбой двух блоковых групп монополистов», из которых «ни одна не могла уступить, несмотря на явную, с развитием войны, ее разорительность для той и другой стороны: уступившая, хотя бы на умеренных условиях, оказалась бы слабейшей стороной в дальнейшем и была бы обречена заранее на поглощение. Результат – глубочайшее хозяйственное крушение не только побежденных, но и победителей»²⁶⁴.

Анализ Богданова, изучавшего этапы развития мировых военных кризисов в XX веке, остается по сей день вне поля зрения академической школы. Ученые, занятые исследованием природы кризисных явлений в общемировом хозяйстве и отмечающие как факт экономическое процветание ведущих стран в самый канун мировых катастроф, упускают из виду значение специфической роли милитаризма. А между тем, по оценке Богданова, зафиксированное учеными процветание стран было лишь «видимым», в то время как скрытый смысл этого явления заключался в принципиально важных особенностях милитаристского рынка, который «не есть потребительный в нормальном значении этого слова, а – *истребительный*: производимые для него продукты обрушиваются в бездну, не оставляя следа в производстве <...>, по мере их потребления умирают <...> “экономически”. Это и есть причина того, что многопроцентные прибыли национального капитала, по мере их сложения, суммируются в убыток: тысячи плюсов складываются в гигантский минус»²⁶⁵.

Война, питаемая милитаризмом, с закономерной неотвратимостью обернется медленно нарастающим дефицитом товаров повседневного спроса и так называемой «военной дороговизной», которая сама по себе явится объективной разоблачительницей парадоксальности принципов

²⁶¹ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 438.

²⁶² Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 95.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 436.

«военного процветания». Подведут черту под этим выводом многомиллиардные выпуски финансовых средств на военные цели. Безудержная эмиссия бумажных денег поведет «к падению их курса, к вырождению их счетной единицы, к огромному номинальному повышению цен»²⁶⁶. Это, в свою очередь, обернется падением благосостояния населения и нарастанием недовольства политикой ограбления – в том числе отъемом средств даже в неприкрытой форме. Наиболее ощутимо разорительную сторону «военного процветания» почувствуют на себе участники военных займов, владельцы ценных бумаг и вкладчики сберегательных касс: их депозиты со временем «сами собой» аннулируются²⁶⁷.

Все это говорило об одном: чем активнее рос милитаристский рынок, чем больше стране требовалось средств на войну, тем меньше ресурсов оставалось на жизнеобеспечение общества. Во всей капиталистической системе произошло социально-культурное преобразование стран, связанное с последствиями полярной дифференциации общества, достигшей невиданных размеров. Экстремальность ситуации усугублялась не только из-за военных событий, но еще и в результате беспрепятственного «ограбления крупным капиталом промышленным и аграрным всех прочих слоев общества»²⁶⁸. «Паразитизм верхов, истощение низов»²⁶⁹ были настолько впечатляющими, что Богданов назвал образовавшийся в буржуазно-милитаристских государствах строй «организацией массового паразитизма и истребления»²⁷⁰. В этой системе протестные настроения приравнивались к измене и жестоко пресекались, потому что общегосударственный порядок даже в демократических странах получил форму правительственной диктатуры, которая на деле была «олигархией социальных верхов»²⁷¹.

При этом чем дальше, тем явственнее вырисовывалась перспектива не только поражения от внешнего врага, но и гибели наций из-за безответственности крупного капитала. Поэтому *во всей капиталистической системе* за довольно короткий срок актуализировалась потребность в *государственном организованном регулировании* в виде целого ряда «специальных приспособлений, настолько обширных, сложных и своеобразных, что в сумме своей они могут рассматриваться, как особого рода экономические формации», что явилось «фактом беспримерным в истории»²⁷². Регулировать приходилось сразу два параллельных процесса, порождаемых войной: во-первых, «государство, как *общая* организация капиталистиче-

²⁶⁶ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 438.

²⁶⁷ Там же. С. 439.

²⁶⁸ Богданов А.А. Завтра ли? // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 318.

²⁶⁹ Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 89.

²⁷⁰ Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 342.

²⁷¹ Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 88.

²⁷² Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 439.

ских классов, принуждено было, в их общих интересах, обуздывать аппетиты групп, оказавшихся в наиболее выгодном положении, что и выполняло, по мере возможности, при помощи муниципальных, политических, профессиональных и всяких иных наличных организаций»²⁷³; во-вторых, для остальных в целях их выживания, – как ни противоположна капитализму «коммунистическая тенденция»²⁷⁴, – государство вынуждено было ввести нормировку потребления, карточную систему, уравнительную зарплату, социальные выплаты (пайковые по существу), так как «сумма производимых трудовых стоимостей меньше суммы потребляемых»²⁷⁵, поэтому нормировалось только то, что было в наличии, – а в наличии было «падающее производство»²⁷⁶. Государству не оставалось ничего иного, как нормировать «по справедливости» и цены товаров, и объемы производства, и массовое потребление, и т. д., «т. е. более или менее проводить в жизнь принцип коммунизма»²⁷⁷.

Однако сама система такого особого управленческого регулирования, названная А.А. Богдановым еще в 1914 г. «военным коммунизмом»²⁷⁸, по существу дела не имела ничего общего с коммунистической идеологией. Не состоятельны суждения о том, что голод, репрессии и тотальный бюрократический контроль являлись прерогативой исключительно стран с национализированной по рецепту Маркса экономикой. Ученый доказывал, что военный коммунизм *внеидеологичен*: по мере расширения боевых действий на фронтах, например, Первой Мировой войны обнаружилось, что внутри всех воюющих государств продуктовый и товарный дефицит, анархия цен, разгул преступности на почве голода, шпионаж, антиправительственные настроения стали главными проблемами общественной жизни. Первыми на путь введения военно-коммунистических порядков встали страны, самые сильные «и капиталистически, и милитаристически», – сначала Германия, а за ней и остальные участники мировой бойни²⁷⁹. Позже всех подразверстка и трудовая повинность вошли в жизнь царской России – в 1915 г., и то не в качестве общегосударственной меры²⁸⁰.

В пользу этих выводов Богданова недвусмысленно свидетельствуют многочисленные факты истории Первой мировой войны, которые, в отличие от крупномасштабных и чудовищных по жестокости сражений, оказа-

²⁷³ Богданов А.А. Завтра ли? // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 318.

²⁷⁴ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 439.

²⁷⁵ Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 87–88.

²⁷⁶ Богданов А.А. Завтра ли? // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 319.

²⁷⁷ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 440.

²⁷⁸ См.: Богданов А.А. Общественное сознание в Мировой войне // Богданов А.А. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. С. 201 – 223.

²⁷⁹ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 440, 441.

²⁸⁰ См.: Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 17. С. 108–109; Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров 16 июля – 2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 33, 66, 130.

лись за пределами внимания последующих поколений, да и современниками, как правило, оценивались достаточно скромно – как некие «трагические случайности», якобы неизбежные в ходе глобальной по размаху войны. Кстати, свидетелем одной из подобных «случайностей» волею судьбы оказался и сам А.А. Богданов, мобилизованный осенью 1914 г. на австрийский фронт в качестве военного врача и имевший возможность видеть, в какую трагедию превращалась жизнь гражданского населения в непосредственной близости от фронта, причем не столько из-за боевых действий, сколько из-за отсутствия хотя бы самой элементарной организации жизнеобеспечения. По-настоящему страшное впечатление произвела ситуация в австрийской крепости Перемышль, сдавшейся русским войскам в марте 1915 г.: укрепленный по последнему слову фортификации город стал большой братской могилой и для оборонявших его солдат, и для мирных граждан – оказалось, что задолго до капитуляции «население и войска в нем голодали, в госпиталях больных оставляли без помощи», хотя «после занятия крепости <...> нашли большие запасы муки, картофеля и мяса»²⁸¹. Причина этой катастрофы заключалась в том, что австрийский комендант без специального приказа даже не пытался организовать продовольственное снабжение населения – а получить этот приказ после того, как русская армия взяла Перемышль в кольцо, было невозможно чисто технически.

Подобных примеров было немало и на западном фронте, и в результате уже в 1915 г. для властей всех воюющих стран стало очевидным, что для смягчения последствий экстремальных ситуаций, возникающих в ходе войны, объективно необходима особая форма общественного жизнеобеспечения, направленная сугубо на сбережение собственного населения, а не на что-либо иное. Однако по мере расширения боевых действий на фронтах Первой Мировой войны обнаружилось, что и в глубоком тылу сражающихся армий продуктовый и товарный дефицит, анархия цен и разгул преступности на почве полуголода становятся главными проблемами общественной жизни, а традиционные для финансового капитализма регулирующие механизмы (ориентированные исключительно на извлечение максимальной прибыли) взамен организации жизнеобеспечения вели лишь к его дезорганизации. Чтобы сохранить управляемость общества, не допустить восстаний в тылу и развала фронта, правительства воюющих стран волей-неволей должны были импровизировать, пересматривая характер своих управленческих функций в сторону жесткой целесообразности.

По мысли А.А. Богданова, весь характер подобных импровизаций определялся самой главной организационной задачей – решением проблемы жизнеобеспечения как можно большего количества населения при прогрессирующем сокращении ресурсов этого самого жизнеобеспечения. Таким образом, при любой политической системе и любой идеологии все правительственные меры, по большому счету, сводились к тому, чтобы вве-

²⁸¹ Родзянко М.В. Крушение империи. С. 90.

сти «вынужденный <...> коммунизм осажденного города, <...> коммунизм отрезанной от мирового оборота страны <...>, коммунизм *потребления*»²⁸², поскольку традиционная для капитализма «система частного присвоения продуктов, с ее специфической неравномерностью»²⁸³, объективно не способна защитить «национальное целое» от катастрофического вымирания. Естественным, что наиболее доступным образцом эффективной организации такого специфического «коммунизма» для государственной власти может послужить только армия, представляющая собой даже в мирное время «обширную *потребительскую коммуну* строения строго *авторитарного*»²⁸⁴, где каждый посчитан и определен к делу, где каждому «по форме» положено и место в казарме, и паек, и обмундирование, и снаряжение.

Проведя первичную систематизацию известных на тот момент фактов, А.А. Богданов определил ключевые элементы в последовательности действий государственных властей воюющих стран. Прежде всего, власть неизбежно должна была пойти на *свертывание* тех *демократических институтов*, которые за XIX век успели прочно ассоциироваться с капитализмом. Взамен традиционных прав и свобод государство предлагало гражданам сугубо авторитарно-командную форму управления, при которой приказы подлежали исключительно исполнению, а не обсуждению (последнее неизменно классифицировалось как проявление неуправляемости, «саботаж» и «деятельность в интересах врага» – с соответствующими последствиями для «виновников»).

Экономической предпосылкой этих действий государства стали *реквизиции у населения всех необходимых для выживания продуктов*, последующее распределение которых организовывалось «с возможной плановостью». Затем <...> коммунизм потребления влечет за собой регулирование сбыта, а затем, по неразрывной связи хозяйства, и регулирование производства»²⁸⁵. Направленность производства, его объем, распределение сырья, орудий труда и рабочей силы – все оказалось под тотальным контролем «сверху», с которым вынуждены были одинаково мириться и население, и прежние элиты, связанные с рыночной экономикой и демократической политикой, ибо установление такого контроля объяснялось логикой ***выживания нации в предельно неблагоприятных условиях***. Именно эту систему общественных отношений А.А. Богданов и определял в своих работах как «осадный», «военный», «вынужденный», «катастрофический», «армейский» коммунизм – коммунизм «бедствия» и «крайности», поскольку в основе этого коммунизма лежало «глубочайшее хозяйственное крушение не только побежденных, но и победителей»²⁸⁶, формировавшее

²⁸² Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 96.

²⁸³ Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 86.

²⁸⁴ Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 335.

²⁸⁵ Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 96.

²⁸⁶ Там же. С. 95.

экономическую систему, полностью противоположную традиционной капиталистической. Богданов особо акцентировал внимание на том, что при «военном коммунизме» организация хозяйственной деятельности в буквальном смысле слов перевернута «с ног на голову» – она «идет из *области потребления*, переходя через область сбыта в сферу производства. Это порядок совершенно противоположный нормальному – там развитием *производства* определяются изменения форм распределения и потребления»²⁸⁷.

Конкретные формы такого «перевернутого порядка» (который, по Богданову, являлся необходимым средством замедления и смягчения упадка производственной сферы вследствие дезорганизующих воздействий войны²⁸⁸) складывались в разных странах по-разному, в зависимости от того, насколько сильно война расстраивала национальное хозяйство. Раньше других в состоянии, «подобном положению осажденного города»²⁸⁹, оказалась Германия, которая была изолирована от мирового рынка буквально с началом боевых действий. Она первой из воюющих стран обратилась к военно-коммунистическому регулированию своей экономической жизни и удерживала таким образом падение объемов валового национального продукта на уровне 28 % к показателям предвоенного 1913 г.²⁹⁰ Европейские государства не замедлили последовать за Германией, т.к. «ход вещей» и их ставил в безвыходное положение: огромные расходы на боеприпасы и подводную войну, «расстройство транспорта военной его эксплуатацией, сокращение нормального производства его военным извращением и разрушениями, особенно убылью рабочей силы и т.под.»²⁹¹. Все это неумолимо двигало руководство воюющих стран к единственно возможному решению: к тщательному учету ресурсов и нормированию потребления, т.е. к готовности «более или менее проводить в жизнь принцип коммунизма»²⁹² – *правда, коммунизма не производительного, а сугубо потребительного*. В результате в Европе появились продуктовые и товарные карточки, возникшая поначалу жесточайшая дороговизна была усмирена нормированием цен и сбыта (а также репрессивными полицейскими мерами по искоренению «черного рынка» товаров первой необходимости), и огромная масса населения была переведена на пособия по образцу армейских пайков (помимо государственных служащих и работников военных производств, это были семьи мобилизованных на фронт, а также семьи по-

²⁸⁷ Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 337.

²⁸⁸ См.: Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 338.

²⁸⁹ Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Известный Богданов. Кн. 1. С. 85.

²⁹⁰ См.: Шишков Ю. Упущенный шанс // Наука и жизнь. М., 1991. №10. С. 2.

²⁹¹ Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Известный Богданов. Кн. 1. С. 85.

²⁹² Там же.

гибших военнослужащих). Естественно, что нормы потребления были выровнены, урезаны до минимума и в существенной степени определялись наличием запасов – как правило, еще довоенных.

Соответствующие изменения претерпела и сфера государственного управления. Чиновники разросшегося бюрократического аппарата были заняты не столько организацией общественного хозяйства с целью расширения или хотя бы поддержания производства (этим в воюющих странах продолжали заниматься крупные капиталистические предприятия), сколько раздачей карточек и изготовлением отчетной документации о собственной деятельности по смягчению последствий тотального кризиса. Штаты подобных контрольно-распределительных организаций безудержно разбухали: например, в относительно благополучной Англии, обладавшей минимальным среди воюющих стран показателем падения производства (оно снизилось на 32 % к уровню 1913 г.), в конце Первой Мировой войны в одном только министерстве вооружений насчитывалось 65 тыс. чиновников, под началом которых находилось 3 млн рабочих, т.е. 1 распорядитель на 46 исполнителей-производственников. Все служащие высокого ранга военного министерства, по утверждению английского исследователя S.J. Hurvitz, занимали несколько сот комнат роскошного лондонского отеля, а вся их работа заключалась в том, что они строчили многочисленные рекомендации подчиненным и патриотические памфлеты для прессы. Более ни на что другое, как выяснилось с окончанием боевых действий, они не годились: лишь немногие из них в послевоенном мирегодились для поиска рынков сбыта, тогда как большинство никогда и никем не рассматривалось в качестве ответственных и компетентных руководителей²⁹³. Что касается содержания работы государственных служащих в воюющих странах, то лучше всего ее суть характеризовали германские чиновники, с горечью констатировавшие: «Wir haben nur Mangel organisiert»²⁹⁴.

Основным инструментом поддержания хотя бы минимального уровня производства в воюющих странах стало принудительное объединение предприятий в отраслевые тресты. В той же Англии солидный журнал «Economist», анализируя состояние хозяйства, признавал: «Слияние банков и союзы в индустрии – вот лозунг дня»²⁹⁵. В рамках этой отчетливой тенденции «немало старинных железоделательных фирм и судостроительных верфей оказались под влиянием больших акционерных обществ и концернов. Гигантские сталеплавильные компании установили непосредственный контроль над добычей угля в стране. Даже в Южном Уэльсе, где существовало множество независимых друг от друга шахт, произошли разительные перемены. Так, в 1916 году трест лорда Рондда стал контролировать до 40 % всей добычи угля Уэльса <...>. “Война принесла неисчислимые

²⁹³ Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970. С. 209.

²⁹⁴ «Мы организовали только недостаток, нужду» (нем.) Цит. по: Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 96.

²⁹⁵ Economist. 23.II.1918, p. 335. Цит. по: Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 195.

богатства шахтовладельцам”, – писал в ноябре 1916 года валлийский журнал “Уэлш аутлук”; фантастические суммы наживали акционеры пароходных компаний, взвинтившие фрахты в 10 – 20 раз, прибыли “Англо-Персидской нефтяной компании” с 1914 по 1919 год подскочили с 26,7 до 2010,8 тысяч фунтов стерлингов. Норма прибыли на предприятиях, принадлежавших 932 крупнейшим компаниям, намного превышала довоенную. За 1916 год, по данным самих компаний, их чистые барыши возросли на 28,6 %²⁹⁶. Завершилось это созданием в декабре 1916 г. мощной Федерации британской промышленности, объединившей наиболее мощные фирмы и корпорации страны²⁹⁷. Советский историк К.Б. Виноградов в биографическом исследовании «Дэвид Ллойд Джордж» констатировал, что при таких результатах требовалось лишь «закрепить с помощью государства успехи крупного капитала в подавлении конкурентов внутри страны, обеспечить получение сверхприбылей, добиться послушания трудящихся Англии и ее колоний»²⁹⁸.

И вот – за гарантированную хотя бы по минимуму возможность выжить в условиях «хорошо организованного голода» власть заставляла гражданское население расплачиваться ущемлением прав и свобод, а соответственно, и усилением эксплуатации. По-другому быть не могло: будучи плотью от плоти финансового капитализма, «военно-коммунистическое» государство естественным образом воспроизводило в своей хозяйственной политике все его организационные дефекты, неизбежно обостряя и усиливая их. Эта особенность, с точки зрения А.А.Богданова, заключается в том, что государство стремилось гарантировать «не только сохранение прибыли капиталистов, владельцев предприятий и акций, но и довольно высокие нормы этой прибыли»²⁹⁹. Неизбежной платой за сохранение этих фундаментальных принципов капитализма, по мысли ученого, способно стать только «будущее переложение всех потерь на трудовые классы», в первую очередь именно через повышенную эксплуатацию работников³⁰⁰. В той же Англии правительство, поставив почти половину предприятий страны под контроль государства, не только законодательно разрешило потогонную систему, но и одобрило драконовские меры наказания за малейшие нарушения трудовой дисциплины, а за стачки и организованные выступления предавало суду, который не слишком колебался в вынесении смертных приговоров³⁰¹. На промышленных предприятиях Британской империи был законодательно установлен 14-часовой рабочий день при сохранении прежнего уровня оплаты труда. «Бешеной эксплуатации» подвергались 600 тысяч детей, вынужденных, вместо отцов, призванных на фронт,

²⁹⁶ Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 195–196.

²⁹⁷ Там же. С. 198.

²⁹⁸ Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 196.

²⁹⁹ Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 84.

³⁰⁰ Там же. С. 87–88.

³⁰¹ См.: Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 212, 217.

встать к станкам³⁰². Министр вооружения Ллойд Джордж, будущий премьер, «творил чудеса логической эквилибристики, доказывая рабочим, что они только выиграют от введения железной дисциплины»³⁰³.

Верховным властям практически всех воюющих европейских стран удалось почти беспрепятственно принять законы о всеобщей трудовой и воинской повинности. В Англии члены правительства убеждали друг друга, что «само государство должно решить, кого из вызванных отправить на фронт и кого на заводы, где изготавливаются военные снаряды»³⁰⁴. При этом министры ссылались и на опыт противников («Германские рабочие под руководством своих профсоюзов с воодушевлением работают на войну – неужели британские трудящиеся уступят им?»), и на постановления парламентов у союзников (например, французы составили закон о всеобщей воинской повинности таким образом, что рабочих можно было посылать без их согласия как на фронт, так и «на тот или другой завод, смотря по тому, где министр сочтет их наиболее нужными и полезными»)³⁰⁵.

В соответствии с аналитическими выкладками А.А.Богданова, в условиях «осадного коммунизма в государственном масштабе» пролетариат, «приняв военную идеологию, сделал войну не просто вынужденным для себя, но – своим делом»³⁰⁶. Объяснение этому обстоятельству Богданов видел не только в том, что пролетариат – ради выживания семей – не мог не стать «орудием буржуазной системы». Дело было еще и в смене политической составляющей процесса управления: даже в Англии, стране с устойчивыми либеральными традициями, вскоре после провозглашения идеи создания общенационального «надклассового» правительства, внутренний курс руководства страны приобрел столь отчетливый «имперский крен», что Б. Рассел, Дж.Б. Шоу и другие известные люди Великобритании публично констатировали с горечью: Англия превращается в военнополицейское государство, – а правительство возражало: в поисках «тирании» оно рекомендовало британским интеллектуалам обратить взоры на кайзеровскую Германию, где к 1915 г. сложилась жесткая военная диктатура³⁰⁷.

Однако критика английской государственной бюрократии за произвол была более чем обоснованной: на завершающей стадии войны «...нормы элементарной демократии попирались ежечасно, недовольство подавлялось с помощью чрезвычайных законов»³⁰⁸. Кабинет Ллойд-Джорджа потребовал от парламента и добился права принудительно высылать «бунтовщиков» на фронт и тыловые «черные» работы. «Промышленная мобилизация» коснулась еще не всех, но призывников-«уклонистов»

³⁰² Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 211.

³⁰³ Там же. С. 212.

³⁰⁴ Цит. по: Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 212.

³⁰⁵ Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 212.

³⁰⁶ Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 98.

³⁰⁷ См.: Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 211–217.

³⁰⁸ Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 235.

разыскивали путем «прочесывания» территорий³⁰⁹. Чтобы сдерживать рост цен, правительство наказывало за спекуляции драконовскими штрафами, издавало «один декрет за другим, предписывая принудительное возделывание более миллиона акров пустующих земель и парков, введение твердых закупочных цен, <...> были введены государственные дотации оптовикам в целях стабилизации цен на хлеб и картофель»³¹⁰. Как отмечал позднее исследователь А. Марвик в работе «The Deluge», правительство Ллойд-Джорджа всячески поощряло «добропорядочных» граждан, а на строптивцев-«бунтовщиков» «кулак военных властей обрушивался всей своей мощью»³¹¹. Тотальный контроль за всеми и всем вступил в полную силу. Военно-бюрократическое государство расширяло свои полномочия, стремясь с помощью «реквизиций и других мероприятий использовать весь наличный тоннаж торгового и пассажирского флота для нужд войны»³¹²; регулировать распределение сырья и топлива, навести свой порядок в системе законов и контрактов. Все данные о вмешательстве государства в процессы «упорядочения» скрывались под предлогом секретности, обязательной для всех в военное время. В официальном докладе «Report on War cabinet for 1917» отмечалось, что правительственный контроль распространялся не только на предприятия, «прямо связанные с военными усилиями, но и на каждую отрасль индустрии»³¹³.

Причины такой жесткой внутренней политики, однако, заключались не в каком-то особенном властолюбии чиновников военного времени и уж тем более не в необходимости противодействовать шпионам и иным пособникам врага. Дело было в ином: сохранение либеральных традиций мирного времени (ключевым элементом которых был принцип незыблемой частной собственности, служившей исходным пунктом всех форм социального неравенства) в сочетании с уравнительным «военно-коммунистическим» распределением жизненных благ (т.е. частичной передачей наиболее значимых видов имущества от обеспеченных к необеспеченным слоям общества) открывало путь к «самоубийству» воюющего государства. Неважно, чью сторону взялась бы отстаивать правящая бюрократия – в любом случае острейшая социальная рознь между богатыми и бедными грозила перейти в форму открытого противостояния, т.е. в дезорганизацию тыла, закономерным итогом которой мог стать лишь развал фронта и поражение в войне. Единственным выходом из этой ситуации становилась организация управления «на методах авторитарно-принудительных»³¹⁴, неизбежно приводивших к формированию мощного контрольно-распределительного бюрократического аппарата, стремивше-

³⁰⁹ Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 236.

³¹⁰ Там же. С. 237.

³¹¹ Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 239.

³¹² Там же. С. 238.

³¹³ Там же.

³¹⁴ Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 106.

гося придать упадку экономики форму организованной упорядоченности. Богданов отмечал: «...Эта централизованная планомерность фирм “Германия”, “Англия” есть плод осадного положения», – и признавал, что она «нужна и полезна при упрощающемся милитаризованном производстве»³¹⁵, которое продолжал контролировать частный капитал. И хотя он не смел противостоять государственной бюрократии так, как позволял себе до войны, тем не менее, по признанию Ллойд-Джорджа, война представляла собой «настоящий урожай для фирм, поставляющих вооружения», а «среди страстных искателей военных заказов много было лиц, некомпетентных или думавших лишь о своей наживе»³¹⁶. Однако и они действовали под контролем государства, осознавали свою зависимость от бюрократии и обслуживали ее интересы с не меньшим рвением, чем свои собственные.

Та же картина сверхцентрализации государственной власти в условиях неуклонно падающего производства наблюдалась и в других европейских странах. В Германии, например, «за годы свирепой войны промышленное производство <...> опустилось до 57 % предвоенного уровня; 95 % этого производства было так или иначе связано с военным – за счет, разумеется, производства товаров массового потребления. Добыча угля пала до 61 % предвоенных показателей, сталь – до 40%, цемент – до 30 % <...>. В армию были мобилизованы 6 млн человек»³¹⁷. В самой стране ослабленные люди страдали от любой инфекции – донимали простуды, не редкостью был брюшной тиф, волнами накрывал всю Германию грипп. Только от гриппа «за очень короткий срок» умерло примерно 200 тыс. человек³¹⁸. Широко распространились панические настроения: для немцев это представлялось немыслимым делом. И тем не менее у всех на устах было лишь одно: «Только бы окончился этот ад недоедания, холода и гриппа»³¹⁹. Даже обеспеченные слои общества вынуждены были, как и все население Германии, подстраиваться под общую продовольственную норму, «потребляя тысячу калорий в день. Принцесса Блюхер записывала в дневнике: “Округлые формы представителей германской нации остались в прошлом. Мы все нынче худощавые”»³²⁰. По другую сторону линии Западного фронта – во Франции – усталость населения тоже стала причиной пацифистских настроений. Общее настроение жителей воюющих стран яснее ясного выразил министр иностранных дел Великобритании лорд Бальфур, заявив 10 января 1917 г. в Эдинбурге, что тяготы войны страшнее заключения мира с Германией³²¹. И в этой обстановке общей усталости государственные чиновники всех воюющих стран, не сговариваясь между со-

³¹⁵ Богданов А.А. Письмо В.А. Базарову. 15 янв. 1917 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 181.

³¹⁶ Цит. по: Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 203.

³¹⁷ Уткин А.И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004. С. 235 – 236.

³¹⁸ Там же. С. 214.

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Уткин А.И. Унижение России. С. 20.

³²¹ Там же. С. 59.

бой, использовали одни и те же методы управления, которые неизвестный этим чиновникам А.А. Богданов подробно проанализировал и охарактеризовал в своих работах 1914–1918 гг.

Россия в ходе мирового военного кризиса занимала особое положение. Прежде всего, негативные тенденции в хозяйственной системе империи отчетливо проявились *очень задолго до начала боевых действий*. Прежде всего, это было обусловлено коллизиями проведения крестьянской реформы: манифест 19 февраля 1861 г., на словах отменивший крепостную зависимость, на деле сохранял подневольный статус подавляющего большинства земледельческого населения России. «На крестьянина установился взгляд, что это с юридической точки зрения не персона, а полуперсона»³²², которая ни гражданских прав, ни собственности так и не получила, но при этом обязана была – вопреки логике и здравому смыслу – *платить налоги с того, что ей по закону не принадлежало*. Земля, пока ее всем селом не выкупят у помещика, «находилась в общинном коллективном владении»³²³; избой и подворьем, поставленными и обихожеными усилиями крестьянской семьи, бывший крепостной тоже распорядиться не мог, поскольку пользовался после реформы этим своим имуществом фактически на птичьих правах, так как по закону оно ему тоже не принадлежало, а «находилось в неопределенном положении вследствие неотмежеванности и неопределенности права собственности»³²⁴. Все это ставило крестьянина «вне сферы гражданских и других законов <...>. Он перестал быть крепостным помещика, но сделался крепостным крестьянского управления, находившегося под попечительным оком земского начальника»³²⁵ – как правило, из помещиков-«зубров» с самыми реакционными убеждениями. Таким образом, ограничение прав земледельческого населения после реформы 1861 г. оказалось значительным настолько, что мало отличалось от крепостнических норм. Кроме того, при проведении реформы власть изначально исходила из того, что выкупные платежи бывших крепостных должны составлять «в среднем 134% доходности крестьянских земель»³²⁶ но в действительности крестьян обязали платить намного больше, потому что в общие налоги включили не только подушную подать и оброки за пользование наделом с добавочной приплатой в пользу помещиков, но также государственный земский сбор, губернские и уездные земские сборы, мирские повинности и т.д. По данным, официально опубликованным в XXII томе документов «Комиссии для пересмотра системы платежей», в бюджет страны «бывшие помещичьи крепостные платили из своего дохода с сельского хозяйства **198,25%** (если принять за 100% доход с земельного

³²² Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М. : Мысль, 1991. С. 509.

³²³ Там же.

³²⁴ Там же.

³²⁵ Там же.

³²⁶ Литвинов М.А. История крепостного права в России. М.: Типография М.В. Клюкина, 1897. С. 362.

надела – А.Л.), так что им приходилось отдавать правительству не только свой доход с земли, но почти столько же отдавать из заработков», которые они получали за самые разные работы³²⁷. В то же время помещики-землевладельцы налогов государству не платили вовсе.

В целом система сбора налогов, действовавшая в России после отмены крепостного права, была способна привести в изумление любого, кто хоть немного вникал в ее устройство. Общественный деятель И.И. Петрункевич, специально изучавший проблему налогообложения в конце XIX в., отметил: «В промышленности обложению могли подлежать здания и машины, но не ее доходы; в торговле – только патенты, но не доходы; земля же облагалась не только земством, но и государственным налогом <...>. Земский сбор с земли и лесов составлял 53% всего обложения по всем земским губерниям; сбор с фабрик, заводов и торгов, помещений 10,5%, с городских недвижимых имуществ 6,3%, и весь доход земств 34 губерний не превышал 88 891 500 руб.»³²⁸ Но использовать эти средства на губернские нужды не получалось: правительство только на содержание региональных управленцев изымало около 6 млн рублей при условии, что общий расход на этих чиновников не превышал 9 млн. рублей. Таким образом, ²/₃ расходов на содержание бюрократии покрывались за счет земского сбора, и эта политика объяснялась тем, что «самодержавное государство не может обходиться без большой наличности свободных остатков <...> в полмиллиарда рублей»³²⁹. Министр финансов империи регулярно ссылаясь «на бюджеты Франции и Англии, которые при населении в три раза меньше населения России имели бюджет вдвое или втрое больше русского бюджета»³³⁰. При этом от внимания министра ускользало, что в европейских метрополиях налог со своих доходов платили *все* жители, независимо от сословной принадлежности, и что уровень доходов (а стало быть, и выплачиваемых налогов) у представителя европейских трудовых классов в среднем был на порядок выше, чем у среднестатистического русского крестьянина. Стремление властной элиты России жить и управлять «по-европейски» осуществлялось дорогой ценой: «Профессор Янсон, производя расчет производства и потребления зернового хлеба внутри империи и вывоза его, нашел, что вывозимый за границу хлеб далеко не служит у нас мерилom благосостояния, что *вывоз происходит за счет того хлеба, который должен был остаться на потребление* (курсив мой – А.Л.). Среднее потребление хлеба в России в 1890 году составляло всего 16,81 пуда на душу. Если перевести это количество на суточную порцию, то, принимая во внимание, что сюда входит не только съедаемый хлеб, но и выпиваемый

³²⁷ Маркс К. Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 434.

³²⁸ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. Т. 21. Берлин, 1934. С. 332.

³²⁹ Там же.

³³⁰ Там же.

в виде водки, пива, кваса, браги, а также скормливаемый скоту (в виде фуражного зерна – А.Л.), окажется, что “средняя русская душа” на всю потребу имеет в сутки без малого 1 фунт 27 золотников, то есть менее половины солдатского пайка, состоящего из трех фунтов печеного хлеба»³³¹.

Подобная экономическая политика правительства в отношении крестьян, составлявших 85% населения России, обеспечивала казне чистый доход «средним числом 2 544 000 руб. в год»³³². Более того, за счет выкупной операции на крестьян был переведен долг помещиков государству, составлявший вместе с процентами 7 млн. руб.³³³ По замыслу архитекторов крестьянской реформы, аккумуляция этих средств в специальном фонде, «образовав свободный капитал в 40 000 000 р., создаст в 1931 г. еще новый капитал»³³⁴, который теоретически мог бы стать фундаментом для роста национальной экономики. Проблема заключалась в том, что на практике эти красивые расчеты сводились на нет обезземеливанием и обнищанием крестьянства, что формировало *первый организационный дефект государственной политики Российской империи в виде **нерационального** (небережливого) отношения к собственному человеческому капиталу*³³⁵. Проведя недоброкачественную реформу, Российское государство подорвало свою хозяйственную систему.

В итоге, несмотря на, казалось бы, неиссякаемый источник дополнительных доходов, правительство России так и не смогло сформировать сбалансированный бюджет и регулярно прибегало к займам за рубежом, так что к началу XX века на государственной казне тяжким грузом висели «долг в 11 800 миллионов рублей и наибольший в мире бюджет в 2 500 миллионов» расходной части, верстаемый с неуклонно возрастающим дефицитом, который в 1907 г. составил 188 миллионов рублей, а в 1908 г. – уже 217 миллионов³³⁶. Вполне закономерным для этой ситуации образом «недоверие за границей к русским финансам дошло до того, что в биржевых кругах и в печати Франции [был в 1909 г.] поставлен на обсуждение вопрос о взятии русских финансов под международный англо-французский контроль: лишь под этим условием там считают возможным дать правительству новый громадный заем для общего исправления русских финансов, т.е. собственно для спасения прежних займов и процентов по ним от угрожающего рано или поздно банкротства. <...> Поэтому закабаление

³³¹ Современное положение сельского хозяйства в России // Наука и жизнь. 1891. №31. Перепечатано в: Наука и жизнь. М., 1991. №8. С. 58

³³² Литвинов М.А. История крепостного права в России. С. 339.

³³³ Там же. С. 340.

³³⁴ Там же.

³³⁵ Термином «человеческий капитал» обозначается вся совокупность подготовленных работников, труд которых формирует национальный доход страны. Именно человеческий, а не овеществленный и не финансовый капитал является непосредственным источником экономического развития общества.

³³⁶ [Богданов А.А.] Современное положение и задачи партии. Платформа группы «Вперед» // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 48.

страны займами правительство дополняет теперь открытую распродажей России синдикатам и трестам заграничных капиталистов. Продаются горные заводы, прииски, железнодорожные линии, ведутся переговоры о продаже громадных лесных площадей и т.д.»³³⁷. Помимо экономического, ограничивался и внешнеполитический суверенитет страны, вынужденной вопреки сильнейшим торговым связям с Германией присоединиться к созданному в 1904 г. англо-французскому военному блоку «Entente Cordiale», дополнившему уже установленные военно-политические соглашения между кредитором – Французской республикой – и должником – Российской империей. Таким образом, *вторым организационным дефектом государственной политики России была жесткая зависимость национальной экономики от иностранных (преимущественно французских и британских) кредитов.*

Не всё обстояло благополучно и в сфере непосредственного производства. Правительство, предоставив реформой 1861 г. немало привилегий дворянам, надеялось пополнить бюджет за счет участия этих собственников в преобразовательном процессе державы, отсталой в индустриальном отношении. Однако русский капитализм начался вовсе не с роста промышленного производства, как это было на Западе, а с развития банковского сектора экономики, транспорта и связи, приносивших немалый доход казне. Это и понятно: «развитие сети железных дорог к границам морским и сухопутным дало огромный толчок сбыту сырья и в том числе продуктов сельского хозяйства, ставших опорой государственного торгового баланса и устойчивости денежного курса»³³⁸, а внедрение внутри страны механизмов обмена (таких, как биржа, банки, кредитные общества и т.д.) создавало иллюзию динамичного развития экономики. Согласно министерским отчетам, Россия шла в ногу с европейскими странами, и к началу 1890-х гг. в империи «уже имелось 32 500 верст железных дорог, 150 000 верст телеграфных проводов, 45 000 верст судоходных рек (с двумя тысячами речных пароходов) и 23 000 верст шоссейных дорог»³³⁹. Эти цифры гипнотизировали превышением показателей России над европейскими странами. Правда, царское правительство, гордившееся своей столь эффективной деятельностью, не учитывало разницу в географических масштабах России и европейских держав, на индустриальные показатели каждой из которых равнялись правительственные чиновники. Они пренебрегали и тем, что отечественная экономика развивалась сугубо за счет богатств, создаваемых трудом стомиллионного крестьянства – главной производительной силы

³³⁷ [Богданов А.А.] Современное положение и задачи партии. Платформа группы «Вперед» // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 50. Сходные данные о формировании экономической зависимости Российской империи от западного капитала приводят также А. Хинштейн и В. Мединский (См.: Хинштейн А., Мединский В. К.Р.И.З.И.С. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. С. 434–435).

³³⁸ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. Т. 21. Берлин, 1934. С. 333.

³³⁹ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М.: ТЕРРА, 1992. С. 29.

империи, в отличие от экономики Запада, основой роста которой к середине XIX столетия был не столько труд жителей метрополий, сколько сверхдоходы от эксплуатации колоний. Кроме того, в пореформенной России негосударственное промышленное предпринимательство стало развиваться отнюдь не усилиями инициативных инвесторов-богачей из дворянской и купеческой среды. «Частные по форме» предприятия «действовали по существу целиком за счет казны. В таких условиях, когда правительственная гарантия обеспечивала прибыли и гарантировала от убытков, когда благоволение власть имущих могло заменить концессионнеру миллионные капиталы, фаворитизм и коррупция расцвели пышным цветом»³⁴⁰. На таких сделках богатели лишь акционеры-«инвесторы» и заинтересованные правительственные чиновники.

В ходе Первой Мировой войны эта коррупционная составляющая российского капитализма проявилась еще более отчетливо. Уже к ноябрю 1914 г. русская армия столкнулась с катастрофической нехваткой всех видов военного снаряжения: по свидетельству известного думского деятеля М.В. Родзянко, «генерал Рузский (в то время Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта и покоритель Галиции – А.Л.) жаловался <...> на недостаток в снарядах и дурное обмундирование; особенно плохо дело обстояло с сапогами. На Карпатах солдаты сражались босиком»³⁴¹. Родзянко привлек земства к работе на армию, а те дали заказы кустарям, готовым скупить кожу в своей и соседних губерниях и даже послать своего человека в Аргентину за дубильными веществами. Поступили заказы и на продукты. Но министр внутренних дел В.А. Маклаков вмешался в ситуацию: во-первых, издал приказ о запрете вывоза продуктов из одной губернии в другую («Благодаря этой мере в одних местах получался избыток продуктов, а в другом недостаток, а случалось и так, что помещики, имевшие имения в разных губерниях, не могли перевозить для посевов собственное зерно»³⁴²); во-вторых, министр потребовал прохождения заказов не через земства, а через губернаторов для облегчения контроля над перемещением ресурсов и для прозрачности доходов³⁴³. Дело в том, что заказы, выполненные частными предпринимателями, стоили армии дороже. Это обстоятельство имело значение, когда производством снарядов озаботились (с подачи Родзянко) Военно-промышленный комитет, председателем которого был А.И. Гучков, будущий военный министр Временного правительства, и Земско-городской союз, возглавляемый князем Г.Е. Львовым, будущим главой Временного правительства. Помощь в снабжении армии была навязана растерявшемуся правительству этими общественными организациями, которые отличались «бестолковой шумихой» и «крикливой саморекламой», хотя на деле «поставляли всего 18% общего количества

³⁴⁰ Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991. С. 664.

³⁴¹ Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. Т. 17. Берлин, 1926. С. 85.

³⁴² Там же. С. 87–88.

³⁴³ Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. Т. 17. Берлин, 1926. С. 87.

снаряжения, но, располагая в России всей печатью и всеми ораторскими трибунами, убедили всю страну в том, что только они и работают на оборону»³⁴⁴. Так наращивался политический капитал самозванных спасителей отечества. Рос и их финансовый капитал: цены ВПК и Земгора были в полтора, а то и в два раза выше расценок казенных заводов. «Трехдюймовая шрапнель казенного производства обходилась в 10 рублей, а Военно-промышленного комитета – 15 рублей 32 копейки. Трехдюймовая граната соответственно – 9 рублей и 12 рублей 13 копеек. Сорокавосемилейная гаубичная шрапнель – 15 рублей и 35 рублей (133% “общественности”!). Сорокавосемилейная граната – 30 рублей и 45 рублей. Шестидюймовая шрапнель – 36 рублей и 60 рублей. Шестидюймовая бомба – 42 рубля и 70 рублей. “Общественная поддержка” обошлась России слишком дорого»³⁴⁵.

Правительство надеялось на случай, чтобы раскрыть глаза царю и обществу на суть деятельности частных компаний под патронажем Гучкова и князя Львова, дабы убедить всех в том, что «ассигновки на военные заказы должны проходить через Особое Совещание и военного министра»³⁴⁶. Пугало также растущее число таких нелепых историй, как дело Братолюбова и ему подобных. «Этот Братолюбов явился к великому князю Михаилу Александровичу и объявил ему, что он изобрел особые аппараты для выбрасывания горючей жидкости на большие расстояния. Для осуществления изобретения ему были нужны станки, которые якобы следовало выписывать из Америки. На этот предмет изобретатель просил не более, как 11 миллионов долларов, что составляло тогда около 30 миллионов рублей. Заручившись протекцией супруги великого князя госпожи Брасовой, Братолюбов сумел повлиять на Михаила Александровича, тот поехал к Государю, а Государь подписал рескрипт на имя великого князя, разрешая этим рескриптом Братолюбову брать из государственного банка деньги по мере надобности»³⁴⁷. «Смелый изобретатель» успел получить только около двух миллионов рублей из запрошенных тридцати, так как испытание аппаратов Братолюбова окончилось плачевно: «горючая жидкость на большие расстояния не выбрасывалась, но зато получили смертельные ожоги пять человек солдат, приставленных к аппарату»³⁴⁸.

Князь Львов, Гучков и Родзянко, понимая, что в любой момент правительство может обоснованно отнести и их к числу стремившихся пожиться за государственный счет, начали кампанию по дискредитации казенных заводов и артиллерийского ведомства. М.В. Родзянко от имени народного представительства докладывал царю «о ничтожном производстве казенных заводов, о том, что во главе большинства заводов стоят немцы,

³⁴⁴ Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х т. Т. 4. М.: Голос, 1994. С. 12.

³⁴⁵ Там же. С. 11–12.

³⁴⁶ Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. Т. 17. Берлин, 1926. С. 112.

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ Там же.

<...> о положении армии, которая самоотверженно умирает на фронте и которую предают в тылу люди, ведающие боевым снабжением»³⁴⁹. К царю Михаил Владимирович явился не для делового доклада по Думе, а «пришел исповедываться, как сын к отцу, чтобы передать всю правду»³⁵⁰ и чтобы царь силами Особого Совещания по обороне поставил под контроль всю деятельность не только казенных заводов, но и министров Сухомлинова, Маклакова, Саблера, Щегловитова.

В это же время министр В.А. Маклаков «всепоподданнейше» доносил царю: «Неоднократно я имел счастье указывать Вашему Величеству, что Г[осударственная] Дума и ее председатель, где только возможно, стремятся превысить свою власть в государстве и, ища популярности, стремятся умалить власть Вашего Императорского Величества. Имею честь обратить ваше внимание на поведение председателя Г[осударственной] Думы после вашего отъезда из города Львова. Председатель Думы принял торжественное чествование галичан и, воспользовавшись отъездом Государя Императора, держал себя, как бы глава российского государства»³⁵¹. На этот раз М.В. Родзянко «переиграл» Маклакова: председатель депутатского корпуса радел за государственные интересы перед монархом, а министр оказался в роли интригана-доносчика – «Маклаков был уволен»³⁵². Таким образом, *третий организационный дефект российской государственной системы проявлялся в фактическом сращении крупных собственников-промышленников и верхнего слоя государственной бюрократии, сообща расхищающих национальное богатство страны.*

Правительство сделало выводы из истории с Маклаковым: столь топорно интриговать – значит, терять лицо и посты, оставаться ни с чем. Поэтому оно поспешило обратить свой взор на сотрудничество с Западом. Поскольку в стране после начала войны «спекуляция, взятки, бешеное обогащение ловких людей – все это достигло невероятных размеров»³⁵³ и вызывало чувство брезгливости у порядочных людей, то тяга к спокойным деловым контактам на паритетных началах и этически безупречному сотрудничеству представлялась естественной, тем более, что правительство считало: уж где-где, а в Европе цивилизованные отношения между деловыми партнерами – это закон, который договаривающиеся стороны уважают и соблюдают без оговорок.

Однако в противовес расхожему мнению здесь нелишне было бы вспомнить об опыте сотрудничества морского ведомства России с английской фирмой «Виккерс» еще в 1905 году, когда англичане охотно взялись за заказ на постройку крейсера «Рюрик». В соответствии с условиями договора, которые поначалу удовлетворили обе стороны, фирма обязывалась

³⁴⁹ Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. Т. 17. Берлин, 1926. С. 97.

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. Т. 17. Берлин, 1926. С. 98.

³⁵² Там же. С. 99.

³⁵³ Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. Т. 17. Берлин, 1926. С. 111.

в кратчайший срок изготовить для нашей стороны боевой корабль, но без артиллерийского снаряжения: орудийную «начинку» на «Рюрике», относившуюся к разряду военных тайн, Россия была намерена изготовить и установить собственными силами и на своей территории после получения готового крейсера из Англии. Тем не менее, вскоре после, казалось бы, успешной договоренности сторон руководство английской фирмы неожиданно заговорило о том, что, хотя условия договора соответствовали нормам делового сотрудничества европейских стран, для России «Виккерс» «сможет построить корабль в обусловленные полтора года только в том случае, если артиллерия тоже будет изготовлена его фирмой»³⁵⁴.

Как показали дальнейшие события, желание изменить условия уже готового к подписанию договора диктовались отнюдь не стремлением фирмы заполучить более дорогостоящий заказ: «хитрости» «Виккерса» были шиты белыми нитками, поскольку руководство английских судостроителей затевало весь сыр-бор исключительно ради того, чтобы добраться до тайны российских десятидюймовых орудий. Англия проявляла глубокий интерес к этим орудиям, которые «были впервые применены при обороне Порт-Артура, и их действие было настолько впечатляющим, что по взятии крепости первым делом японцы устремились к этим орудиям»³⁵⁵. Англия тоже во что бы то ни стало хотела заполучить сведения, представлявшие собой военную тайну России, поэтому, заявив об установлении на «Рюрике» своей артиллерии и получив на это согласие российской стороны, фирма «Виккерс» через полтора месяца вновь затеяла пересмотр соглашения с морским ведомством России, доказывая теперь, что английская артиллерия «условиям министерства не отвечает»³⁵⁶, как будто это только что обнаружилось. Вызывает изумление и тот факт, что «в результате длительных переговоров» фирме все же выдали чертежи нужных орудий, по которым она их и изготовила. «Но это еще не всё. Когда стали испытывать первое пробное орудие, сделанное по русским чертежам, оказалось, что начальная скорость при выстреле так велика, что ведущие пояски снарядов, секретом которых обладало только морское министерство, срывались. Без малейших колебаний ведомство выдало фирме и секрет нагонки поясков»³⁵⁷. То, что оказалось в руках англичан, высоко оценивалось специалистами: о русском орудии они «говорили и писали только в превосходной степени <...>, оно выдерживало при испытании 100 с лишним выстрелов без потери меткости. Англичане так были поражены, что отказывались верить, не допуская мысли, что в России может быть сделано что-то лучше, чем у них. Но и выдачей этих двух секретов дело не ограничилось. Морское министерство выдало “Виккерс” и третий секрет – способ изготовления мягкой палубной брони, которая была освоена на Колчинском заводе

³⁵⁴ Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. С. 53–54.

³⁵⁵ Там же. С. 54.

³⁵⁶ Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. С. 54.

³⁵⁷ Там же.

на основе работ известного металлурга Чернова. Ни в одной стране в это время не могли производить этот вид брони такого качества и таким дешевым способом. Даже крупновская мягкая броня, считавшаяся лучшей, сильно уступала и в цене, и в качестве колчинской. Заявив, что при испытаниях ее броня оказалась неудачной, фирма “Виккерс” выманила и этот секрет. Остается добавить, что “Рюрик” тем не менее в срок построен не был. Фирма получила полугодовую отсрочку, но и после ее истечения крейсер не был готов <...>. Фирма должна была заплатить за просрочку около 300 тыс. руб., но, пустив в ход связи, подкуп и угрозы разоблачения высокопоставленных русских чинов, не заплатила ни копейки»³⁵⁸.

Короткая память наших министров о подобных инцидентах сыграла с ними в Первую Мировую войну злую шутку, потому что ставка на Европу в деле вооружения армии обернулась полным разочарованием и беспрецедентным унижением России.

Крах надежды на добросовестное взаимодействие с Западом был очевиден еще тогда, когда в Лондоне готовилось открытие комитета для объединения наших военных заказов за рубежом под председательством великого князя Михаила Михайловича. Считалось, что вполне достаточно соглашения между русскими и английскими промышленниками, входившими в состав этого учреждения. Однако в ситуацию вмешалось английское правительство. В тот период пресса Великобритании шумела, публикуя отзывы на интервью со своими генералами, которые сообщили в 1915 году о Первой Мировой войне как о войне на истощение и о том, что Англия едва ли достигнет реального выигрыша даже в случае германского поражения: «прошли те времена, когда в европейских войнах ей удавалось играть роль “третьего радующегося”»³⁵⁹. Англии приходилось теперь изыскивать способы отнимать у партнеров часть их доли, не гнушаясь обманных переговорных трюков. Правительство Великобритании поставило комитету промышленников следующие условия: во-первых, предоставление кредитов России должно быть обеспечено присылкой золота «в натуре»³⁶⁰; во-вторых, все заграничные заказы для России должны проходить через комитет, т.е. Россия лишена права самостоятельно закупать товары вне Англии³⁶¹; в-третьих, суда, которые доставляли заказы, должны были конвоироваться английскими крейсерами³⁶². Это и понятно: «в условиях почти герметической блокады России доставка снаряжения могла производиться через Полярный круг, Белое море (замерзающее на пять-шесть месяцев в году) и дальше от Архангельска по одноколейной линии. Оставался еще Владивосток, но пробег одного лишь поезда от Владивостока до Двинска

³⁵⁸ Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. С. 54–55.

³⁵⁹ Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970. С. 187.

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ См.: Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. Т. 17. Берлин, 1926. С. 110; Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970. С. 187.

³⁶² Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. Т. 17. Берлин, 1926. С. 110.

требовал обслуживания 120 парами паровозов!»³⁶³ Воспользовавшись этим затруднением, «англичане предложили, чтобы весь наш торговый флот перешел в их распоряжение, якобы для удобства и объединения командования»³⁶⁴.

Было очевидно, что Россия, заплатив за поставки оружия «вперед золотой валютой и по необычайно высокой расценке»³⁶⁵, не стала в комитете хозяином положения: «мы находились в зависимости от желаний и произвола английских промышленников» и командования английским флотом, а кроме того, попадали в двойную кабалу при заключении сделок с другими европейскими странами. Проклиная вымогательство, недостойное «великой нации и союзницы», Россия все же подписала в Париже в феврале 1915 года невыгодный для себя договор. Подписи под этим соглашением поставили также министры финансов Англии и Франции. Еще бы! На русские деньги западные страны могли теперь без помех и заблаговременно произвести «всю мобилизацию своей гигантской промышленности. Русская армия никогда не увидела тех тысяч орудий и десятков тысяч пулеметов, за которые деньги были полностью внесены вперед – вместе с жертвенной русской кровью за общесоюзное дело»³⁶⁶. Последнее обстоятельство связано с тем, что в 1916 г. Франция, поставившая свою подпись под соглашением, на правах распорядительницы стала категорически требовать переброску в Румынию целой русской армии в 200 тысяч человек (что частично соответствовало статье 3 русско-румынской конвенции 1916 г., обязывавшей Россию «послать во время мобилизации румынской армии в Добруджу две пехотные дивизии и одну кавалерийскую для совместных действий»³⁶⁷ – но никак не армию!). И тем не менее Россия в сентябре 1916 года отправила за Дунай четыре дивизии. Но Франция, начиная заступничество за Румынию, не забыла и себя: она потребовала переброску войск и в свою страну – ей понадобилось 400 тысяч русских солдат для создания ударных корпусов, «так как сенегальские дивизии были почти уничтожены и необходимо было заменить их соответствующим материалом. Никто лучше русских солдат не подходил к этой роли»³⁶⁸. Требование Франции носило возмутительный характер, потому что «русско-французские военные конвенции совершенно не предусматривали отправку русских войск во Францию»³⁶⁹. Россия, которая не имела ни снарядов, ни винтовок, ни тяжелой артиллерии, понимая свою зависимость от «союзников», шла на поводу у них, полагавших, что население нашей страны годится лишь в качестве «пушечного мяса». О трагической судьбе наших солдат во Франции и об ужасающих репрессиях по отношению к ним в этой стране напи-

³⁶³ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. С. 12.

³⁶⁴ Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. Т. 17. Берлин, 1926. С. 110.

³⁶⁵ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. С. 25.

³⁶⁶ Там же. С. 12.

³⁶⁷ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат, 1991. С. 7.

³⁶⁸ Там же. С. 5.

³⁶⁹ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат, 1991. С. 6.

сано в «Сборнике секретных документов из Архива бывшего Министерства Иностранных дел». Полурабское существование во Франции породило у наших солдат убеждение в том, что все они «проданы французам за снаряды»³⁷⁰. Отношение Запада к России отчетливее всего просматривается в мемуарах французского посла Мориса Палеолога, который был искренне уверен в том, что «когда цивилизованная и высококультурная Франция теряет одного человека на поле сражения, дикая Россия может потерять десять без ущерба для цивилизации»³⁷¹. Подобное циничное лицемерие в отношении русских союзников было нормой для европейских дипломатов. Достаточно вспомнить мемуары британского посла Джорджа Бьюкенена, который то жаловался, что при царском дворе «с послами иногда обращались, как со слугами»³⁷², то, забыв о ранее написанном, подробнейшим образом рассказывал, как русская царица в личной беседе обсуждала с ним сложнейшие проблемы внутренней политики, ища у иностранного посла совета, как повлиять на венценосного супруга, чтобы укрепить авторитет монархии³⁷³. Верится с трудом: если человека приравнивают к прислуге, то вряд ли станут вести с ним беседы столь доверительного характера.

Российское правительство, уповая на благородство высокоразвитой Европы, безусловно, допустило целый ряд непоправимых внешнеполитических ошибок, чем всякий раз обнаруживало должностную некомпетентность. Но когда опытные политики из Франции поучали русских, что, мол, «Россия должна быть очень богатой и уверенной в своих силах, чтобы позволить себе роскошь иметь правительство, как ваше, из которого премьер-министр – бедствие, а военный министр – катастрофа», – то эта многозначительная фраза звучала лицемерно и цинично в устах тех, кто помог зарубежным компаньонам облапошить огромную и мужественную страну: ведь не было секрета ни у нас, ни за рубежом в том, что «русский меч лежал грозной тяжестью на весах войны. Россия одна схватилась с половиной сил Центральных держав; Франция, Англия, Италия и Соединенные Штаты – державы, во много раз сильнее, техникой, поделили между собой другую половину»³⁷⁴. Если за время военных действий Россия захватила *два миллиона двести тысяч пленных и почти четыре тысячи орудий*, и эти данные *в шесть раз* превышали количество военных достижений *всех остальных армий Антанты*³⁷⁵, то можно себе представить, какого огромного напряжения сил и жертвенности потребовала война от русской армии и от всего населения российской державы. Военные специалисты, объективно оценивая груз, упавший на плечи русского народа, считали, что тяжесть войны была для него несравнима ни с какими испытаниями других стран:

³⁷⁰ Лисовский Ю. Лагерь Ля-Куртин // Архив русской революции. Т. 17. Берлин, 1926. С. 263.

³⁷¹ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат, 1991. С. 7–8.

³⁷² Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М.: Международные отношения, 1991. С. 115.

³⁷³ См.: Там же. С. 154–155.

³⁷⁴ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. С. 165.

³⁷⁵ См.: Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. С. 164.

«то, что Франция испытывала в продолжение нескольких недель Верденского кризиса, то, что вообще не пришлось испытать Британской империи, было нашим неизменным уделом. Одной лишь кампании 1915 года в тех условиях, в которых мы ее проделали, было достаточно для того, чтобы погубить любую из первоклассных армий мира»³⁷⁶. Чудовищные потери нашей страны явились следствием *четвертого организационного дефекта российской государственной системы в виде откровенного раболепства национальной элиты перед Западом*.

Перечисленные выше организационные дефекты оказали поистине катастрофическое воздействие на хозяйственную систему империи во время войны. Нежелание объективно заниматься сравнительной корреляцией между мерой трудовых затрат и мерой получаемой продукции в России и Европе выработало у русской власти привычку к подмене понятий в оценке эффективности работы подданных: низкая производительность их труда объяснялась на протяжении веков представителями правящей элиты как результат нерасторопности, лени, нерачительности и бесхозяйственности русского мужика, хотя дело было в обычном непонимании властями того, что европейцу хлеб насущный доставался неизмеримо легче. Русским нечего было и думать равняться на Запад еще и по той причине, что там основой было машинное производство, а у нас – главным образом – кустарное, ручное: «количество “лошадиных сил” германской промышленности превышало наше в 13 раз, французской – в 10 раз. То, что немцы и французы делали машинным способом, мы должны были делать вручную. А это требовало в несколько раз большего количества рабочих рук в тылу – как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. “Человеческий запас” России оказался относительно гораздо меньшим, нежели в союзных или неприятельских странах – в декабре 1916 года был уже объявлен набор срока 1919 года, тогда как во Франции и в Германии еще не был призван срок 1918-го»³⁷⁷. Призывы не сказывались на Европе так тяжело, как на России: там «человека на производстве заменяла машина. У нас же призыв очередного срока новобранцев, очередной категории ополченцев вызывал незаживающую рану – истощал соки, которыми питалась страна»³⁷⁸. Этот вывод подтверждался объективными данными: «пережив мировую войну, в тяжелом положении оказались все воевавшие страны. В Германии к 1918 году объем валового национального продукта упал на 28% по сравнению с предвоенным уровнем, в Австрии и Бельгии – на 32, во Франции – даже на 36. Однако <...> все они восстановили свой довоенный уровень уже к 1922–1925 годам»³⁷⁹.

Что касается России, то масштабы людских потерь и разрушений материального богатства страны превзошли все мыслимые пределы – не в

³⁷⁶ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. С. 165.

³⁷⁷ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3. С. 247.

³⁷⁸ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. С. 25.

³⁷⁹ Шишков Ю. Упущенный шанс // Наука и жизнь. М., 1991. №11. С. 2.

последнюю очередь потому, что правящая элита ничтоже сумняшеся перекладывала абсолютно все военные издержки на плечи простонародья, даже не пытаясь решать вопрос его жизнеобеспечения. Наиболее отчетливо это безразличие проявилось в июле 1917 г., когда французский представитель в Ставке верховного главнокомандования запросил данные о потерях русских войск, и вдруг выяснилось, что командующие фронтами, «три года подряд славшие на убой миллионы русских офицеров и солдат, <...> отдававшие обескровленным армиям иступленные директивы “Ни шагу назад!”, воздвигавшие пирамиды черепов на Бзуре, Нарочи, у Ковеля, эти люди ни разу за три года не поинтересовались узнать, во что, хотя бы приблизительно, обходится России и русской армии их стратегическое творчество»³⁸⁰. Этот факт с горечью констатировал в 1930-х гг. в своем исследовании русский историк-эмигрант А.А. Керсновский. Что день войны стоил стране 19 миллионов рублей, – подсчитали со всей тщательностью³⁸¹, а вот подведение итогов потерям в личном составе царской армии так и не стало заботой ни верховного командования, ни правительства, ни депутатов, ни лидеров оппозиции – радетелей народных: в России «наверху» никто не интересовался «уже использованным человеческим мясом»³⁸².

Как выяснилось позже, велись лишь некоторые подсчеты потерь. Акция эта носила случайный характер и производилась силами немногих добросовестных военврачей, наподобие доктора Авраменко³⁸³. Эти люди по профессиональной привычке фиксировали сведения об умерших от ран, от отравлений газом, от контузий. Разумеется, данные не могли быть полными, но даже этих сведений было достаточно для того, чтобы составить объективное представление о размерах чудовищной катастрофы, постигшей царскую армию: «по очень осторожным исчислениям»³⁸⁴ можно сказать, что из ее действующего состава за годы мировой бойни «убыло безвозвратно» *более шести миллионов* воинов³⁸⁵. А сколько же тех «неизвестных солдат», о коих ничего не мог сказать ни крест, ни камень на безы-

³⁸⁰ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. С. 166

³⁸¹ Яхонтов А. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров – 16 июля–2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1926. С. 34.

³⁸² Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. С. 165.

³⁸³ Там же. С. 166.

³⁸⁴ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. С. 170.

³⁸⁵ Там же. Сведения А.А. Керсновского неточны, поскольку он, находясь в эмиграции, не имел доступа к соответствующим документам. Официальные сведения о потерях русской армии в Первой Мировой войне, обобщенные Отчетно-статистическим отделом Управления РККА в 1925 г. на основе архивных данных царского времени, указывают на «безвозвратную убыль» 7 036 087 человек, однако уже в то время данная цифра считалась заниженной: так, начальник Военной академии РККА генерал А. Снесарев в 1926 г., просуммировав убыль населения стран-участниц Первой Мировой войны непосредственно вследствие боевых действий, от уменьшения рождаемости и увеличения смертности, установил, что война обошлась России в 15 500 000 жизней, что составило 68% людских потерь всех стран Антанты (См.: Снесарев А. Послевоенные расчеты держав Антанты // Кто должник? К вопросу о франко-советских отношениях. М.: Авиоиздательство, 1926. С. 319–327).

мянной братской могиле, и тех, что погибли в плену от голода и нечеловеческих условий, сколько «солдати́ков, проданных за снаряды», сложило свои головы на чужбине – не узнает теперь никто. Поистине, невосполнимую утрату понесла русская армия!

Несть числа жертвам и среди мирного населения, но это были весьма странные потери, часть которых была связана с распоряжением Ставки в 1915 году о том, «что для победы над врагом необходимо эвакуировать в принудительном порядке прифронтовую полосу на 100 верст в глубину страны»³⁸⁶. В переводе с армейского на обиходный русский язык это означало следующее: при отступлении русской армии возникала «военная необходимость» создать врагу массу проблем с жизнеобеспечением войск. «В целях обезлюживания отдаваемых неприятелю местностей»³⁸⁷ потребовалось опустошить десятки губерний и выгнать население во внутренние районы России. Этот метод в начале войны применялся лишь в некоторых населенных пунктах прифронтовых территорий: тогда нагайками изгонялись люди по иной причине – из-за обвинения всех поголовно, «без разбора, в шпионаже, сигнализации и иных способах пособничества врагу»³⁸⁸. В 1915 году силой выгонять стали отовсюду. Если учесть, что фронтовая полоса – в соответствии с распоряжением Ставки – имела протяженность от Балтийского до Черного морей, а ширина ее составляла 100 км, и эта местность была густо населена, то можно себе представить, какого числа людей коснулась эта жестокая акция.

В России приказ Ставки не подлежал огласке. Даже на расширенных заседаниях Совета министров не обсуждалась ситуация с беженцами открыто. Только по секретным материалам закрытых совещаний глав министерств можно получить представление об ужасах, творимых по распоряжению командования царской армии в 1915 году. Правительственная элита не искала способов помощи беженцам, а лишь негодовала по поводу безнравственных действий военных, которые проводили не организованную эвакуацию населения, а насильственную депортацию без предоставления изгнанникам транспорта и средств выживания. Сотням тысяч людей военные давали на сборы несколько часов, а затем оттесняли их «от родных гнезд» и сжигали на глазах несчастных их дома вместе с нажитым добром. После этого лишившуюся всего, измученную толпу гнали сплошным потоком в неведомую даль. Тащились повозки с домашним скарбом, брел усталый скот. Накормить, напоить, согреть все это множество обездоленных, конечно, немыслимо. «Люди сотнями мрут от голода, холода, болезней. Детская смертность достигает ужасающих размеров. По сторонам дорог валяются непогребенные трупы. Повсюду падаль и невыносимые миазмы.

³⁸⁶ Яхонтов А. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров – 16 июля–2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1926. С. 74.

³⁸⁷ Там же. С. 33.

³⁸⁸ Яхонтов А. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров – 16 июля–2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1926. С. 32.

Широкою волною людская масса разливается по России, усугубляя повсюду тягости военного времени, создавая продовольственные кризисы, увеличивая дороговизну жизни»³⁸⁹. Положение осложнялось еще и тем, что местные жители «и без того все тяжелее испытывающие бремя военных невзгод», встречали голодных и бездомных беженцев недружелюбно. Министр земледелия А.В. Кривошеин на секретном заседании 4 августа 1915 года объяснял, почему это происходит: «Идут они (беженцы – А.Л.) сплошною стеною, топчут хлеба, портят луга, леса. За ними остается чуть ли не пустыня, будто саранча прошла»³⁹⁰.

Проблему беженцев не решали, и ситуация заходила в тупик. Письма министров «в категорическом тоне» в адрес Ставки оставались без ответа, а закрытые заседания Совета министров все больше походили на митинги по поводу безобразий командования армии. Управляющий военным министерством А.А. Поливанов твердил: «С общегосударственной точки зрения недопустимо поголовное выселение населения с уничтожением имущества и всеобщим разорением. К тому же производится грубо и с насилиями, вплоть до убийства карательными отрядами <...> отказывающихся покинуть усадьбу. Сжигание построек и урожая крайне раздражает, и крестьяне даже вооружаются, чтобы охранять свое имущество от уничтожения. Разрушаются фабрики и заводы с запасами сырья и продуктов, к вывозу которых мер никаких не принимается»³⁹¹. Министр промышленности В.Н. Шаховской возмущался: «Систематическое опустошение прифронтовых местностей <...> заставляет думать, что командование не надеется вернуть этот край в обладание России»³⁹². Министр земледелия А.В. Кривошеин поддерживал: «Ни один народ не спасался собственным разорением». «И нравственным растлением, – добавлял управляющий министерством внутренних дел Н.Б. Щербатов. – Среди этой усталой, замученной, голодной толпы происходит какая-то дикая вакханалия»³⁹³. Для правительства картина была ясна: с ростом числа людей, доведенных до нищеты, отчаяния и дикого озверения, в стране поднималась грозная стихия, но вот где и как ее можно было остановить, какие явления ей будут сопутствовать, – это государственной власти представлялось «уравнением со всеми неизвестными»³⁹⁴. Нельзя сказать, чтобы министры, имевшие «возможность читать многое из поступавших донесений секретных разведок»³⁹⁵, не предвидели надвигающейся катастрофы. Однако они упорно

³⁸⁹ Яхонтов А. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров – 16 июля–2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1926. С. 33.

³⁹⁰ Там же. С. 37.

³⁹¹ Яхонтов А. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров – 16 июля–2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1926. С. 74.

³⁹² Там же.

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Яхонтов А. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров – 16 июля–2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1926. С. 37.

³⁹⁵ Записки белогвардейца-лейтенанта NN // Архив русской революции. Т. 10. Берлин, 1923.

продолжали бездействовать там, где требовалось экстренное вмешательство в процессы, которые объективно могли перерасти в неуправляемые. Вместо этого министры, «подозревая на каждом шагу измену»³⁹⁶, занимались поисками предателей и виновников создавшегося тяжелого положения, исключив из их числа «своих» под предлогом того, что «мы не имеем права неосторожным словом клеймить целые ведомства и окончательно подрывать без того всячески расшатываемый авторитет правительственных учреждений»³⁹⁷.

Продолжение катастрофических процессов наблюдалось и после мировой бойни, поэтому в нашей стране к 1920 году «многие отрасли промышленности едва дышали. Добыча железной руды составила 1,6% от довоенного уровня, медной – 0,3%, производство цемента – 3,2%, хлопчатобумажной пряжи – 5%. Машиностроение лежало в руинах <...>. По оценкам западных экономистов, валовой национальный продукт страны упал в 1920 году до 9,5% от уровня 1913 года»³⁹⁸. И начало такой катастрофе было положено исключительно за счет специфической дезорганизации государственного хозяйства вследствие войны и задолго до того, как царская Россия стала страной Советов.

Данная совокупность социально-исторических факторов предписывает внести при изложении концепции Богданова одно сугубо терминологическое уточнение. В аналитических статьях о «военном коммунизме» и государственном капитализме Александр Александрович обозначал термином «коммунистическое нормирование» *чисто экономическую меру*, требующую авторитарного стиля руководства в структурах, ответственно надзирающих за процессом распределения убывающих средств жизнеобеспечения. Этот стиль из-за простоты и эффективности легко получил широкое применение в практике воюющих государств. Формы идеологии при этом определялись не столько культурно-историческими факторами, сочетание которых уникально для каждой страны, сколько тем, какой группе принадлежала власть. Население, поставленное угрозой вымирания на колени перед управленцами, оказывалось заложником господствующей идеологии, а она не обязательно была коммунистической. Как раз этим обстоятельством объясняется многообразие новой формации. Зато ее обобщающей особенностью следует назвать то, что главной фигурой при военном коммунизме, «деловым организатором капиталистической жизни» неизменно являлась интеллигенция – ученая, техническая и чиновничья, которая из группы «an sich» («сама по себе») постепенно превращалась в группу «für sich» («сама для себя»)³⁹⁹. По мнению Богданова, продолжи-

С. 56.

³⁹⁶ Там же.

³⁹⁷ Яхонтов А. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров – 16 июля–2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1926. С. 36.

³⁹⁸ Шишков Ю. Упущенный шанс // Наука и жизнь. М., 1991. №11. С. 3–4.

³⁹⁹ Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 102–104.

тельность существования этой новой формации в значительной степени будет зависеть от того, как долго большинство из группы «für sich» станет сохранять готовность «к обращению в верных союзников капитала и даже – верных его слуг»⁴⁰⁰. Вероятность «второго издания» военного коммунизма допустима при условии единения группы «für sich» с финансовыми олигархами на фоне нового витка милитаризма и накопления «военного материала», толкающих капитал на интервенции в «слабые» страны⁴⁰¹.

Конкретные формы политических систем «военного коммунизма» мирного времени, по Богданову, определялись всецело тем, помощью каких социальных групп заручится в своем правлении «нормативная интеллигенция», т.е. бюрократия. Следствием этого неизбежно становилась специфическая *поливариантность развития общества*, обусловленная наложением порожденных войной универсальных дезорганизационных тенденций на исторически сформированный социокультурный контекст. При поверхностном изучении проблемы количество моделей преодоления военного кризиса точно соответствовало числу участвующих в войне стран. Однако в результате тектологического анализа с учетом всех возможных вариантов развития событий ученый выделил формирование пяти основных типов «военно-коммунистических» политических систем:

1) страны, где перманентные социальные катаклизмы ведут к периодически возникающим кровопролитным столкновениям, иногда переходящим в гражданские войны (Богданов назвал такие страны «монстрами»);

2) страны-марионетки, попавшие в зависимость от экономически развитых государств;

3) милитаристские, националистические и фашистские государства, эволюционирующие в сторону тоталитарной диктатуры;

4) страны с олигархическим режимом, который базируется на союзе крупных собственников и «верхушки» государственной бюрократии;

5) страны, где власть полагается на «средний класс» нового типа, который рождается в результате паритетного взаимодействия научно-технической интеллигенции и хозяйственно-организаторской бюрократии («технистов» и «нормистов», в терминологии Богданова).

Государства первого типа возникают в тех случаях, когда в условиях падающего производства создаются невыносимые условия выживания для подавляющего большинства граждан и в обществе созревает идея свержения крайне непопулярного руководства страны. Обычно подобные радикальные настроения навязываются обществу не столько пропагандой оппозиции, сколько всем историческим «ходом вещей», и поэтому поддерживаются тем огромным большинством возмущенного населения, которое более всего ощущает себя жертвой произвола безнравственной власти. Представления о справедливом переустройстве общественной жизни обя-

⁴⁰⁰ Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 339.

⁴⁰¹ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 446–447.

зательно будут связываться в сознании масс с немедленным отрешением от власти тех, кто потерял доверие народа. Эти представления лягут также в основу формирования настроений насильственного передела собственности на уравнительных началах, чтобы в стране явочным порядком восторжествовал «социализм дележа»⁴⁰². Эти идеи демагогически поддержат политические силы, рвущиеся на смену оскандалившейся власти. Вздвигнутая толпа, зачарованная абстрактно-лозунговой риторикой неожиданных попутчиков стихийного марша против правительственных «верхов», охотно поддержит новоявленных помощников, мало задумываясь над тем, почему «попутчики» четко и конкретно, а главное заблаговременно знают, чего хотят, и используют бунтующую толпу в своих целях, как ударную силу, в то время как восставшие массы не имеют четкого представления о том, что их ждет в случае реализации лозунговых требований. В связи с этим не стоит удивляться, что широкие народные массы, которые действительно составляют главную ударную силу «“национализаторской” революции», ничего не сумеют изменить в своей жизни даже тогда, когда собственными руками «посадят нового властителя на трон»⁴⁰³: митинговые клятвы и заверения так и останутся на совести новоиспеченного любимца масс и реализации не получат. Недовольство населения опять начнет копиться, чем воспользуются новые политические силы, которые, обретя поддержку масс, начнут очередной поход против лживой власти. Судьба такой страны трагична, ибо с каждым новым гражданским столкновением отчаяние народа будет объективно возрастать, и социальная система неизбежно «пойдет вразнос» – вплоть до полного разрушения. Следует обратить внимание на то, что Богданов проанализировал такой сценарий развития политических событий еще сто лет назад.

Согласно его выводам, не лучше могла сложиться судьба населения и в тех государствах, где власть делает ставку на экономическую поддержку других – более развитых – стран. Радужные надежды на полноценное восстановление собственной экономики беспочвенны: развитым капиталистическим странам нужен не конкурент, а зависимый компаньон-марионетка, к которому они будут относиться «колонизаторски», развивая в разоренной стране лишь низшую, частно-промышленную и финансовую форму капитализма⁴⁰⁴, не давая «спасаемой» экономике шанса подняться: поскольку финансовый капитализм, заменяя широкую конкуренцию борьбой немногих монополистов, непременно углубит противоречия тем, что «врежется» «в самую базу общества», то организация жизни социума на такой основе окажется «принципиально недостаточной из-за бессилия перед социальной стихийностью»⁴⁰⁵. Власть в конце концов вынуждена будет взять под жесткий контроль весь ход жизни в стране, «предустанавли-

⁴⁰² Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 105.

⁴⁰³ Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 133.

⁴⁰⁴ См.: Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 106.

⁴⁰⁵ Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 130.

вая его так, чтобы в нем имелась основная согласованность и для разрушительных противоречий не было почвы, – причем регулирование остается как дополнительная и подсобная функция»⁴⁰⁶. В противном случае власть государства, долго подчиняющаяся чужим интересам, вряд ли будет способна понимать потребности собственного народа и иметь независимую позицию на международной арене.

При опоре власти на армию возникает опасность иного рода из-за того, что управленческая структура такой страны приобретает вид колоссально разросшегося «чиновничьего аппарата со включенным в него милитаристическим»⁴⁰⁷. Вся эта система не может не держаться на методах авторитарно-принудительных в силу того, что «бюрократизм и милитаризм – школы авторитарной дисциплины»⁴⁰⁸: тяготение к «твердой власти», к разным формам диктатуры получают в этом случае преимущественное значение. Если для общества нормативно-коммунистическое регулирование потребления явится чисто экономическим условием коллективного выживания, то «организационной спайкой» «милитаризованных трудовых элементов» власть могла избрать лишь идеологию антидемократизма, национализма или даже фашизма в качестве наиболее доступных форм осознания общности жизненных интересов всего населения. Идеологическое воздействие на сознание людей «под знаком военщины» исказит природу масс под влиянием солдатского идеала. Армия не знает дела производительного, имеет «специфическую культуру», которая веками формировалась в экстремальных военных условиях с риском для жизни, корректировалась правилами соответствия структурной армейской иерархии, предопределяющей абсолютное подчинение одних другим. Неизбежное в военном деле подавление личной воли психологически компенсировалось в казарменной повседневной жизни отказом от нравственно-этических ограничений при взаимодействии с равными и – в особенности – с нижестоящими: агрессивно-расторможенный стиль поведения в отсутствии других форм межличностного взаимодействия являлся хотя и безобразным, но необходимым элементом психологической разгрузки. Армия «понимает всякую задачу как вопрос ударной силы, а не как вопрос организационного опыта и труда»⁴⁰⁹. Немного времени потребуется на разделение населения по ранжиру усредненной общественной значимости людей и на то, чтобы в новых условиях «политический стиль пропитался казарменной трехэтажностью»⁴¹⁰. «Товарищеское уважение» к сознательному гражданскому выбору исчезнет в атмосфере «революционно-правового» беззакония «человека с ружьем», который тяготеет к социализму дележа, а «постоянная

⁴⁰⁶ Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 130.

⁴⁰⁷ Там же. С. 131.

⁴⁰⁸ Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 130. С. 132.

⁴⁰⁹ Богданов А.А. Письмо А.В. Луначарскому. 19 нояб. 1917 г. // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 353.

⁴¹⁰ Там же.

практика военных реквизиций, конфискации, пользования неприятельским имуществом и пр. еще более воспитывает в этом направлении»⁴¹¹. Поскольку главное занятие солдата – это борьба с врагом, разведка и уничтожение шпионов, то все это будет довольно быстро запущено «в работу». Все, что не укладывается в упрощенную картину солдатского мира, либо уничтожается, либо объявляется не имеющим значения. Власть, которая сделает «из солдатской массы своего рода “класс момента”», должна помнить, что продолжение этой линии – путь к моральной деградации всей социальной системы. К тому же долго «сидеть на штыках нельзя»⁴¹². Военная диктатура имеет все основания потерпеть крах.

Не вытащит страну из пропасти разрухи ставка и на сам по себе бюрократический аппарат, потому что «чиновники государства, а частью и муниципалитетов по своему классовому положению и настроению будут весьма склонны к обращению в верных слуг» крупных собственников. Они будут оказывать всяческую поддержку хищническому капиталу в его стремлении к освобождению от государственной опеки, потому что будут тяготеть к богачам-олигархам из-за убежденности в том, что крупный капитал выполняет роль главного финансового источника для государства. При этом станет игнорироваться то обстоятельство, что этот капитал на самом деле включает возложенные на него налоги в стоимость товаров и услуг населению, что порождает косвенные налоги, удорожающие жизнь в стране и маскирующие истинное распределение финансового бремени, которое ложится на плечи трудовых слоев общества, все более разоряя их. Если государство продолжит опираться на хищнический олигархический капитал, то это будет равнозначно сдаче на милость победителя: собственники охотно войдут во власть и законодательно снимут все ограничительные рамки для бесконтрольного увеличения своих частных доходов без учета жизненных интересов социального целого. Однако в этом случае выход из военно-коммунистического состояния невозможен, ибо получится то, что Богданов называл «устойчивой системной дифференциацией», при которой произойдет «возрастающее расхождение частей системы», вплоть до полной остановки общественного развития. Современные социологи подтверждают, что при разнице в доходах свыше восьмикратного возникает опасность социальной деградации общества, а если эти пропорции различаются в 10–25 раз, то наступает еще и физиологическая деградация основной массы населения⁴¹³. С учетом этого вывод довольно категоричен: продолжение союза власти и олигархов – это путь государства в небытие.

Отмеченные А.А. Богдановым тенденции развития «военно-коммунистической» системы в мирное время в полной мере проявились

⁴¹¹ Богданов А.А. Письмо А.В. Луначарскому. 19 нояб. 1917 г. // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 354.

⁴¹² Там же.

⁴¹³ См., напр.: Кравченко А.И. Социология: учебник для вузов. 4-е изд. М.: Академический проспект, 2002. С. 332–333.

уже после смерти ученого, который недвусмысленно предостерегал современников: нейтрализация последствий войны в экономике и общественной жизни может парадоксальным образом способствовать усилению военно-бюрократической диктатуры вместо ее свертывания, причем именно тогда, когда государственное хозяйство начнет возвращаться к нормальному функционированию⁴¹⁴. Именно в этой фазе «экономической демобилизации», по Богданову, «количество продуктов, доставляемых системой производства, временно еще уменьшится, ее упадок еще более обострится; а, следовательно, государственный капитализм на самом деле должен еще усиливаться»⁴¹⁵.

В таком усилении внерыночных механизмов экономического регулирования будут заинтересованы, в первую очередь, те властвующие группы, которые укрепили свое положение в период войны: государственная бюрократия и финансовый капитал. Первая из этих групп за время войны перешла от обслуживания интересов традиционных политических элит (регионально-отраслевых группировок крупных капиталистов) к самостоятельной политической деятельности, обрела силу и власть за счет организации распределения неуклонно сокращающегося объема материальных благ. При этом тяжелые условия войны обеспечивали бюрократии чрезвычайные полномочия и полную защиту от любой критики. Что касается финансового капитала, то выпускаемое им «бумажное золото»⁴¹⁶, обладающее лишь виртуально-символической ценностью, благодаря поддержке милитаристского государства получило в период войны мощное «железное» обеспечение *непосредственной вооруженной силой*. Естественно, что прекращение войны и неизбежно следующее за ней свертывание «военно-коммунистических» форм управления обществом объективно вели к уменьшению власти этих групп, вынуждая их вернуться к довоенным методам управления; но подобное развитие противоречит самой природе властных отношений – за всю историю человечества еще ни одна группа, поднявшаяся к вершинам власти, не отказывалась добровольно от своих властных полномочий, даже когда этого требовала социальная и политическая ситуация в стране. В силу этого союз бюрократии с крупным капиталом способен обернуться установлением своеобразного «бюрократического социализма», характерными особенностями которого станут «производство и распределение, организованное иерархией чиновников, с патриархально-моральной монархической властью во главе, – нечто среднее между идеалом технической интеллигенции и феодально-сословным»⁴¹⁷.

Однако, по мысли Богданова, в сохранении «военного коммунизма»

⁴¹⁴ См.: Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 338–339.

⁴¹⁵ Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 338.

⁴¹⁶ Термин А.А. Богданова. См.: Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 449.

⁴¹⁷ Богданов А.А. Современные идеалы // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 291.

едва ли не больше властвующих групп после окончания военного кризиса окажутся заинтересованными трудовые классы, свободу которых в годы войны весьма жестко ограничили чиновничество и финансовый капитал. Наиболее существенной причиной такой парадоксальной реакции на послевоенное укрепление военно-бюрократической диктатуры ученый считал неизбежный рост безработицы вследствие демобилизации армии и свертывания ряда военных производств. В таких условиях организация жизнеобеспечения населения по образцу армейского пайкового довольствия воспринимается массами как эффективная альтернатива традиционному рынку рабочей силы с его рисками тотальной необеспеченности безработных; соответственно, диктаторский режим, осуществляющий такое уравнилельно-нормированное жизнеобеспечение, предстает в общественном сознании уже не угнетателем и притеснителем народной свободы, а напротив, защитником интересов простых людей.

Именно такую эволюцию проделала идеология рядовых граждан большинства послевоенных стран, население которых предпочло абстрактным рассуждениям о «свободе личности» и «частной инициативе» милитаризованную систему управления обществом, гарантировавшую каждому определенный набор жизненных благ в обмен на службу действующей государственной власти. После Первой Мировой войны картина оказалась особенно наглядной: Польшей с момента ее образования в 1918 г. управлял *маршал* Ю. Пилсудский; Венгрией с 1920 г. руководил *адмирал* М. Хорти; Финляндию с 1918 г. фактически возглавлял пользовавшийся большим авторитетом у местных националистов *маршал* Г. Маннергейм (бывший царский генерал); Испанией с 1923 г. стал управлять *генерал* М. Примо де Ривера, которого по окончании гражданской войны сменил лидер фалангистов *генерал* Ф. Франко; таким же правителем Румынии де-факто с 1940 г. был *генерал* Й. Антонеску, подчинивший себе молодого и безвольного короля Михая; лидер СССР И.В. Сталин тоже имел *маршальское* звание, которое получил как один из руководителей обороны Царьцына (наряду с маршалами К.Е. Ворошиловым и С.М. Буденным); президентом Португалии с 1926 по 1951 г. был *генерал* А. Фрагозу Кармона; да и формально штатские премьер-министр Италии Б. Муссолини и рейхсканцлер Германии А. Гитлер щеголяли в военной форме, подчеркивая свое единство с армией... Таким образом, в Европе между двумя мировыми войнами лишь Англия, Франция, Швейцария и Чехословакия могли «похвастаться» сугубо «мирными» лидерами – и то если забыть о военной карьере У. Черчилля, начавшейся еще в XIX веке. Азия в этом смысле ничем не отличалась от Европы: японское правительство возглавлял *генерал* Гиити Танака, китайское – *маршал* Чан Кайши, монгольское – *маршал* Чойбалсан; что же до остальных азиатских территорий того времени, то они в силу своего колониального статуса еще до Первой Мировой войны управлялись непосредственно военными властями Англии, Франции, Японии и Голландии.

Установление подобных милитаристских диктатур без поддержки со стороны статистически значимой части населения, посредством лишь силового переворота и репрессий против собственного народа представляется объективно невозможным: государственная власть, заботящаяся лишь о своих интересах, полностью игнорирующая интересы граждан и управляющая обществом только с помощью насилия и страха, является внутренне неустойчивой и, как правило, обрушивается в течение нескольких месяцев, максимум нескольких лет, но не держится в течение десятилетий. Подтверждением этому служат многочисленные исторические факты. Так, во время Гражданской войны в России самый короткий срок жизни был у тех режимов, которые делали основную ставку на организацию расправ со своими политическими противниками, а не на жизнеобеспечение населения подконтрольных территорий: например, военное поражение самарского Комитета членов Учредительного Собрания (Комуча) во многом было предопределено тем, что «вопреки политическим декларациям, проблемы социального обеспечения не оформились в отдельное направление внутренней политики»⁴¹⁸ данной властной структуры – более того, ее работа по жизнеобеспечению населения фактически ограничивалась лишь помощью беженцам и подготовкой к эвакуации бюрократических учреждений в условиях неизбежного крушения армии, боеспособность которой катастрофически снижалась из-за хозяйственной дезорганизации тылов⁴¹⁹. Для сравнения, пришедший на смену Комучу «верховный правитель» А.В. Колчак, хотя и продолжал ту же политику репрессий в отношении «просоветских элементов», тем не менее уделял гораздо больше внимания хозяйственным и социальным вопросам: под его руководством не только была сформирована полнофункциональная система исполнительной власти (во многом копировавшая строение и функции царских министерств)⁴²⁰, но и осуществлялась достаточно последовательная хозяйственная политика с отдельными элементами хозяйственного планирования⁴²¹. Однако даже планомерная работа по обеспечению сражающихся армий не могла уберечь подконтрольную белогвардейским военно-диктаторским

⁴¹⁸ Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск: [Б.и.], 2008. С. 51.

⁴¹⁹ См.: Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России. С. 54.

⁴²⁰ См.: Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России. С. 52–61.

⁴²¹ Правительство А.В. Колчака параллельно с восстановлением прав собственности частных промышленников назначало на формально негосударственные предприятия казенных управляющих, осуществляло льготное субсидирование прифронтовых частных железных дорог, а также установило непосредственный контроль над имевшими оборонное значение предприятиями Урала и Сибири (См.: Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России. С. 115–121). А реквизиции движимого и недвижимого имущества для нужд армии и госбюрократии и вовсе осуществлялись, как отмечает В.М. Рынков, по очень сходному с большевистской практикой алгоритму (См.: Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России. С. 124–128).

режимам систему жизнеобеспечения от дезорганизации: сохранение механизмов рыночного распределения в условиях продолжающегося спада производства, отказ государственных властей от нормированного распределения жизненных благ в непосредственно натуральной их форме и сопряженная с этой практикой интенсивная денежная эмиссия⁴²², – все эти меры, обусловленные не столько логикой исторического момента, сколько антибольшевистской идеологией белогвардейцев, закономерно вели антисоветские силы к комплексной военной, экономической, социальной и политической катастрофе, обусловленной тем, что «государство <...> стремилось установить относительное равенство социальных благ на рынке труда. Но в условиях дефицита ресурсов это не позволило обеспечить стабильное материальное положение основной массе занятых. И уж тем более это не позволяло сконцентрировать ресурсы для создания социально-бытового благополучия на стратегически важных направлениях экономики. В этом смысле принцип равных возможностей противоречил военномобилизационным задачам государства»⁴²³. Решение этих проблем превратилось в ключевой элемент внутренней политики большевиков, когда правительство Советской России не без содействия А.А. Богданова успешно использовало жестко сбалансированную систему «военно-коммунистического» распределения жизненных благ между *действительным большинством населения подконтрольных территорий* и вследствие этого смогло завершить гражданскую войну своей победой.

4 Советская плановая экономика до и после Второй Мировой войны

Эта специфическая особенность советской системы была обусловлена целым рядом уникальных социально-исторических факторов. Прежде всего, контроль над бывшей империей была вынуждена устанавливать не

⁴²² В.М. Рынков в вышеупомянутой монографии неоднократно констатирует, что прямое снабжение населения товарами первой необходимости по пайковому типу рассматривалось белогвардейскими режимами исключительно в качестве вспомогательной меры, а основным средством жизнеобеспечения населения являлись периодически индексируемые денежные выплаты (См.: Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России. С. 174 – 181, 195, 205 – 206). Естественно, что в условиях перманентной хозяйственной разрухи (т.е. катастрофического сокращения производства товаров и услуг) ни к чему, кроме инфляции, подобная хозяйственная практика привести не могла.

⁴²³ Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России. С. 190. В этом плане очень показателен следующий факт: воюющие белогвардейские правительства относительно слабо заботились о сплочении тыла – под их контролем земские и городские органы сохраняли относительную организационную и финансовую независимость, что позволяло им позиционировать себя как некую структуру, противостоящую государству от имени общества (См.: Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России. С. 65); естественно, что подобная ситуация, мягко говоря, не прибавляла устойчивости государственной власти в условиях острого военного кризиса.

сама государственная власть (как это было в других странах-участницах Первой Мировой войны), а *группировка профессиональных революционеров*, находившаяся в радикальной оппозиции к власти. Эта сплоченная организация выдвинула из своей среды новую – партийно-советскую – «нормативную интеллигенцию» (т.е. бюрократию), взявшуюся осуществлять задачу жизнеобеспечения общества в условиях тотальной дезорганизации хозяйственной жизни. Поиски решения столь сложной организационной задачи привели к формированию **неклассической модели «военного коммунизма»**, в которой национальная буржуазия была полностью исключена из «связки» с нормативной интеллигенцией.

Данная ситуация вовсе не была обусловлена политической идеологией новой власти, а диктовалась самим ходом Гражданской войны 1918–1921 гг., точнее – крайне своеобразным историческим парадоксом: *национальная* российская буржуазия после октябрьского переворота заняла в большинстве своем откровенно *антинациональную* позицию, сделав ставку преимущественно на иностранную военную помощь в деле подавления «восставших хамов», возглавляемых «кучкой заговорщиков». Причина такого странного поворота в мировоззрении крупных капиталистов была проста: силы их сторонников и защитников внутри России были, во-первых, немногочисленными (по свидетельствам самих белогвардейцев, Красная Армия превосходила их в живой силе примерно в пять раз, что якобы позволяло Советам побеждать исключительно силой «ползучего безличного числа», «бессмысленной громады двуногих»⁴²⁴), а во-вторых, разбросанными по окраинам, что радикально затрудняло координацию действий противников Советской власти. Кроме того, белое движение не обладало и надлежащим ресурсным обеспечением, поскольку «крупнейшие военно-промышленные и промышленные центры <...> находились в своем огромном большинстве как раз в тех районах, где наиболее сильна была советская власть. <...> Длительность борьбы белых армий и их упорство обуславливались той помощью, которую оказали им державы Антанты в создании их военно-экономического базиса»⁴²⁵. В рамках этой помощи одному только правительству А.В. Колчака за семь месяцев 1919 года Франция предоставила от 476 до 490 млн. франков – и это без учета поставок военного снаряжения из Англии и США⁴²⁶.

⁴²⁴ Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Мюнхен: Явь и быль, 1948. С. 234. Примечательно, что авторы подобных воспоминаний обходят молчанием практику внесудебных расправ белогвардейцев над гражданским населением подконтрольных территорий – например, то, как обстоятельно выполнялся «приказ генерала Розанова о расстреле каждого десятого в селах, где побывали красные партизаны, и полном уничтожении селений, оказавших сопротивление колчаковцам» (Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918-1920). М.: Госвоениздат, 1932. С. XVII).

⁴²⁵ Какурин Н. Роль держав Антанты в военной экономике белых правительств во время гражданской войны в России // Кто должник? К вопросу о франко-советских отношениях. М.: Авиоиздательство, 1926. С. 523–524.

⁴²⁶ См.: Какурин Н. Роль держав Антанты в военной экономике белых правительств во время гражданской войны в России // Кто должник? К вопросу о франко-советских отношениях. М.: Авиоиздательство, 1926. С. 532–537.

Однако призванные на помощь «белому делу» иностранные интервенты вовсе не были заинтересованы в организации жизнеобеспечения населения бывшей Российской империи – правительства стран Антанты проявили интерес исключительно к территориям и ресурсам рухнувшего государства⁴²⁷, что было объяснимо не только традиционной для западного мира колониальной практикой (при которой захватываемые земли рассматривались исключительно как «пустошь», где еще только предстоит организовать «цивилизованное хозяйство»⁴²⁸), но и прежде всего *катастрофическим разрушением русской экономики в ходе Первой Мировой войны* – уже к январю 1917 г. в стране было остановлено **90,5 % промышленных предприятий** вследствие того, что они не имели военного значения, и потому большую часть квалифицированных рабочих с них призвали в армию, а оставшегося персонала не хватало даже на проведение полноценной консервации производственного оборудования⁴²⁹.

В столь беспрецедентной ситуации единственной силой, сумевшей в короткие сроки организовать пусть импровизированную, но достаточно

⁴²⁷ «...Богатый юг России <...> давно привлекал внимание как Франции, так и Англии <...>, особенно после [их] разорения в империалистическую войну. Порты Черного моря, дававшие до 200–300 мил. пудов вывозного хлеба, могли прокормить Францию, а кавказская нефть давала Англии выход из ее положения в поисках за нефтью. Вопреки уверению официальных представителей, все действия Антанты сводились теперь к одному: ослабить Россию и свести ее на нет. Это особенно подчеркивалось в период версальской конференции мира. Высказывалось мнение: *“Сейчас, когда на месте России на Востоке появляется Великая Польша – русский вопрос потерял свое значение для европейского равновесия. Россия принадлежит скорее Азии, чем Европе”*. Значит, Россия – колония. Значит, ее можно расчленять и эксплуатировать. Она сделала свою историю, а теперь не нужна. Все эти предпосылки – политические и экономические – ярко отразились на характере и районах проведения интервенции. В целях проведения интервенции все окраины России были разбиты между Францией и Англией на сферы влияния и зоны действий, о чем состоялось 23 декабря 1918 г. между этими государствами особое соглашение. Во французскую сферу влияния вошли юго-запад (Украина), Крым, Польша и западная часть Дона; в английскую – север России (лесная полоса), Прибалтика, Кавказ и Кубань и восточная часть Дона (надо думать, что и Туркестан)» (Костяев Ф. Интервенция на юге России, Кавказе и в Туркестане 1918–1920 г. // Кто должник? К вопросу о франко-советских отношениях. М.: Авиоиздательство, 1926. С. 338–339; курсив в цитате авторский).

⁴²⁸ Крайне показательным в этом смысле официальное письмо М. Гияра, – французского посла в контролируемой белыми Северной области, – утверждавшего, что правительство Франции «поставлено в необходимость <...> рассматривать неразработываемые богатства России, а также имеющие быть созданными источники дохода, как обеспечение кредиторов государства на тех же основаниях, как и государственные имущества, уже существующие, как, например, сооружения сети железных дорог, порты, рудники и копи, леса и проч. Французское правительство полагает ввиду этого, что не имеет возможности допустить ни со стороны большевистского правительства, ни со стороны какого-либо из областных правительств, чтобы кто бы то ни было из них отчуждал часть государственного достояния, которым те и другие в настоящее время распоряжаются» (Цит. по: Какурин Н. Роль держав Антанты в военной экономике белых правительств во время гражданской войны в России // Кто должник? К вопросу о франко-советских отношениях. М.: Авиоиздательство, 1926. С. 563). Иными словами, иностранный дипломат, озвучивая волю своего правительства, отказывался признавать за «русскими туземцами», *независимо от их политической идеологии*, какое-либо право на владение российским национальным богатством – просто потому, что «цивилизованный Запад» в лице Франции явочным порядком закреплял его за собой.

⁴²⁹ См.: Шишков Ю. Упущенный шанс // Наука и жизнь. М., 1991. №10. С. 2.

эффективную систему жизнеобеспечения большинства населения России, оказался – если использовать терминологию А.А.Богданова – «рабоче-солдатский коммунистический блок»⁴³⁰, неизбежно вовлекающий в свою орбиту огромные неорганизованные крестьянские массы (поскольку солдаты, представляющие собой в военное время своеобразный «класс исторического момента»⁴³¹, в большинстве своем – выходцы именно из крестьянской среды) и определенную часть интеллигенции, для которой крушение империи парадоксальным образом обернулось невероятным прежде «социальным лифтом» – не в последнюю очередь потому, что профессиональные знания этой группы оказались востребованными в деле организации планового «военно-коммунистического» хозяйства.

Опора «нормативной интеллигенции» на «рабоче-солдатский блок» сформировала две крайне интересные тенденции общественной жизни молодой Советской республики:

1) В экономическом плане имела место **самоорганизация производительных сил** – первоначально на основе хорошо зарекомендовавшего себя еще во время Первой Мировой войны кооперативного движения, объективно более гибкого и менее требовательного к ресурсному обеспечению в сравнении с терпящим разруху крупным промышленным производством⁴³². «Когда большевистское правительство укрепилось, кооперативные общества повели борьбу с все увеличивающимися затруднениями по снабжению, и правительство Ленина, хотя и замечало в среде кооператоров отсутствие симпатии к своей программе, все же не предпринимало никаких шагов против них. Однако во время военного коммунизма вся организация этих обществ была поглощена правительственной машиной, и принадлежащие им здания и их местные организации были использованы для распределения государственных пайков. Но это еще не было концом»⁴³³, поскольку даже после «свертывания» НЭП в СССР успешно действовало 45 тыс. потребительских кооперативов, объединявших в общей сложности 73 млн. человек, т.е. немногим менее половины населения страны⁴³⁴.

2) В политическом плане столь явное сотрудничество государственной бюрократии с «военной демократией», объединяющей – если рассматривать дело с точки зрения системы ценностей капитализма – не самые экономически успешные социальные слои, порождало **интерпретацию советской системы как «монстра», способного функционировать**

⁴³⁰ Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 89–90.

⁴³¹ Выражение А.А. Богданова. См.: Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 90.

⁴³² См.: Богданов А.А. Рабочая кооперация и социализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 358–359.

⁴³³ Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм – новая цивилизация? В 2-х т. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 308.

⁴³⁴ Там же. С. 309–310 (Сидней и Беатриса Веббы используют данные на 1933–1935 гг.).

только в состоянии перманентной социально-экономической катастрофы и использующего для контроля над обществом исключительно методы государственного терроризма. Конечно, наиболее активно настаивали на такой интерпретации происходящего в Советской России и – впоследствии – в СССР представители «первой волны» русской эмиграции, в большинстве своем фактически занявшие, как было сказано выше, более или менее прозападную позицию⁴³⁵. Однако считать их рассуждения совершенно безосновательными было бы ошибкой: они основывались на фактах, пусть и интерпретируемых без учета реальных причинно-следственных связей между ними.

Прежде всего, продовольственную разверстку организовали еще царские министры в 1915 г., чтобы с помощью принудительных внеэкономических мер возместить падение сельскохозяйственного производства в наиболее близких к фронту губерниях империи⁴³⁶. Далее, продовольственные карточки в России были введены Временным правительством 1 марта 1917 г. – правда, нормированное распределение продуктов затронуло только тех жителей Петрограда и Москвы, чьи доходы не позволяли приобретать средства жизнеобеспечения на неподконтрольном властям «свободном рынке»⁴³⁷. Наконец, созданием государственных структур планомерного бюрократического регулирования экономики занялись в марте–апреле 1917 г. активисты Петроградского Совета, сотрудничавшие с Временным правительством. Так, по свидетельству члена Исполнительного комитета Петросовета эсера Н.Н. Суханова, правый меньшевик-оборонец В.Г. Громан еще при царе разработал план учреждения под названием «Комитет организации народного хозяйства и труда». Задачу Комитета Громан понимал следующим образом: «Война в России, так же как и во всей Европе, грозит народному хозяйству полным крахом, если оно будет продолжать свое существование на прежних частноправовых, капиталистических основаниях, без вмешательства и регулирования государством <...> Нам необходимо действовать как в Европе: государству взять на себя регулирование цен, то есть фактическую организацию народного хозяйства, а тем самым и распределение рабочей силы, оставшейся от всех бесконечных наборов (т.е. мобилизаций в армию – А.Л.)»⁴³⁸.

⁴³⁵ Подробнее с этой точкой зрения на деятельность Советской власти можно ознакомиться, например, у публициста-эмигранта «первой волны» С.П. Мельгунова (См.: Мельгунов С.П. Красный террор в России. М.: СП «РУСО», Р.С., 1990. С.44–87).

⁴³⁶ «...За Уралом хлеб гниет, а в европейской части – его недостает. Даже действующую армию сажают на голодный паек. Какой вывод делает правительство? Вместо того, чтобы форсировать завершение строительства начатой еще в 1911 году Южно-Сибирской магистрали (Орск – Семипалатинск), оно вводит осенью 1915 года... продразверстку: посылает в ряд европейских губерний воинские команды для принудительного изъятия хлеба у крестьян под “облигации” – квитанции, обещающие компенсацию после войны» (Сироткин В.Г. Предисловие к мемуарам М. Палеолога // Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Международные отношения, 1991. С. 8)

⁴³⁷ Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России. М.: Собрание, 2006. С. 25.

⁴³⁸ Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3 т. Т. 1. Кн. 1–2. М.: Политиздат, 1991. С. 205–206.

Всероссийское совещание (29 марта – 3 апреля 1917 г.) с одобрением отнеслось к идеям Громана, возглавившего к тому времени экономический отдел Исполкома Петросовета, а 16 мая Петросовет и вовсе утвердил план Громана в качестве руководства к действию для министров-социалистов Временного правительства, обязав их взять под государственный контроль торговлю основными продуктами, добычу угля и нефти, производство металла, бумаги, сахара, распределение сырья, а также установить фиксированные цены на жизненно важную продукцию. среди умеренных социалистов. Кроме того, резолюция предусматривала государственный контроль над всеми кредитными учреждениями, над денежной эмиссией (которую требовалось свести к минимуму), над сбором налогов с имущих граждан для пополнения государственной казны. Также признавалось допустимым введение государственной трудовой повинности в целях «борьбы с тунеядством»⁴³⁹.

Однако все эти призывы до лета 1917 г. так не получили полноценной реализации на уровне государственной политики: имущие классы стали упорно уклоняться от налогообложения; рабочие требовали повышения зарплаты, поскольку цены на основные средства жизнеобеспечения продолжали расти; промышленность, будучи дезорганизованной, не могла обеспечить даже минимального удовлетворения потребностей общества, а казна неуклонно пустела. Министр труда Временного правительства М.И. Скобелев, выступив на I Всероссийском съезде Советов, напомнил о том, что в условиях продолжающейся разрухи требования рабочих о введении налогов с богатых и в особенности на сверхприбыль от военных заказов непомерны: «...Не хватит всех этих доходов, приходящихся на имущие классы, для того, чтобы разрешить финансовую проблему сегодняшнего дня, всё равно, будет завтра день мира или войны. Поэтому встает вопрос о регулировании не только производства, но и о регулировании интересов и запросов отдельных классов населения. <...> И теперь, когда имущие классы стоят перед мощной волей революции, не о них идет речь, не с их стороны может встретиться неодолимое противодействие»⁴⁴⁰ демократическим политическим преобразованиям. В ответ на сообщения о многочисленных актах саботажа со стороны заводчиков и фабрикантов, останавливающих производство с намерением «переждать трудный период беспорядков», министр-социалист заявил: «Да, злая воля отдельных предпринимателей не умерла; конечно, индивидуальный эгоизм и классовый эгоизм развернулись сейчас во всю ширь на свободной ниве русской революции, но в большинстве случаев отдельные предприятия вымирают естественной смертью, и Временное правительство считает себя не в праве содействовать их искусственному возрождению; наоборот, оно стоит в интересах

⁴³⁹ См.: Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М.: Наука, 1962. С. 17, 62–67.

⁴⁴⁰ См.: Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. Т. 1: Заседания 5–11 июня 1917 г. М.; Л.: Госиздат, 1930. С. 91.

народного хозяйства за необходимость этот процесс вымирания даже ускорить. В других случаях мы эти предприятия сами закрываем: товарищи-рабочие могут быть своевременно осведомлены об этом, и они могут более безболезненно перенести этот процесс перехода из одного предприятия в другое, и лишь тогда, когда они будут организованы, когда мы будем иметь дело не с отдельными делегациями, отдельными фабриками, а с профессиональной организацией, охватывающей рабочих снизу доверху во всех предприятиях. Это облегчит болезненность процесса для самих рабочих, это облегчит всю работу Временного правительства в этой области. <...> Ибо та абсолютная свобода игры классовых интересов, которая добыта русской революцией, она должна упираться в единственные пределы, – в пределы, где начинается уже разрушение всего государственного хозяйственного организма, и отдельные классы должны считаться с этими пределами, ибо, превзойдя их, они разрушают государственный хозяйственный организм, а интересы всех классов, интересы каждого гражданина в отдельности рушатся вместе с рухнувшими интересами государства в целом»⁴⁴¹. Еще яснее Скобелев высказался в воззвании к рабочим России, опубликованном 28 июня 1917 г. в «Вестнике Временного правительства», где призывал пролетариев во имя торжества революционных идеалов согласиться на некоторые возможные жертвы и пойти на «самоограничение», а иначе заводы останутся, Россию ждет экономическая анархия, и тогда денег в стране не будет совсем.

14 августа 1917 г. в Москве состоялось Государственное совещание, где вновь звучали призывы «потерпеть ради революции» и поискать, где пересекаются интересы наемных работников и предпринимателей, ибо – вне зависимости от того, будет хозяином производства капиталист или государство – рабочие не смогут получить больше того, что создали собственным трудом, а максималистские требования приведут лишь к усилению кризиса и дефицита продовольствия. Описывая перспективы выхода из кризиса, меньшевик Н.С. Чхеидзе⁴⁴² буквально слово в слово повторил то, на чем еще весной настаивал его однопартиец В.Г. Громан: на фоне прогрессирующего падения производства и катастрофического «распада народнохозяйственного организма» требовалось как немедленная инвентаризация производственного сектора экономики, введение системы государственных монополий, синдицирование и трестирование предприятий, так и регулирование уровня цен и заработков, введение принудительного государственного займа, учреждение трудовой повинности, распространяемой на все слои населения без исключения, и даже увеличение единовременно-

⁴⁴¹ Первый Всероссийский съезд Советов. Т. 1. М.; Л.: Госиздат, 1930. С. 150–151.

⁴⁴² Впоследствии один из лидеров правительства Грузинской демократической республики – марионеточного государственного образования, враждебного Советской России и находившегося в жесткой военно-экономической зависимости от стран Антанты, заинтересованных в установлении контроля над бакинскими месторождениями нефти.

го имущественного налога⁴⁴³. Однако и этот призыв не стал руководством к действию Временного правительства – не в последнюю очередь потому, что оно после свержения самодержавия управляло хозяйственным механизмом страны без постановки четко определенных целей и без адекватной оценки наличных ресурсов, всецело полагаясь на «революционное творчество масс» и принося жизненные интересы собственного населения в жертву союзническим обязательствам в «войне до победного конца».

Последствия такой экономической политики не замедлили сказаться. Оценивая положение России летом 1917 г., Ю.О. Мартов был категоричен: «Страна разорена <...>, обыватели всего страшатся – гражданской войны, голода, миллионов праздно бродящих солдат и т.д., и т.д. Если не удастся привести очень скоро к миру – неизбежна катастрофа»⁴⁴⁴. Корниловский мятеж заставил меньшевиков забыть о фракционных распрях и собрать съезд, где большинство высказалось за власть мелкобуржуазной демократии, поскольку Временное правительство, опирающееся на торгово-промышленный капитал, продемонстрировало свою неэффективность, а большевики под руководством В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого заняли, с точки зрения того же Мартова, «совсем сумасшедшую позицию» и обещали массам «чудо от захвата власти», тогда как «на повестке дня стоит не лозунг “Вся власть пролетариату и беднейшему крестьянству”, а лозунг “Всей демократии вся власть!”»⁴⁴⁵. Признанного лидера меньшевиков совсем не смущало то, что подобные идеологические абстракции не слишком подходят для решения конкретной хозяйственной задачи по организации жизнеобеспечения населения страны в условиях прогрессирующего упадка производства.

В результате лишь после октября 1917 г. Советская власть, установив полный контроль над основными производственными мощностями страны, смогла приступить к решению этой задачи. Для начала была сформирована жесткая взаимосвязь между получением продуктового пайка и трудовой деятельностью, непосредственно обслуживающей интересы государства⁴⁴⁶, а следующим шагом стало введение явной трудовой повинности всех граждан в пользу государства с подкреплением чрезвычайных хозяйственных мер всей мощью репрессивного аппарата⁴⁴⁷.

Данной цепочки фактов оказалось достаточно для того, чтобы, например, К. Каутский в книге «От демократии к государственному рабству» (1921) провозгласил как истину: «Отказ от демократии, разгон Учредительного Собрания, уничтожение всех партий, в том числе и пролетарских,

⁴⁴³ См.: Чхеидзе Н.С. Речь на Государственном совещании // Государственное совещание. Стенографический отчет. М.–Л.: Госиздат, 1930. С. 77–86.

⁴⁴⁴ Цит. по: Иоффе Г.З. Юлий Осипович Мартов // На рубеже веков. Исторические портреты. М.: Политиздат, 1991. С. 287.

⁴⁴⁵ Цит. по: Иоффе Г.З. Юлий Осипович Мартов // На рубеже веков. Исторические портреты. М.: Политиздат, 1991. С. 287–290.

⁴⁴⁶ Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России. С. 26–33.

⁴⁴⁷ Там же. С. 55–65.

за исключением господствующей коммунистической партии, введение кровавого полицейского режима, – и в заключение, – полная остановка всего процесса производства и обращения и повсеместные голод и нужда, – все эти результаты большевистского режима лишь мало-помалу стали известны в Европе»⁴⁴⁸. Возникновение этой ситуации старейший марксист Запада объяснял тем, что большевики «организовали государство по образу и подобию своей партии и подчинили всю хозяйственную жизнь государственной власти, т.е. превратили весь аппарат производства и обращения в гигантский механизм, внутреннее трение которого было так велико, что оно поглощало почти всю общественную энергию, так что для действительной производительной деятельности почти что ничего не оставалось <...>. Прямым последствием этой политики было то, что самые крупные хозяйственные аппараты, наиболее подверженные влиянию этих парализующих и тормозящих условий, а именно железные дороги и крупная промышленность, – остановились в первую очередь. И лишь жалкие остатки их влачат еще жалкое существование. Более благоприятно было положение мелкой промышленности, которую не так легко подвергнуть бюрократическому контролю и которая в меньшей степени зависит от транспорта. Мелкий производитель или кустарь работает лишь на местный рынок, его орудия производства несложны и легко перемещаемы. Если транспорт не действует, и нельзя подвезти к мастерской сырье, топливо и продовольствие, то ему легче, чем крупному предприятию, перенести свою мастерскую туда, где имеются и сырье, и лес, и продовольствие. Благодаря этому в настоящий момент в России все больше и больше выдвигается на первый план ремесленное и кустарное производство»⁴⁴⁹, путем отчаянных ухищрений ускользающее от всеобъемлющего контроля жестоких доктринеров-большевиков. «Нет крупной промышленности, нет транспорта, практически все работоспособное население сосредоточено в деревнях, в городах одни лишь чиновники, паразиты и нищие, – вот та картина, к которой все больше и больше приближается советская Россия»⁴⁵⁰, – завершал свой обзор К. Каутский.

Необходимо отметить, что столь явная демонизация советской системы ее критиками базировалась не столько на анализе имевших место ошибок и организационных дефектов (которых, справедливости ради надо признать, «нормативно-государственная группа» допускала по разным причинам немало), сколько на *заведомо ложном представлении о безусловной нормальности хозяйственной системы дореволюционной России, которую большевики сознательно дезорганизовали в угоду своим идеологическим принципам*. О том, что объективно ситуация обстояла, мягко говоря, иначе, свидетельствовали реальные документы времен Граждан-

⁴⁴⁸ Каутский К. От демократии к государственному рабству. Берлин: Изд-во журнала «Социалистический Вестник», 1922. С. 87.

⁴⁴⁹ Там же. С. 90–91.

⁴⁵⁰ Каутский К. От демократии к государственному рабству. С. 92.

ской войны – в частности, при оценке очередных задач хозяйственного строительства большевики накануне IX съезда партии вынуждены были констатировать: «Главной задачей <...> являлось восстановление транспорта, подвоз и образование запасов хлеба, топлива и сырья. При этом были жизненно необходимы переход от заготовки дров непосредственно к электрификации и переброска части промышленности к источникам сырья и энергии. <...> Необученную рабочую силу нужно использовать для восстановления транспорта и строительства мощных электростанций у источников топлива, что позволит в дальнейшем отказаться от ее применения и уберечь леса от тотальной вырубki. <...> Также *использовать дореволюционный опыт* введения чрезвычайных мер на транспорте, в том числе и систему наказаний: аресты на срок до трех месяцев, увольнение без суда и следствия, учреждение железнодорожных военных трибуналов (курсив и жирный курсив мой – А.Л.)»⁴⁵¹. Такая постановка задач представляется необъяснимой для страны с нормально функционирующей экономикой, но оказывается вполне логичной для государства, ограбленного оккупационными силами Антанты, переживающего гражданскую войну и сопутствующую этим событиям тотальную дезорганизацию системы жизнеобеспечения (не случайно в качестве приоритетных объектов перевозки указываются топливо и продовольствие, без которых объективно не способен существовать ни один промышленный центр!). Соответственно этому, вполне целесообразным, а вовсе не идеологически заданным выглядит и итоговый вывод разработчиков большевистской экономической программы: «Чем сложнее положение, тем более простым, грубым, прямолинейным и беспощадным должен быть единый хозяйственный план»⁴⁵².

На непричастность большевиков и Советов к организации «сложного положения», требующего «беспощадных решений», указывают и другие исторические факты: так, *продовольственная разверстка* была введена еще в Российской империи как вынужденная мера по жизнеобеспечению беженцев, принудительно отселяемых из прифронтовой полосы по приказу верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (а это, между прочим, *лето и осень 1915 г.*); *промышленная разруха* также стала отчетливо проявляться после ряда поражений в Галиции и Привисленском крае *весной и летом 1916 г.*, т.е. опять-таки тогда, когда большевики объективно не могли влиять на систему государственного управления; наконец, явные признаки *транспортного коллапса* обнаружались *в конце 1916 – начале 1917 г.*, когда продовольственное снабжение Цен-

⁴⁵¹ Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России. С. 71–72.

⁴⁵² Гусев С.И. Очередные задачи хозяйственного строительства (О тезисах ЦК РКП). Материалы к 9-му съезду РКП. Саратов, 1920. С. 8. Цит. по: Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России. С. 71. Прямое обращение хозяйственника-большевика к опыту царских чиновников, сформированному в условиях Первой Мировой войны, недвусмысленно показывает, что «военно-коммунистическая» экономическая политика Советской власти продолжала политику императорского правительства по причинам отнюдь не идеологического, а сугубо прагматического свойства.

трального промышленного района империи было фактически сорвано, и именно эта ситуация побудила царскую администрацию применять крайне жесткие меры дисциплинарной ответственности для железнодорожников за «саботаж» и «вредительство», а Временное правительство – уже после падения монархии спешным порядком вводить продуктовые карточки, наподобие тех, которые уже давно были внедрены в других воюющих странах. Таким образом, *в деле осуществления «военного коммунизма» большевики ничего не придумывали сами, а лишь продолжили то, что еще до них использовалось для решения проблем с жизнеобеспечением населения*, поскольку с хозяйственными тяготами столкнулись еще царские управленцы, когда дезорганизация снабжения грозила катастрофой не только населению, но и армии. «Нужно вспомнить хвосты, стоящие в Петрограде в очередях, нужно вспомнить съезды уполномоченных по продовольствию с мест, обсуждавших критическое положение в связи с разрухой транспорта. Можно еще указать на телеграммы командующего Черноморским флотом адмирала Колчака, гласящие, что им отпускается на нужды заводов города Николаева уголь из запасов боевого флота, ибо иначе заводы остановятся, что вызовет несомненно беспорядки, почему требуется немедленная срочная доставка угля для пополнения запасов флота и обеспечения заводов. Однако, за разрушением транспорта этого сделать не представлялось возможным»⁴⁵³. Именно такие проблемы встали перед управленцами царской России, растерявшейся перед лицом участвовавших сбоев хозяйственной системы и вынужденной искать способы поддержания порядка.

Причина, по которой Советская власть добилась успеха там, где потерпели поражение и титулованные царедворцы, и «министры-капиталисты» Временного правительства, была охарактеризована А.А. Богдановым. Прежде всего, считал Александр Александрович, наиболее существенной причиной победы «рабоче-солдатского коммунистического блока» стала «организаторская слабость русской буржуазии, которая не смогла подняться до сколько-нибудь полного государственного регулирования сбыта и производства»⁴⁵⁴, т.е. *союз государственной бюрократии с крупными собственниками в ходе войны фактически уклонился от установления контроля над жизнеобеспечением населения*. В этой ситуации стало закономерным политическое поражение имущих классов: «Коммунистический блок не был, разумеется, культурно их выше, но он по природе своей стоял ближе к задаче момента: тем классам не хватало ни желанья, ни умения; ему же только умения. И он должен был, вынужден был взять дело на себя, отстранивши и, естественно, более или менее разгромивши в борьбе те классы. В осажденном городе, в осажденной стране

⁴⁵³ Записки белогвардейца-лейтенанта N.N. // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 56–57.

⁴⁵⁴ Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 90.

одинаково необходим комендант, способный стать на точку общего спасения, которая тогда выражается в коммунизме бедствия, – способный организовать общую нужду *в интересах масс, чтобы они выжили*»⁴⁵⁵ (курсив мой – А.Л.). Отсутствие у советских «нормистов» и «технистов» необходимости делить государственную власть с буржуазией способствовало тому, что все наличные ресурсы государства направлялись именно на решение этой главной задачи, так что *российское государство едва ли не впервые в своей истории стало действовать, непосредственно ориентируясь на жизненные проблемы действительного большинства населения.*

В этой ситуации массовая поддержка Советской власти представляется вполне закономерной реакцией общества на объективное улучшение жизни. Уже в 1920 г. иностранные наблюдатели, наподобие известного писателя-фантаста умеренно-социалистических убеждений Герберта Уэллса, отмечали своеобразие взаимодействия государственных властей и наиболее крупных социальных групп: «...Большевики нашли *единственный способ спасти городское население от тисков спекуляции и голодной смерти* (здесь и далее в цитате курсив мой – А.Л.) и, в отчаянной борьбе за остатки продовольствия и предметов первой необходимости, ввели пайковую систему распределения продуктов и своего рода коллективный контроль. Советское правительство ввело эту систему, исходя из своих принципов, но *любое правительство в России вынуждено было бы сейчас прибегнуть к этому.* <...> В России это пришлось делать на основе не поддающегося контролю крестьянского хозяйства и с населением недисциплинированным по природе и не привыкшим себя ограничивать. <...> *У крестьян сытый вид, и я сомневаюсь, чтобы им жилось много хуже, чем в 1914 году. Вероятно, им живется даже лучше. У них больше земли, чем раньше, и они избавились от помещиков. Они не примут участия в какой-либо попытке свергнуть советское правительство, так как уверены, что пока оно у власти, теперешнее положение вещей сохранится.* <...> *Но все остальные слои общества, включая и должностных лиц, испытывают сейчас невероятные лишения*»⁴⁵⁶. Если вспомнить, что «все остальные слои общества» тогда не превышали 10–12 % населения России, и учесть, что новая властвующая группа законодательно установила для себя предельный объем жизнеобеспечения «на уровне заработной платы рабочего»⁴⁵⁷, то придется признать: ***действия советского государства объективно были направлены не на создание, а на преодоление кризиса.***

В отношении причин этой экономической катастрофы Герберт Уэллс высказался жестко: «Вы, конечно, скажете, что это зрелище беспроектной

⁴⁵⁵ Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 105–106.

⁴⁵⁶ Уэллс Г. Россия во мгле // Уэллс Г. Сочинения. В 15-ти т. Т. 15. М.: Правда, 1964. С. 319–320.

⁴⁵⁷ Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 50. Кстати, эта беспрецедентная даже для «военно-коммунистических» режимов мера ограничения доходов хозяйственной и властной элиты действовала в СССР вплоть до 1934 г., когда показатели производства основных жизненных благ достигли довоенного уровня.

нужды и упадка жизненных сил – результат власти большевиков. Я думаю, что это не так. <...> Не коммунизм, а европейский империализм втянул эту огромную, расшатанную, обанкротившуюся империю в шестилетнюю изнурительную войну. И не коммунизм терзал эту страдающую и, может быть, погибающую Россию субсидированными извне непрерывными нападениями, вторжениями, мятежами, душил ее чудовищно жестокой блокадой. Мстительный французский кредитор, тупой английский журналист несут гораздо большую ответственность за эти смертные муки, чем любой коммунист»⁴⁵⁸. И хотя Уэллс признавал большевиков единственной силой, которая может «предотвратить окончательный крах России»⁴⁵⁹, он, как и большинство западных экспертов того времени, не сомневался, что советскому правительству окажется не по силам осуществление этой задачи без крупномасштабной экономической поддержки извне – слишком далеко зашел процесс разрушения хозяйственной системы, фактически стартовавший еще в 1861 г. Подобную поддержку, по мысли писателя, могло оказать только юридическое лицо, сопоставимое по масштабам и ресурсному обеспечению с советским правительством – «какой-нибудь национальный, а еще лучше международный трест <...>. По своей структуре он должен походить на один из тех крупных закупочно-распределительных трестов, которые сыграли такую важную роль в жизни европейских государств во время мировой войны. Этот трест имел бы дело с отдельными промышленниками, а большевистское правительство, со своей стороны, имело бы дело с населением России; за короткое время он смог бы стать незаменимым для большевистского правительства. Только по такому пути может развиваться торговля капиталистического государства с коммунистическим»⁴⁶⁰. Но Запад не торопился помогать Советской России.

Поэтому в исторической реальности советская «военно-коммунистическая» система обратилась к другой стратегии восстановления экономики России – она воспользовалась преимущественной опорой на внутренние ресурсы страны, и особенно на крестьянство, политическая поддержка со стороны которого привела большевиков к власти и обеспечила им победу в гражданской войне. Фактически, советское правительство само стало тем «трестом», о необходимости которого говорил Уэллс и на чем ранее настаивал А.А. Богданов, и в делах организации хозяйства перешло от нормирования и распределения к планированию и производству. «Это вначале приняло скромную форму ежегодных “контрольных цифр”, представлявших собой статистические таблицы, в которых приводились количества всякого рода продукции, ожидающейся к выпуску в наступающем году. Эти статистические данные, которые из года в год делались более точными и более полными, давали возможность Высшему совету народного хозяйства на основании ожидаемого общего выпуска про-

⁴⁵⁸ Уэллс Г. Россия во мгле. С. 324.

⁴⁵⁹ Там же. С. 373.

⁴⁶⁰ Уэллс Г. Россия во мгле. С. 374.

дукции формулировать с большой точностью свои указания государственным трестам и предприятиям, включая и транспортные предприятия»⁴⁶¹. Среди «архитекторов» этой беспрецедентной по масштабу организаторской работы были сам А.А. Богданов (участвовавший негласно), его друг и единомышленник В.А. Базаров (Руднев), а также Л.Б. Красин – «технист» из триумвирата «тех, кто делал революцию» в 1905 г., соратник Богданова по «Боевой технической группе»⁴⁶². Не стоит удивляться тому, что функции и структура советского Госплана оказались похожими на марсианский «Институт подсчетов» из богдановского романа-утопии «Красная звезда»⁴⁶³. Не вызывал вопросов и тот факт, что при планировании экономического развития использовались – правда, без ссылки на авторство Богданова во избежание очередной полемической схватки между «ленинцами» и «богдановцами» – закон наименьших относительных сопротивлений, принцип динамического равновесия, закон цепной связи и удовлетворение потребностей населения как исходный пункт хозяйственной деятельности⁴⁶⁴. Придется признать еще и то, что в процессе восстановления хозяйственной системы бывшей Российской империи – и, соответственно, формирующегося СССР – сложился высокоэффективный тандем «нормативно-государственной» и научно-технической интеллигенции. Объединенные общей целью – организацией максимально возможного уровня жизнеобеспечения при тотальном дефиците необходимых ресурсов, начиная от производственных мощностей и заканчивая подготовленными кадрами, – эти две группы действовали настолько слаженно, что уже через 14 лет после завершения Гражданской войны чудовищная разруха была окончательно преодолена: к 1935 г. в СССР официально устранили последний из ее характерных атрибутов – нормировку потребления с помощью «продовольственных карточек». «Если сравнить СССР с другими пострадавшими от великой войны странами, исходить либо из производственной мощности, либо из общей массы распределяемых товаров и услуг, то не может быть сомнения, что материальный рост СССР после исключительно низкого уровня, до которого он опустился в 1921 г., в настоящее время не только достиг огромных размеров, но и оказался пропорционально выше роста любой другой страны. Фактически Советский Союз на виду у всех стал богаче в те самые годы, когда большинство, если не все другие страны стали беднее»⁴⁶⁵. А ведь СССР начал свое существование в ситуации практически полного разрушения промышленного производства и глубокой архаи-

⁴⁶¹ Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм... Т. 2. С. 88.

⁴⁶² См.: Гловели Г.Д., Пустильник С.Н. Сотри случайные черты // Химия и жизнь. М., 1990. №12. С.12

⁴⁶³ Подробнее об «Институте подсчетов» и богдановской характеристике планирования как «научно-статистической задачи» см.: Богданов А.А. Красная звезда // Богданов А.А. Вопросы социализма. С.139–143

⁴⁶⁴ См.: Гловели Г.Д., Пустильник С.Н. Сотри случайные черты // Химия и жизнь. М., 1990. №12. С. 16.

⁴⁶⁵ Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм... Т. 2. С. 121.

зации сельского хозяйства!

Столь впечатляющее восстановление хозяйственной системы без, казалось бы, неотделимых от высокой экономической эффективности институтов частной собственности, свободного рынка и конкуренции стало возможным, на взгляд британских социалистов, супругов Сиднея и Беатрисы Веббов, потому, что «задачи планирования продукции всей страны не встречают тех отдельных затруднений, которые возникают при планировании одного промышленного предприятия, каков бы ни был его размер. План для всего СССР не должен учитывать враждебных действий со стороны конкурирующих предпринимателей, конкурируют ли они из-за сырья, из-за рабочей силы, из-за специалистов-техников, банковского кредита или из-за покупателей. Его составители не должны беспокоиться о возможных изменениях цен, которые будут платить покупатели внутри СССР за товары и услуги, потому что эти цены, как часть плана, устанавливаются по большей части самим правительством. Всякая производственная единица СССР может быть спокойна – по крайней мере в отношении внутреннего рынка – насчет сбыта своих продуктов, хотя бы уже потому, что точно известно, что все население будет обладать в течение всего года предоставленной ему покупательной способностью определенных размеров и поэтому наверно будет обладать “эффективным спросом” на все то, чего оно захочет. Не надо заботиться, как в других странах, о большом штате лиц, занятых исключительно рекламой, беспрестанными усилиями отвлечь покупателей от изделий других предпринимателей. Точно так же ничего не нужно откладывать на выдачу премий по страхованию от огня и от морских аварий, поскольку весь риск обеспечивается фондами самого общества. Нет той несогласованности между предложением материалов определенного рода, запасных частей или квалифицированной рабочей силы, с одной стороны, и способностью немедленно поглотить частью или полностью эти факторы, потому что один и тот же центр устанавливает, сколько каждого из этих элементов должно быть произведено в течение года, и в то же самое время устанавливает, сколько каждого из них в течение того же времени должно быть потреблено каждым из предприятий»⁴⁶⁶.

Такая система хозяйствования была в новинку западным элитам, которые обнаружили, что к началу 1930 годов *весь Советский Союз функционировал как гигантское единое предприятие, организованное на принципах натурального хозяйства при централизованном управлении. Главной целью деятельности этой своеобразной «корпорации “СССР”» было не извлечение прибыли от реализации собственной продукции (в условиях натурального хозяйства прибыль немыслима), а жизнеобеспечение собственных граждан (которые одновременно были и работниками, и пайщиками-совладельцами «корпорации»).* Здесь опять-таки невозможно не вспомнить специфически-богдановскую интерпретацию социалистическо-

⁴⁶⁶ Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм... Т. 2. С. 131.

го общества, сформулированную еще в 1906 г.: «Новое общество основано не на меновом, а на натуральном хозяйстве. Между производством и потреблением не стоит рынок, покупка и продажа, – но только сознательно и планомерно организованное распределение. Новое натуральное хозяйство отличается от старого, – например, первобытно-коммунистического, – тем, что оно охватывает собою не большую или маленькую общину, но – целое общество из сотен миллионов людей»⁴⁶⁷.

Пожалуй, единственным отличием исторической реальности Советского Союза от теоретических построений А.А. Богданова была *система управления общественным хозяйством*: там, где создатель тектологии предполагал ограничиться группой профессиональных специалистов по статистическому анализу и экономическому планированию, в СССР действовала, прежде всего, *политическая организация*. Советское правительство (составной частью которого являлся «научно-статистический» Госплан) и Центральный Комитет ВКП(б) (фактически, единственной организованной политической силы в стране) составляли нечто вроде «совета директоров», руководящего «корпорацией “СССР”» в соответствии с решениями регулярно проводимых «собраний пайщиков» на съездах Советов и партийных форумах.

В пользу такой интерпретации говорит тот факт, что вся система государственного управления СССР перед Второй Мировой войной (включая, кстати, и вооруженные силы страны) *не строилась на принципах единоначалия*. Те же Веббы в 1935 г. отмечали, что «...в отличие от Муссолини, Гитлера и других современных диктаторов, Сталин по закону не облечен никакой властью ни над своими согражданами, ни даже над членами партии, к которой он принадлежит. У него даже нет той широкой власти, которую Конгресс Соединенных Штатов временно возложил на президента Рузвельта или которую американская конституция вручает на четыре года каждому президенту. Поскольку дело касается должности или звания, Сталин никоим образом не является высшим должностным лицом в СССР, ни даже в коммунистической партии. Он не является и никогда не был председателем президиума Центрального исполнительного комитета Всесоюзного съезда Советов – пост, который долго занимал Свердлов, а теперь занимает Калинин, которого обычно считают “президентом” СССР. Он не является (как был Ленин) ни председателем Совнаркома РСФСР, главнейшего члена федерации, ни председателем Совнаркома самого СССР – пост, занимаемый Молотовым, который можно считать соответствующим посту премьер-министра парламентской демократии. Он даже не народный комиссар или член кабинета СССР или любой из союзных республик. До 1934 г. он не имел никакой другой должности в государственном аппарате, за исключением того, что начиная с 1930 г. был членом (одним из числа десяти) Совета труда и обороны (СТО). Даже в коммунисти-

⁴⁶⁷ Богданов А.А. Социалистическое общество // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 97.

ческой партии он не является председателем Центрального комитета партии, которого можно было бы считать наиболее высокопоставленным его членом. В действительности он даже не председатель президиума этого Центрального комитета. Он только Генеральный секретарь партии, получает жалованье из партийных фондов и занимает эту должность по назначению Центрального комитета партии и в качестве такового состоит членом (из числа девяти) его наиболее важной подкомиссии, Политбюро»⁴⁶⁸. Фактически, положение Сталина (кстати, прошедшего в свое время богдановскую школу пропагандиста-организатора) в системе управления «корпорацией “СССР”», по представлениям Веббов, было ближе не к положению генерального директора, наделенного правом единоличного принятия решений, а к положению *авторитетного консультанта*, не имеющего четкого статуса в корпоративной иерархии, но обладающего наиболее полной информацией о состоянии дел во всех подразделениях и потому способного предлагать нестандартные и крайне эффективные решения.

Эта политическая составляющая, имевшая мало общего и с богдановской теорией социализма, интерпретированной в «Красной звезде», и с официальной коммунистической идеологией, формировала у «совета директоров корпорации “СССР”» целый ряд специфических функций. Прежде всего, в противоречие с социалистическим идеалом вступал уже сам факт наличия в Советском Союзе вооруженных и правоохранительных сил, судебной системы и административного надзора. Наличие таких силовых структур выводило деятельность правящих групп далеко за пределы решения «научно-статистических задач», предоставляя широкие возможности для применения разнообразных форм *внеэкономического принуждения* – вроде принудительного труда в местах лишения свободы, вплоть до деталей воспроизводившего отечественные и зарубежные формы организации пенитенциарной системы (радикальные критики сталинизма без достаточных обоснований включают в этот же ряд почти тотальную замену материального стимулирования труда различными формами морального поощрения, эффективно мобилизующими на интенсивный труд, но слабо влияющими на действительное качество жизни инициативного и активного работника⁴⁶⁹).

Далее, неравенство общеобразовательной и профессиональной подготовки у научно-технической и «нормативно-государственной» частей

⁴⁶⁸ Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм... Т. 1. С. 426–427.

⁴⁶⁹ Подробнее см., напр.: Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 336 с. Крайне примечательно, что жесткую причинно-следственную связь между гипертрофией морального стимулирования на советских предприятиях и недостаточным уровнем насыщения потребительского рынка СССР до осуществления первых пятилетних планов, а равно *после* чудовищной по последствиям Великой Отечественной войны Фитцпатрик исключает из рассмотрения полностью, сводя сугубо экономическую по своей сущности проблему исключительно к политической идеологии Советского государства.

властного тандема неизбежно формировало *стойкие противоречия между двумя группами руководящей интеллигенции*. Большинство «нормистов» рекрутировалось из профессиональных революционеров (как правило, обладавших относительно невысоким уровнем образования и бывших зачастую полными дилетантами в вопросах управления государством⁴⁷⁰), тогда как большинство «технистов» (от рядовых инженеров на предприятиях до высшего командного состава Красной Армии) составляли «старорежимные спецы» высокого класса⁴⁷¹. Естественно, что в такой ситуации общая работа «нормистов» и «технистов» могла быть достаточно эффективной *только при полном тождестве представлений о целях работы и методах достижения этих целей, а при малейшем разногласии был неизбежен конфликт*, в котором более сильной стороной неизменно оказывались «нормисты», в соответствии со своим служебным положением обладающие правом на применение принуждения. И поскольку любое противостояние было опасно потенциальной дезорганизацией всей хозяйственной системы, «совет директоров» (слишком хорошо знавший, *к чему обычно приводит такая дезорганизация*) пресекал конфликт в зародыше, и притом с максимальной – репрессивной – жесткостью, чреватой даже неоправданными жертвами⁴⁷². Чтобы минимизировать подобные потери (крайне рискованные при хроническом дефиците управленческих кадров) и исключить злоупотребления, в организационную практику на всех уровнях с начала 1920-х годов активно внедрялся метод коллегиальных административных решений. «В судебной системе, начиная от высшего суда и до низшего, нигде нет арбитра или одного судьи, а всегда коллегия из трех, из которых по крайней мере двое должны сходиться во мнении относительно решения, суждения или приговора. В городском управлении нет самостоятельного мэра или бургомистра или “управляющего городом”, нет даже высокооплачиваемого чиновника, облеченного той властью, которую имеет в Британии “городской клерк”, а всегда президиум и одна или несколько постоянных комиссий, с членами которых постоянно консультируется председа-

⁴⁷⁰ В этом плане особенно показательны такие фигуры, как Ф.Э. Держинский, который возглавлял сначала ВЧК, а затем ВСНХ СССР, не имея не только юридического или экономического, но даже законченного гимназического образования, или сталинский нарком Л.М. Каганович, руководивший всей транспортной системой СССР, закончив всего лишь два класса местечковой религиозной школы.

⁴⁷¹ Здесь уместнее всего вспомнить о генерал-лейтенанте царской и советской армий В.Д. Бонч-Бруевиче, бывшем полковнике царской армии и Маршале Советского Союза Б.М. Шапошникове, бывшем графе Российской империи и кадровом советском дипломате А.А. Игнатьеве, бывшем белогвардейском генерале и преподавателе Командирских курсов РККА «Выстрел» Я.А. Слащове-Крымском и т.д., а особо о Н.Н. Кутлере – бывшем царском министре земледелия и «отце золотого червонца», сумевшем после Гражданской войны стабилизировать денежное обращение в Советской республике и заложить финансовую основу для последующего экономического подъема.

⁴⁷² Согласно исследованиям В.Н. Земскова, в архивных документах ОГПУ – НКВД – МВД за период с 1921 по 1953 год зафиксировано 4 060 306 осужденных «за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления», в том числе 642 980 приговоренных к смертной казни (См.: Земсков В.Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. М.: Алгоритм, 2014. С. 61–63).

тель; или особая выбранная комиссия, все члены которой имеют равные права. Более того, все они должны постоянно лично отчитываться в своих действиях перед более широким избранным советом или перед его постоянным Исполнительным комитетом, от которых они получают свое назначение. От одного конца иерархии до другого члены каждого совета или комиссии, включая и их председателя, всегда могут быть отозваны без предупреждения резолюцией, принятой организацией (или собранием избирателей), которая их назначила. В любой момент поэтому каждый представитель исполнительной власти может быть заменен коллективно избранным преемником»⁴⁷³. Вследствие этого организационного принципа система государственного управления получалась достаточно громоздкой и инертной, что не позволяло исключить внутренние злоупотребления, но обеспечивало стабильное функционирование «корпорации “СССР”» в заданном режиме даже при наличии крайне деструктивных внешних воздействий, наподобие нападения Гитлера в 1941 г.

Специфика функционирования «корпорации “СССР”» заключалась в тех хозяйственно-организационных приемах, которые сложились в результате гражданской войны и последовательно осуществлялись в ходе индустриализации.

Прежде всего, систему крупных промышленных предприятий пришлось создавать буквально «с нуля», и все они изначально принадлежали государству на 100%. В этом факте нет необходимости искать отражение коммунистической идеологии советских руководителей: в ситуации тотального «бегства» национального капитала из бывшей Российской империи государство вполне объективно оказалось единственной организованной силой, способной в короткие сроки осуществить столь крупномасштабные вложения ресурсов в восстановление и развитие экономики. У других внутренних хозяйствующих субъектов (что у «нэпманов», основной сферой деятельности которых была торговля, что у крестьянских кооперативов, осуществляющих переработку сельскохозяйственной продукции и ее рыночный обмен на промышленные товары) элементарно не хватало средств на осуществление подобного проекта.

Что до иностранного капитала, то его бизнес-стратегия в отношении Советской России была ориентирована не на планомерное развитие крупных производств, а на хищническую эксплуатацию природных ресурсов без учета интересов «туземцев». Эта бизнес-стратегия в полной мере проявилась уже в период военной интервенции стран Антанты в 1919–1921 гг. и претерпела не очень существенные изменения в иностранных концессиях времен НЭП: так, британская компания «Лена Голдфилдс» в 1925 г. получила 30-летнюю концессию на разработку золотых месторождений в Сибири под условием предоставления советскому правительству 7% (!) добытого. Но даже при столь льготном распределении прибылей британская

⁴⁷³ Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм... Т. 1. С. 423–424.

сторона уклонялась от соблюдения условий концессии, осуществляя инвестиции лишь при наличии ... субсидий от Советского государства. Поэтому концессия вполне закономерно была расторгнута по советской инициативе в 1929 г., причем власти СССР по решению международного арбитража выплатили компании «Лена Голдфилдс» компенсацию в 12 965 000 фунтов стерлингов⁴⁷⁴. Практически на таких же условиях размещался в Советском Союзе американский, французский и германский капитал, и во многом поэтому зарубежные концессии были свернуты к 1930–1932 гг. (впрочем, естественное нежелание руководства «корпорации “СССР”» сохранять на территории своей страны группу конкурентов собственным предприятиям тоже не следует сбрасывать со счетов).

Далее, управление крупными государственными предприятиями в СССР тоже имело свою специфику – оно осуществлялось жесткими директивными мерами, не имевшими ничего общего с либерально-рыночной системой. Впоследствии именно этот *«административно-командный» стиль управления* превратился едва ли не в главную мишень для критиков советской плановой экономики, однако его генезис, как правило, оставался за пределами внимания этой группы исследователей, в большинстве своем считавших «административную систему» явлением, полностью производным от идеологии монопольно правящих коммунистов. Справедливости ради следует признать, что идеология здесь опять-таки не при чём:

1) жесткий авторитарный стиль управления крупными предприятиями сложился очень задолго до 1917 г. в рамках системы промышленного капитализма – во всяком случае, ни о какой организационной автономии или, тем более, независимой деятельности структурных подразделений таких предприятий не было и речи (подобная стратегия господствует и в наши дни: так, И. Адизес в своей классической монографии «Управление жизненным циклом предприятия» многократно констатирует, что ни на одном этапе развития капиталистического предприятия не способно функционировать без четко выстроенной иерархии руководителей⁴⁷⁵). Естественно, когда в роли крупного капиталистического предприятия выступает хозяйственная система целой страны, у руководства такой «гиперкорпорации» попросту нет оснований радикально менять стиль управления, позитивно зарекомендовавший себя при управлении сопоставимыми по размеру хозяйственными единицами в виде западных транснациональных компаний;

2) в силу территориально-хозяйственной специфики России немалая часть государственных предприятий обладала ключевым значением для военной безопасности страны и жизнеобеспечения ее населения. Особенно это касалось таких «инфраструктурных» отраслей экономики, как энергетика и транспорт, получившие активное развитие еще до принятия первого

⁴⁷⁴ Стариков Н. Кризис: Как это делается. СПб.: Лидер, 2010. С. 109–112.

⁴⁷⁵ Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации. СПб.: Питер, 2007. С. 40, 46, 60–63, 70–72, 79, 88–95, 104–113, 127–136.

пятилетнего плана. Жесткий административный контроль над этими отраслями позволял государству предотвращать крупномасштабную дезорганизацию жизни населения, сводя на нет последствия таких природно-климатических бедствий, как, например, неурожай (информация для справки: за всю 74-летнюю историю существования Советской власти было только три крупномасштабных голода – в 1921, 1933 и 1947 гг.; в царской России аналогичные по масштабу события имели место 7 раз только в первые 12 лет XX в., а в XIX столетии было зафиксировано 40 случаев массового голода, т.е. крестьянство голодало в среднем каждые 2,5 года⁴⁷⁶). Кроме того, любой объект транспортной системы, как правило, имел двойное назначение: так, знаменитый Беломорско-Балтийский канал, построенный в 1933 г., служил не только для перевозки пассажиров, вывоза лесоматериалов и других природных ресурсов, заготавливаемых на русском Севере (общая масса перевозимых грузов при этом составляла около миллиона тонн) – изначально это сооружение проектировалось с учетом возможности оперативной переброски кораблей Балтийского флота в северные моря, где полноценные военно-морские силы были созданы только в 1937 г., причем корабли для Северного флота строились на уже существующих балтийских верфях. Столь явная значимость государственных предприятий для безопасности страны объективно предполагала строго авторитарную форму управления с персональной ответственностью руководителей за принимаемые решения, имевшие не только хозяйственное, но и общественно-политическое и даже военное значение;

3) наконец, авторитарный стиль руководства во многом задавала советская элита, сформировавшаяся в ходе Гражданской войны и перенявшая многие специфические армейские приемы и методы организации управления. Достаточно посмотреть на биографии известных руководителей советских отраслевых ведомств и крупных предприятий: такие «капитаны социалистической индустриализации», как С.М. Киров и Г.К. Орджоникидзе, во время Гражданской войны входили в Реввоенсовет южной группы войск Красной армии и принимали активное участие в разработке боевых операций в Прикаспийском регионе и Закавказье⁴⁷⁷; первый директор Московского автомобильного завода И.А. Лихачев в Гражданскую войну сражался на Северном фронте против войск Н.Н. Юденича⁴⁷⁸; первый директор Магнитогорского металлургического комбината А.П. Завенягин в 1919–1920 гг. был комиссаром в одной из ди-

⁴⁷⁶ Мстиславский П.С. Голод // Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Т. 7. М.: Сов.энциклопедия, 1972. С. 32.

⁴⁷⁷ Бушмелев Г.А., Злобин П.Ф., Сударикова А.А. Киров Сергей Миронович // Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Т. 12. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 183–185; Ёлкина С.И. Орджоникидзе Григорий Константинович (Серго) // Большая Советская энциклопедия. В 30 т. Т. 18 – М.: Советская энциклопедия, 1974. С. 494–495.

⁴⁷⁸ Лихачев Иван Алексеевич // Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Т. 14. М.: Сов.энциклопедия, 1973. С. 569.

визий РККА⁴⁷⁹; и т.п. Причина, по которой подбор управленческих кадров осуществлялся именно таким образом, не была связана с коммунистической идеологией – проблема заключалась в том, что во время Гражданской войны немалая часть «старорежимных» специалистов поддерживала белое движение, после разгрома которого эмигрировала, и в итоге нередко единственными, у кого был хоть какой-то опыт руководящей работы, оказывались бывшие красные командиры и комиссары, вынужденные осваивать науку управления производством, что называется, «по ходу дела» (там, где сохранялась возможность привлечения администраторов «старой школы», ее активно использовали – пожалуй, самым ярким примером такого рода является привлечение для работы в Наркомфине и Госбанке бывшего члена партии кадетов Н.Н. Кутлера, занимавшего до революции пост заместителя министра финансов, а затем министра земледелия России⁴⁸⁰). Естественно, столь большая группа людей с боевым опытом и связанными с армейским бытом авторитарными привычками не могла не влиять на характер функционирования сложившейся в СССР системы государственного управления хозяйством.

Далее, следует обратить внимание на такую особенность советской системы регулирования экономики, как *планирование производства в натуральных показателях*. Такой подход к планированию подвергся жесткой критике в конце 1980-х гг. за «уравниловку» и «игнорирование разнообразия человеческих потребностей», однако в ситуации преодоления хозяйственной разрухи он оказался достаточно эффективным средством организации жизнеобеспечения населения. Здесь действовал примерно такой алгоритм расчетов: объем базовых жизненных потребностей взрослого трудоспособного человека на уровнях физиологического минимума и физиологического оптимума определялся довольно точно, шла ли речь о питании, жилье или режимах работы и отдыха; зная эти параметры и количество населения страны, осуществляющая планирование «нормативно-государственная» группа относительно легко могла определить объемы производства продовольствия, одежды и других изделий, жилищного строительства и т.д., а также оценить потребности соответствующих предприятий в сырье, оборудовании и рабочей силе. Таким образом, при использовании натуральных показателей планирование производства сводилось к решению серии «научно-статистических задач».

Что же касается «невозможности и недопустимости унификации потребностей уникальной человеческой личности» (именно такой аргумент против плановой экономики в своих работах озвучивал Фридрих фон Хайек⁴⁸¹), то данный тезис в принципе неприменим к **базовым жизненным**

⁴⁷⁹ Завенягин Авраамий Павлович // Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Т. 9. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 267.

⁴⁸⁰ Кутлер Николай Николаевич // Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Т. 14. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 58.

⁴⁸¹ Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. С. 132.

потребностям человека, на удовлетворение которых советская плановая экономика была ориентирована с самого начала своего функционирования.

Во-первых, данная группа потребностей не слишком сильно различается у разных людей. Хотим мы того или нет, но физически здоровый человек с ненарушенным обменом веществ объективно нуждается в ежедневном приеме пищи, сбалансированной по содержанию белков, жиров, углеводов, витаминов и минеральных веществ; количество этих питательных веществ не зависит ни от социального статуса, ни от эстетических предпочтений – оно определяется исключительно физиологией человеческого организма. Таков же по своей сути и механизм, определяющий потребности человека в одежде и жилье – базовое значение имеют чисто функциональные свойства этих предметов, обеспечивающие защиту человека от неблагоприятных для его здоровья температур, влажности, атмосферных осадков и т.п., причем показатели этой защиты эмпирически установлены и научно обоснованы с высокой точностью.

Во-вторых, базовые жизненные потребности человека в принципе не поддаются насыщению (человека просто невозможно накормить, одеть и т.п. один раз на всю жизнь). Вследствие этого традиционным маркетинговым манипуляциям поддаются лишь *конкретные формы* удовлетворения этих потребностей, но *не их объем*. Человек может съесть стандартный армейский паек или специально приготовленные деликатесы, одеться в ширпотреб серийного производства или в дорогие дизайнерские вещи, жить в элитном особняке или обычном многоквартирном доме, и с помощью заурядных рекламных технологий его можно более или менее легко убедить в том, что одни объекты потребления «хороши», а другие «плохи». Однако никакой PR («паблик рилейшенз», отношения с общественностью), реклама или пропаганда не заставит нормального человека добровольно стать голодным бездомным нищим – равно как и съедать ежедневно по три обеда и надевать сразу по два костюма. Причиной такой странной «невосприимчивости» будет вовсе не какая-то особая «сознательность» или «здравомыслие», а исключительно *естественное стремление организма находиться в зоне физиологического комфорта и избегать всего, что выводит его из этой зоны*.

Конечно, на первых стадиях развития советской плановой экономики данные соображения обеспечивали лишь такую же «систему хорошо организованного голода», как и в кайзеровской Германии времен Первой Мировой войны: слишком велик был упадок производства, слишком многие жизненные блага попали в разряд дефицитных и слишком мало этих благ доставалось каждому гражданину по уравнительной норме. Однако с восстановлением и расширением производственных мощностей повышался и уровень жизни населения. Если судить по статистическим данным, используемым современными экономистами, то среднегодовые темпы роста промышленного производства в СССР перед Великой Отечественной войной составляли примерно 7–10% в год, валовое внутреннее накопление в тот же период составляло порядка 22%, тогда как доля внешней торговли в

структуре ВВП не превышала 5%⁴⁸². Даже если принять во внимание характерные для предвоенного периода интенсивное развитие военно-промышленного комплекса и приоритет вооруженных сил в снабжении всеми видами ресурсов (доля военных расходов в ВВП, по мнению ряда современных исследователей, составляла не менее 20%⁴⁸³), все равно придется признать как факт, что производимая продукция практически полностью потреблялась внутри страны, и объемы этого потребления увеличивались пропорционально росту производства.

Данные результаты были достигнуты не в последнюю очередь потому, что в годы первых пятилеток плановая экономика не предполагала 100%-ной государственной собственности на средства производства. Частный сектор был довольно обширным и включал в себя не только торговые предприятия и сферу услуг (хотя именно в этих отраслях частник оказывался, как правило, эффективнее бюрократически управляемых казенных учреждений), но и целый ряд кустарных производств, относительно неплохо обеспечивавших население товарами народного потребления, производство которых не требовало высокотехнологической оснастки⁴⁸⁴.

Политика Советского государства в отношении частных предпринимателей базировалась на трехстороннем контроле:

1) контролировались доходы частника, причем требования финансовой инспекции были относительно просты – доход мог иметь любой размер при условии, что он является результатом личного труда частного предпринимателя и получен из законных источников (естественно, для этого требовались документальные подтверждения, связанные в первую очередь с издержками на ведение бизнеса). Конечно, определенные виды предпринимательской деятельности – такие, как кредитование, выпуск ценных бумаг, торговые спекуляции – при таком государственном контроле оказывались вне закона, но практически вся сфера услуг от стрижки и бритья до портновских работ в довоенном СССР была делом артелей, кооперативов и некооперированных кустарей⁴⁸⁵;

2) контролировались условия труда и занятости, причем профсоюзы, финансовая инспекция, местные Советы и прокуратура обращали внимание лишь на соответствие рабочего места санитарным нормам и требованиям безопасности труда, а также на соблюдение частными предпринимателями законодательного запрета на привлечение наемных работников (понимаемое как «капиталистическая эксплуатация»⁴⁸⁶). По этой причине частный бизнес в СССР не порождал гигантских корпораций, выстроенных вокруг одного владельца (как это было на Западе, например, с предприятиями Форда или Круппа); зато кооперация частных предпринимателей, ведущих сугубо се-

⁴⁸² Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005. С. 326–327.

⁴⁸³ Там же. С. 335.

⁴⁸⁴ См.: Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм... Т. 1. С. 226–239.

⁴⁸⁵ См.: Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм... Т. 1. С. 233.

⁴⁸⁶ См.: Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм... Т. 1. С. 238–239.

мейный бизнес, законом не ограничивалась и зачастую охватывала обширные густонаселенные регионы;

3) контролировалось качество продукции, которая по закону должна была соответствовать системе госстандартов⁴⁸⁷. Эта обязанность возлагалась не только на государственные структуры (вроде санитарно-эпидемиологических служб, охраны труда и т.п.), но и на многочисленные общественные организации (причем не только политизированные партийно-советские, но и такие, как производственный коллектив, учебная группа, сообщество жильцов). Объем продукции и цена на нее при этом не ограничивались – естественно, при обоснованном характере издержек и уровня прибыли.

В результате советский частный предприниматель закономерно занимал локальные рыночные ниши, в которых мог успешно соревноваться с крупными государственными предприятиями за счет таких форм неценовой конкуренции, как гибкий индивидуализированный подход к потребителю и более высокая (в сравнении с крупной промышленностью) организационная пластичность, позволяющая быстрее переключаться на производство более перспективных товаров.

В результате соединения хозяйственной практики, сложившейся в ходе Гражданской войны, и целенаправленной экономической политики Советского государства сформировалась система планомерного государственного регулирования производства и распределения жизненных благ, не имевшая аналогов в первой половине XX в.

К ее достоинствам следует отнести, во-первых, повышение темпов роста производства по сравнению не только с Российской империей 1913 года, но и с современными СССР передовыми капиталистическими странами, для которых рост 2–3% в год считался хорошим показателем, однако на фоне советских 7–10% в год выглядел не столь впечатляющим⁴⁸⁸. Этот результат был достигнут за счет использования такой закономерности хозяйственного развития, которую А.А. Богданов в работе «Тектология. Всеобщая организационная наука» назвал «цепной связью»⁴⁸⁹. Применительно к советской плановой экономике данная закономерность выглядела следующим образом: за счет ресурсов, полученных в результате коллективизации, было закуплено оборудование для двух ключевых отраслей – металлургии и машиностроения, развитие которых «подтолкнуло» создание новых промышленных предприятий и отраслей, связанных не только с производством современных вооружений, но и с переработкой большинства видов природного сырья, причем каждое новое предприятие стимулировало добычу или производство такого сырья, увеличивая общий объем валового внутреннего продукта. В результате уже к

⁴⁸⁷ См.: Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм... Т. 1. С. 228–229.

⁴⁸⁸ Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005. С. 24, 326.

⁴⁸⁹ Богданов А.А. Тектология. С. 91.

1935 г. были сформированы основы для развития самодостаточной хозяйственной системы. Справедливости ради следует признать, что ни одна из развитых национальных экономик того времени не могла функционировать в режиме автаркии, находясь в жесткой зависимости от внешних рынков, начиная от импорта дешевого сырья из колоний и приравненных к ним зависимых слаборазвитых стран и заканчивая необходимостью экспорта собственной промышленной продукции во избежание затоваривания внутреннего рынка. Кроме того, немаловажным было директивное исключение конкурентной борьбы между предприятиями на внутреннем рынке: когда все фабрики, заводы, колхозы и совхозы рассматривались как структурные подразделения одной большой «корпорации “СССР”», какое-либо соперничество между ними выглядело лишенным объективного смысла и воспринималось уже не как «двигатель прогресса», а наоборот – как иллюстрация к знаменитой басне И.А. Крылова о лебеде, раке и щуке. В результате система приобретала более высокий уровень структурной устойчивости за счет согласованности взаимодействия своих составных частей.

Во-вторых, значимым для большинства населения СССР критерием успешности советской плановой экономики было оперативное удовлетворение базовых жизненных потребностей каждого гражданина в сложный посткризисный период, последовавший за завершением Гражданской войны: с развитием данной формы регулирования хозяйственной деятельности неуклонно отступали голод, безработица, дефицит потребительских товаров⁴⁹⁰. Это не только обеспечивало новой организации хозяйства массовую общественную поддержку, но и – что гораздо важнее для экономики – превращало плановую систему в органичный элемент социальной практики.

В-третьих, на макроуровне функционирования экономики была достигнута предельная стабильность, характерная не для рыночных, а для натуральных хозяйств: вся масса произведенной продукции гарантированно потреблялась внутри страны. И дело было не только в том, что продукция ряда отраслей имела специфический характер (об этом обычно говорят либеральные критики советской системы, ссылаясь, например, на большой объем производства вооружений и директивно установленное превышение производства средств производства над производством предметов потребления и справедливо отмечая, что в этой ситуации государство фактически занималось самообслуживанием⁴⁹¹). Та же закономерность касалась и глубоко «мирных» потребительских товаров, поскольку, как я уже отмечал выше, базовые жизненные потребности человека в принципе не поддаются насыщению, – более того, их совокупный объем увеличивается вместе с естественным ростом численности населения.

⁴⁹⁰ Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм... Т. 2. С. 136–139, 391–393, 465–468.

⁴⁹¹ Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005. С. 335, 492.

При этом развитие производства, внедрение новых технологий закономерно ведет к повышению уровня жизнеобеспечения и формированию новых долговременных потребностей, работа по насыщению которых порождает новый виток развития производства. Так, в рамках советской экономической системы такое вроде бы частное явление, как механизация сельского хозяйства, не только стимулировало производство тракторов и разнообразных прицепных и навесных орудий к ним, но также привело к расширению производства горюче-смазочных материалов, широкомасштабного строительства и оснащения специализированных машинно-тракторных станций, обучения работников для обслуживания этих станций и обустройства сети дорог для передвижения новой сельскохозяйственной техники; в свою очередь, это вызвало развитие нефтехимической промышленности, организацию специализированных училищ для трактористов и механиков и т.д., и все это активно поддерживалось государством⁴⁹².

Естественно, что все виды потребляемых благ – от пищи до высокоточного промышленного оборудования – объективно нуждались в своевременном регулярном восполнении путем производства, технического обслуживания, ремонта, модернизации, причем с увеличением численности населения такие работы неуклонно расширялись. Эта специфическая особенность также способствовала формированию высокой структурной устойчивости советской экономики – уже за счет формирования дополнительных связей между ее элементами, тесно интегрированными не только в хозяйственную практику, но и в общественную жизнь. Интенсивное развитие производственных технологий в этой ситуации тоже оказывалось органичной частью плановой системы управления хозяйственной деятельностью: при условии, что государством устанавливается и количество производимой продукции, и уровень цен на нее, единственным способом обеспечения высоких доходов предприятия становится сокращение производственных издержек посредством рационализации труда и оптимизации технологического цикла.

«Обратной стороной» достигнутого уровня структурной устойчивости оказалась *крайняя степень инертности советской плановой экономики*: система получилась очень большой и многоэлементной и в силу этого медленно реагировала на появление всех видов инноваций, начиная от сугубо технологических и заканчивая организационными. Именно этим обстоятельством в существенной степени объясняется, например, серьезное отставание СССР от Запада в радиоэлектронике и информационных технологиях, обнаружившееся уже на рубеже 1950-х и 1960-х гг. и директивно закрепленное в 1972 г. постановлением Совета Министров СССР.

Явлением, производным от инертности, следует считать такой специфический дефект советской хозяйственной системы, как *недостаток*

⁴⁹² Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм... Т. 1. С. 256–258; Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм... Т. 2. С. 75–164.

разнообразие ассортимента товаров и услуг или, что тоже самое, высокий уровень унификации потребления. Данный органический дефект плановой экономики и сопряженная с ним система дефицитарного распределения стали едва ли не основным объектом для критики, начиная со второй половины 1980-х гг.⁴⁹³, хотя с объективной точки зрения значимость данного фактора невысока, поскольку сводится к сугубо психологическим аспектам поведения человека, которые принципиально не поддаются адекватной экономической формализации.

Однако наиболее существенным функциональным недостатком советской системы государственного регулирования хозяйственной деятельности стала ее *несовместимость с традиционными институтами рыночной экономики*. Это, прежде всего, осложняло все формы международного сотрудничества: в течение практически всей своей истории СССР так или иначе находился в экономической блокаде – например, торговые соглашения 1923 г. с разоренной репарациями Германией воспринимались как крупная победа советской дипломатии лишь потому, что подобное взаимодействие с другими капиталистическими странами носило спорадический характер. А с началом «холодной войны» рыночное взаимодействие между СССР и Западом так или иначе ограничивалось разнообразными санкциями, начиная с принятого в 1949 г. Конгрессом США Export Control Act⁴⁹⁴. Помимо этого, принципиально иная, чем в рыночной экономике, расстановка приоритетов (основным из которых мыслилось не извлечение максимальной прибыли, а организация эффективного жизнеобеспечения большинства населения) приводила к тому, что даже при производстве одних и тех же видов продукции структура издержек в СССР и на Западе существенно различалась по размерам амортизационных отчислений, по уровню и порядку налогообложения, по отчислениям на оплату труда и т.д.⁴⁹⁵

Этот функциональный недостаток не оказывал влияния на хозяйственную систему в условиях экономической изоляции СССР перед Второй Мировой войной, но в полной мере проявился в 1960-х гг., когда в условиях разрядки международной напряженности советское руководство пошло на реформирование системы государственного управления экономикой, включив в число плановых показателей *прибыль от реализации продукции*⁴⁹⁶. **Именно этот шаг советского руководства и обусловил развитие всех тех кризисных тенденций, которые были отмечены в критических исследованиях «перестроечного» периода.**

⁴⁹³ См.: Лацис О.Р. Выйти из квадрата. Заметки экономиста. М.: Политиздат, 1989. С. 353–356, 364–366.

⁴⁹⁴ Export Control Act (1949) // WHAT-WHEN-HOW. [электронный ресурс]. <http://what-when-how.com/the-american-economy/export-control-act-1949/> Время доступа 11 марта 2019 г.

⁴⁹⁵ Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. С. 356; Лацис О.Р. Выйти из квадрата. С. 273–279, 321–324.

⁴⁹⁶ Лацис О.Р. Выйти из квадрата. С. 300.

Дело в том, что в рыночной экономике прибыль в денежной форме извлекается за счет разницы между продажной ценой товара и издержками на его производство; продажная цена, в свою очередь, определяется соотношением между спросом и предложением товара, так что увеличение прибыли достигается либо расширением производства при сохранении установившейся цены до достижения равновесия между спросом и предложением, либо, как это ни парадоксально звучит, сокращением предложения при увеличении цены в связи с возрастанием спроса. Первая из этих стратегий обеспечивает предприятию расширение рынков сбыта при увеличении издержек на производство товара (в том числе за счет снижения качества при выпуске крупных серий), вторая позволяет минимизировать издержки при сохранении качества продукции; кроме того, первая стратегия считается эффективной при наличии конкуренции, а вторая оценивается как характерная для монополий.

В плановой советской экономике порядок формирования прибыли был принципиально иным: во-первых, ее максимальное извлечение являлось не целью, а лишь одним из побочных результатов хозяйственной деятельности, направленной на жизнеобеспечение населения; во-вторых, размер прибыли определялся не соотношением спроса и предложения, а разницей между установленной государством продажной ценой зафиксированного в плане количества продукции и издержками конкретного предприятия на производство этого количества продукции. Исходя из этого, повышение прибыльности производства можно было осуществлять *только за счет сокращения издержек через регулярное внедрение технологических и организационных инноваций*.

Введение хозрасчета, т.е. рыночных механизмов на государственных предприятиях и включение денежной прибыли в число обязательных плановых показателей хозяйственной деятельности закономерно привели к дезорганизации советской системы управления экономикой во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг., поскольку руководителям предприятий приходилось решать фактически взаимоисключающие задачи: обеспечивать высокий рыночный спрос на свою продукцию в условиях фиксированных объемов производства и фиксированных государственных цен.

В этой ситуации обеспечить повышение прибыли в денежной форме можно было путем выполнения трех взаимосвязанных мероприятий. **Первым** из них являлось *сохранение объемов производства на уровне минимально допустимых плановых показателей*, что гарантировало стабильно высокий уровень спроса на все виды продукции, попадавшие в разряд «дефицитных». То, что в итоге жизнеобеспечение общества осуществлялось по минимальной норме, и качество жизни большинства населения оставалось невысоким, производителей не заботило – главное, план выполнялся и по натуральным показателям, и по денежной прибыли.

Вторым мероприятием по повышению прибыльности было *сокращение издержек на производство товаров* за счет сугубо административных

манипуляций с оплатой труда (начиная от регулярной «экономии фонда заработной платы», когда труд работников оплачивался по минимальной для их специальности и квалификации норме, и заканчивая директивным введением «ударных вахт», «черных суббот» и других видов дополнительного неоплачиваемого рабочего времени; советское трудовое законодательство при этом формально не нарушалось). В данном случае работал принцип экономии усилий: административные манипуляции осуществлялись намного проще, быстрее и дешевле технологической рационализации производства, которая не только требовала выделения дополнительных ресурсов, но и была чревата снижением государственных цен на производимую продукцию. То, что в результате большинство отраслей советской экономики (кроме, разве что, оборонной промышленности) крайне медленно развивались в технологическом отношении, также мало смущало руководство предприятий – ведь сбыт их продукции, даже произведенной устаревшими методами, все равно был гарантирован, а объем денежной прибыли стабильно достигал плановых значений.

Наконец, *третье* мероприятие заключалось в *формировании полулегальных и даже нелегальных систем квазирыночного обмена, существовавших параллельно системе государственного распределения ресурсов между предприятиями*. Наиболее традиционной из таких систем был обмен дефицитными ресурсами и продукцией без формального нарушения советских законов. Эту схему еще в 1933 г. писатели-сатирики И. Ильф и Е. Петров иронически характеризовали фразой: «Вы нам автомобильчик вне плана, а мы вам пожарчики будем тушить вне плана, вне всякой очереди!»⁴⁹⁷. Впрочем, схема, порожденная дефицитом оборудования в годы первых пятилеток, оказалась вполне применимой в ситуации относительного благополучия «застойного» времени – немало предприятий успешно выполняли план за счет одного лишь мастерства снабженцев, умевших через длинную и чудовищно сложную цепочку натуральных обменов «достать» дефицитные компоненты для производства предписанной Госпланом продукции. Обратной стороной таких маневров была практика создания сверхнормативных запасов, выполнявших роль «платежного средства» в обменных операциях и нередко «оперативного резерва» для ударного выполнения плановых заданий к концу месяца, квартала, полугодия и т.д. (подобную практику, например, на Львовском телевизионном заводе выявила автоматизированная система управления производством, разработанная командой академика В.М. Глушкова в 1975 году⁴⁹⁸; и подобные явления были распространены повсеместно). То, что такого рода манипуляции с ресурсами дезорганизовали государственную систему распределения

⁴⁹⁷ Ильф И., Петров Е. Необыкновенные страдания директора завода // Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 3 М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 241.

⁴⁹⁸ Максимович Г.В. Беседы с академиком В.М. Глушковым. 2-е изд., перераб. М.: Молодая гвардия, 1978. С. 63.

продукции, порождая *парадоксальные дефициты при достаточных объемах производства*, руководителей предприятий опять-таки не смущало — главное, что план успешно выполнялся.

Эти *дестабилизирующие экономику мероприятия хозяйственной практики* как раз и определили то состояние советской системы, которое писатель-диссидент М.С. Восленский образно охарактеризовал как «хронический кризис недопроизводства»⁴⁹⁹ и которое исследователи-экономисты поспешили объявить чуть ли не органическим дефектом плановой экономики вообще⁵⁰⁰. Однако справедливости ради следует признать, что специфические дефекты советской хозяйственной системы 1970 — 1980 годов были присущи не только экономике СССР более раннего времени, но и экономикам других стран, практиковавших те или иные формы государственного регулирования. Причину такого сходства А.А. Богданов охарактеризовал еще в 1918 г., когда с помощью системного тектологического анализа выявил одно из органических внутренних противоречий «военного-коммунистического» регулирования хозяйственной жизни. В ответ на «максималистские» заявления части большевиков о том, что в Советской России формируется непонятная разновидность социального устройства, для которой характерно «кричащее противоречие между общественно-организованными производительными силами и пережитками частной собственности на них»⁵⁰¹, и что «это явно переходный тип хозяйственного строя, ублюдочная, промежуточная форма между капитализмом и социализмом»⁵⁰², Богданов заявил: «военный коммунизм» есть лишь система мер адаптации капиталистического общества к условиям любой крупномасштабной катастрофы, вследствие которой «на содержании у государства оказываются <...> многие миллионы людей, совершенно независимо от какой-либо их собственной функции в производстве, не по принципу найма, а по принципу права на удовлетворение потребностей»⁵⁰³. Результатом такой адаптации становится то, что «военный коммунизм» и породившее его падение производства жизненных благ превращаются в «объективную основу “нового крепостничества”»⁵⁰⁴, осуществляемого силами государственной бюрократии, обосновывающей свою диктатуру необходимостью упорядоченной защиты интересов общества в целом. То, что в роли всеобъемлющего социально-экономического кризиса, приводящего бюрократию к полновластию над обществом, может выступать не только глобаль-

⁴⁹⁹ См.: Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 1991. С. 215–216.

⁵⁰⁰ См.: Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990. С. 52–55, 103–113.

⁵⁰¹ Базаров В.А. Русская революция и социализм // Новая жизнь. Пг., 1917. №39. Цит. по: Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 342.

⁵⁰² Там же.

⁵⁰³ Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 336.

⁵⁰⁴ Там же. С. 341.

ная война, наглядно продемонстрировала история XX века, чрезвычайно богатая катастрофическими событиями.

5 «Военный коммунизм» в теории и практике государств XX века

Другие системы «военного коммунизма», функционировавшие в Старом Свете в 1918–1938 гг., развивались целиком и полностью в рамках теории А.А. Богданова. Они представляли собой «связку» четырех социальных сил: государственной бюрократии («нормистов»), национального капитала (преимущественно промышленников), иностранного капитала (в основном финансистов) и высших военных (которых можно условно называть «милитаристами»). «Технисты» ни в одной из европейских стран не выступали как самостоятельная сила, а действовали в едином блоке либо с промышленниками, либо с «милитаристами»⁵⁰⁵. В зависимости от того, какая из этих четырех сил получала в конкретной стране преимущество, можно было различать основные формы «военного коммунизма», однако в любом случае союз «нормистов» с промышленниками и «милитаристами», в соответствии с теорией Богданова, неизбежно порождал в политике «воинственный национализм, антидемократизм, в общем – фашизм»⁵⁰⁶; замена во властной группе промышленников на финансистов лишь слегка трансформировала организационную структуру фашистского политического режима – он утрачивал черты «военной демократии» (кстати, весьма приятные для масс), превращаясь в олигархию крупных собственников.

Фашизм первого типа – с опорой на национальный капитал, контролирующий производство и, через него, жизнеобеспечение населения – активно формировался в Старом Свете, в государствах, наиболее разоренных Первой Мировой войной. Объективные факты свидетельствуют: и фашистская партия Бенито Муссолини, и национал-социалистическая партия Адольфа Гитлера выигрывали выборы именно благодаря своим проектам организации жизнеобеспечения большинства граждан. То, что за образец при этом брались крайне несовершенные социальные программы периода Первой Мировой войны, нисколько не смущало избирателей: государственное нормирование потребления, пайковое распределение жизненных благ, усиление надзора за политической жизнью и даже государственная трудовая повинность воспринимались значительной частью итальянцев и немцев как меньшее зло в сравнении с послевоенным спадом производства, массовой безработицей и нищетой, отягощенной большими внешними

⁵⁰⁵ Кажущиеся исключения вроде авиаконструкторов Гуго Юнкерса (1859–1935) и Вильгельма Мессершмитта (1898–1978), буквально в течение нескольких лет превратившихся из обычных инженеров в богатых промышленников-самолетостроителей, лишь подтверждают правило: столь головокружительное обогащение было бы немыслимо при отсутствии интенсивной финансовой поддержки в виде государственных заказов.

⁵⁰⁶ Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 132.

долгами государства. Осуществление предвыборных обещаний становилось возможным за счет активной поддержки фашистских движений со стороны государственной бюрократии (которая вкладывала в данные организации «административный ресурс», справедливо связывая с ними усиление своей власти) и со стороны крупного капитала (который оказывал в основном материальную помощь, тоже вполне справедливо рассчитывая на большие госзаказы и ослабление конкуренции с иностранными предприятиями)⁵⁰⁷.

Фашизм второго типа – ориентированный уже на сотрудничество с иностранным финансовым капиталом – оказался более востребован в Польше, Финляндии и Прибалтике, а также в Испании, Португалии и латиноамериканских странах, которые в большинстве своем не имели крупной национальной промышленности и обладали аграрной экспортно-ориентированной экономикой, ощутимо зависевшей от зарубежных (преимущественно британских и американских) кредитов. Катастрофическое обрушение традиционных европейских рынков сбыта сельскохозяйственной продукции после Первой Мировой войны подвигло правительства этих стран к реализации «военно-коммунистической» внутренней политики, опирающейся на «связку» государственной бюрократии с военно-полицейскими силами. Иностранный финансовый капитал, заинтересованный в дешевых сырьевых и трудовых ресурсах, взялся оплачивать работу этой «связки», получив в обмен режим наибольшего благоприятствования в хозяйственной системе подконтрольных стран.

И в первом, и во втором случае *фашизм*, являющийся квинтэссенцией воинственного национализма и антидемократизма, должен был стать, по мнению А.А.Богданова, основой формирования политики государства. Такие моменты, как нормативное регулирование жизни населения, тяготеющего к «твердой власти», когда «резко выраженная *авторитарная* тенденция», опирающаяся на бюрократизм и милитаризм – «школы авторитарной дисциплины», разные формы диктатуры и «всегда сопутствующий этому социальный консерватизм» станут поддерживаться той группой буржуазных управленцев, которые сделают «своей непосредственной базой не производство, а колоссально раздутый государственный аппарат», поддерживаемый не только военно-полицейской силой, но также иностранными инвестициями⁵⁰⁸.

Общая ориентация «военно-коммунистических» систем на жизнеобеспечение населения дала четко определенный результат. Не случайно массовая общественная поддержка диктаторских режимов отчетливо прослеживается в истории XX в., начиная от побед итальянских фашистов и германских национал-социалистов на вполне демократических парламент-

⁵⁰⁷ Подробнее см., напр.: Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М.: Юридич. литература, 1991. 384 с. ; Немчинов А. Олигархи в черных мундирах. М.: Яуза, 2005. 352 с.

⁵⁰⁸ См.: Богданов А.А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 131–132.

ских выборах (1922 и 1933 гг., соответственно) и заканчивая почти религиозным преклонением немалой части современных поляков перед Пилсудским, финнов – перед Маннергеймом, испанцев – перед Франко, аргентинцев – перед Перроном, тайваньских китайцев – перед Чан Кайши...

Выпадение Соединенных Штатов Америки из общемирового процесса формирования «военно-коммунистических» диктатур после Первой Мировой войны традиционно принято объяснять низким уровнем милитаризации американской экономики того времени. Эту особенность довоенных США отмечал и Богданов: «Капитализм Нового Света долго развивался в условиях незнакомого Старому Свету простора, долго был свободен от рыночной тесноты, имея в себе самом громадную рыночную базу. Его главные финансовые группировки все складывались в рамках *одной* мощной системы “страхования капитализма” – С[еверо-]А[мериканских] Соед[иненных] Штатов; и система эта простирала свой реальный протекторат на всю Америку, что и было выражено в знаменитой доктрине Монро, не допускающей новых территориальных захватов в Америке какими бы то ни было путями со стороны европейских государств. Не такова была обстановка для старого капитализма Европы. Его основные рынки были далеко не так просторны для гигантской массы накопленных в нем капиталов. Уже это придавало их борьбе характер большей остроты. Но, кроме того, главные финансовые комплексы формировались в пределах *различных* государственных систем и, в своих усилиях расшириться, наталкивались на их весьма нелегко проницаемые для конкуренции границы: причем каждый из этих механизмов страхования, по мере того, как ухудшались условия конкуренции в целом, развивал все больше противодействия активности чужих капиталов; даже Англия, классическая страна сводной торговли, принуждена была повернуть к протекционизму. Отсюда вытекали два разных типа империализма: *мирный* (относительно) империализм Америки и *милитаристический* – Старой Европы»⁵⁰⁹. Однако Богданов не отрицал, что в ходе Первой Мировой войны «прежняя позиция Америки была потеряна, ей пришлось войти в один из лагерей и завести свой основательный милитаризм. <...> Относительная обособленность Америки уступила место теснейшим связям кредита и широкой экономической поддержки, которую она уже оказала Европе и должна была впредь оказывать»⁵¹⁰.

Поворотным моментом в истории послевоенных США стал биржевой крах в ноябре 1929 г., с которого началась «Великая депрессия». С точки зрения тектологии, обвал фондового рынка Америки представлял собой классическое системное расхождение между практической деятельностью и мировосприятием, обусловленное дисгармоническим характером социального опыта в обществе под управлением финансового капитала.

⁵⁰⁹ Богданов А.А. Версальское устроительство // Богданов А.А. Тектология. С. 453. «Системой страхования капитализма» Богданов называл государственную власть.

⁵¹⁰ Там же. С. 457.

Источником биржевого кризиса 1929 г. оказалось вовсе не дезорганизованное производство: оно именно в этот период американской истории развивалось достаточно интенсивно, выпуская на рынок множество товаров, в том числе ранее никогда не производившихся в массовом порядке (в частности, таковы были бытовая электротехника, радио, автомобили). Столь же динамично развивалась и сфера кредитного капитала, обеспечивавшая интенсивные вливания финансовых средств не только в развитие производства, но и в расширение потребления. Последнее было особенно важно, поскольку внутренний рынок США после Первой Мировой войны был далек от насыщения и никаких признаков классического «кризиса перепроизводства» попросту не демонстрировал – более того, синергетическое (взаимно усиливающее) развитие производственных и кредитных предприятий формировало уникальную социально-экономическую ситуацию, позволявшую в значительной степени нейтрализовать традиционные социально-экономические причины для конфликтов между богатыми и бедными группами общества: во всяком случае, ни в одной европейской стране рубежа 1920-х – 1930-х годов безработные не ездили в поисках работы на собственных автомобилях⁵¹¹.

Причина, по которой данный шанс не был использован правящими кругами США, традиционно объясняется с помощью простого указания «сбойного сектора» хозяйственной системы, в роли которого столь же традиционно выступает наиболее рискованная с точки зрения инвестиций отрасль, получившая крупные, но реально не обеспеченные кредиты. Такой отраслью в большинстве отечественных и зарубежных исследований предстает фондовый рынок США, обрушенный осенью 1929 г. из-за катастрофического несоответствия между реальной ситуацией в экономике страны и необоснованно завышенными спекулятивными ожиданиями биржевых игроков. Подобная интерпретация событий ведет к закономерному выводу не о материальной, а о культурно-мировоззренческой природе экономического кризиса, в основе которого, с точки зрения аналитиков, лежали такие сугубо психологические явления, как «жадность» тех или иных групп финансистов, «недальновидность» биржевых экспертов, «некомпетентность» служащих акционерных компаний и банков, а также эйфория всего общества под влиянием предшествующего экономического роста на основе технологических инноваций⁵¹². Однако недопустимо подменять *причины* экономического кризиса сопутствующими ему наблюдаемыми *симптомами*, поскольку в основе «Великой депрессии» лежали те особенности финансового капитализма, которые А.А. Богданов связал с усилением банковского сектора экономики на рубеже XIX и XX вв. вследствие интенсивного роста спроса на кредитные услуги в период «индустриального бума». В силу своей более высокой организационной пластичности банковский

⁵¹¹ См.: Стейнбек Дж. Гроздь гнева / Стейнбек Дж. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3 М.: Правда, 1989. С. 64–70, 122–157.

⁵¹² Мошенский С.З. Рынок ценных бумаг. Трансформационные процессы. М.: Экономика, 2010. С. 30

капитал оперативнее реагировал на изменения конъюнктуры рынка и чаще «обыгрывал» классических капиталистов-промышленников, прямо или косвенно подчиняя себе их предприятия. Но при их подчинении руководящая финансовая группа оставляла за собой право вмешиваться в управление производством лишь в тех случаях, когда это затрагивало ее непосредственный интерес – извлечение прибыли. Подобный контроль в течение нескольких десятилетий способствовал *радикальной переориентации производственной системы с удовлетворения потребностей общества на извлечение максимальной прибыли безотносительно к ее источнику*. При таком подходе к организации экономической деятельности закономерным представляется не только развитие кредитного обращения в виде ценных бумаг, но и *превращение ценных бумаг в самостоятельный товар* (в терминологии Богданова – «бумажное золото»), *лишь номинально связанный с выпускавшим его финансовым или финансово-промышленным предприятием*: «подобные ценности своеобразно эквивалентны золоту, хотя за ними не лежит достаточного золотого фонда для их покрытия; и подобно золоту они, прямо или косвенно, служат покупательными средствами <...>, и поскольку они обращаются на рынке, они и представляют <...> золотую покупательную силу, не переставая на деле быть бумагами»⁵¹³.

Активная эмиссия такого «бумажного золота» не только способствовала возникновению скрытой диспропорции товарно-денежной массы (к которой добавлялся новый высоколиквидный товар), но и порождала иллюзию высоких темпов экономического роста, потому что при выбросе на рынок новых порций «бумажного золота» пропорционально возрастали цифры, характеризовавшие суммарный объем обращающихся на рынке капиталов; производственные капиталы, необходимые для жизнеобеспечения общества, при этом могут оставаться неизменными или даже сокращаться за счет «свертывания» недостаточно прибыльных отраслей. Явление иллюзии как ошибочной оценки действительности Богданов относил уже не к экономике (системе организации обмена товаров и услуг), а к идеологии (системе ценностно-мировоззренческих ориентаций) и психологии (системе ощущений и восприятий) общества⁵¹⁴.

Предложенная Богдановым характеристика данных иллюзий как «отвлеченного товарно-денежного фетишизма» буржуазии позволяет определить культурно-мировоззренческие (т.е. идеологические) предпосылки финансовых кризисов. Этот «отвлеченный фетишизм», по мнению ученого-аналитика, основан на ряде логических ошибок, определяемых буржуазным мировоззрением и установленных в качестве своеобразных догматов либерально-рыночной идеологии: а) «Деньги являются ценностью сами по себе» (в действительности – только тогда, когда существует реаль-

⁵¹³ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 449.

⁵¹⁴ В скобках даны сжатые определения явлений, изложенные А.А. Богдановым в «Кратком курсе экономической науки» (1897), «Познании с исторической точки зрения» (1899), «Эмпириомонизме» (1904–1906) и «Науке об общественном сознании» (1914).

ная возможность их обмена на необходимые человеку жизненные блага; за пределами такого обмена деньги превращаются в лишенный содержания символ «покупательной способности»); б) «Богат тот, у кого много денег» (в действительности – тот, кто может свободно обменивать их на достаточное количество необходимых жизненных благ); в) «Цена и стоимость – такие же свойства товара, как цвет, размер и т.п.» (на деле то и другое – показатели отношений людей в социально-экономическом процессе: цена – мера заинтересованности покупателя в товаре, а стоимость – мера издержек на производство товара)⁵¹⁵.

При рассмотрении симптомов мирового финансового кризиса 1929 г. с позиций богдановской концепции «отвлеченного фетишизма» можно увидеть, прежде всего, то, что источник данного кризиса находился не в какой-либо из отраслей производящей экономики (как это обычно происходит в ситуации кризиса перепроизводства, когда товары поступают на рынок в количестве, существенно превышающем спрос на них), а исключительно в сфере обращения «бумажного золота», где основное значение имеют вовсе не объективные показатели в виде объемов производства и спроса на продукцию, а спекулятивные ожидания биржевых игроков, глубоко психологические по своей природе и связанные с реальной экономикой крайне опосредованно – через систему виртуальных показателей наподобие «рыночной капитализации». В итоге возникла парадоксальная ситуация: неповрежденные предприятия, оснащенные по последнему слову техники и укомплектованные надлежаще подготовленным персоналом, провозглашались принципиально непригодными для дальнейшего хозяйственного использования – лишь потому, что изменилась цена неких бумаг, символически отображающих стоимость данных предприятий.

Таким образом, *подлинная причина резкого падения стоимости акций на фондовом рынке США в 1929 г. была связана с расширением обращения «бумажного золота» в условиях жесткой привязки курса национальной валюты – доллара – к реальному золоту*. Добавление активно возрастающей массы виртуально-символических ценностей к уже имеющейся на внутреннем рынке товарной массе вызвало при фиксированном объеме денежной массы классический **дефляционный шок**: покупательная способность населения катастрофически снизилась, несмотря на изобилие товаров. Следом за этим началось разорение так называемого «реального сектора экономики», обладавшего меньшей организационной пластичностью в сравнении с кредитно-банковским капиталом. Первыми разрушались мелкие предприятия, обладавшие наименьшей структурной устойчивостью в силу того, что основная доля издержек в них была направлена на непосредственное жизнеобеспечение всего коллектива работников, включая и владельца. Особенно характерно это было для фермерских хозяйств,

⁵¹⁵ Подобные примеры Богданов использовал в «Науке об общественном сознании» (1914), рассчитанной на грамотных рабочих. Эти примеры хороши в силу своей наглядности.

которые из-за долгов по кредитам довольно быстро превращались из собственников земли в ее арендаторов. Американский писатель Джон Стейнбек, характеризуя в романе «Гроздь гнева» (1939) положение мелких сельскохозяйственных производителей, позицию банков излагал так: «Арендаторы нам больше не по средствам. Их доля лишает нас минимальных прибылей. Даже если мы не будем разбивать землю на мелкие участки, то и тогда она еле-еле себя окупит»⁵¹⁶. В этой ситуации единственным способом обеспечить надлежащую прибыльность оказывалась радикальная смена форм организации производства: «Один тракторист может заменить двенадцать – четырнадцать фермерских семей. Плати ему жалование – и забирай себе весь урожай»⁵¹⁷.

Понятно, что такого рода «оптимизация», мягко говоря, не способствовала восстановлению нарушенного баланса между товарной и денежной массами. Упомянутые Стейнбеком 12–14 фермерских семей, лишившись земли, автоматически вычеркивались не только из участия в производстве, но и из процесса потребления производимой продукции. Оставленный на их месте тракторист при всем желании не мог адекватно занять их рыночную нишу, сильно уступая такому большому количеству людей в объеме потребностей жизнеобеспечения – единственной группы потребностей, которые принципиально не поддаются насыщению и в силу этого гарантируют постоянную нагрузку производственных мощностей.

В результате основной организационной задачей администрации Ф.Д. Рузвельта становилось *восстановление баланса между товарной и денежной массами посредством государственного регулирования хозяйственной деятельности*. По сути своей эта организационная задача ничем не отличалась от той, которую стремились решить военнотокаторские режимы Евразии. Разница была только в первопричине дисбаланса, который в Европе, России, Японии и Китае был обусловлен сокращением материального производства в условиях *инфляции* национальных валют вследствие специфического военного кризиса хозяйства. При этом, однако, следует учитывать, что объективно *и инфляционный, и дефляционный шок катастрофически снижали покупательную способность населения, т.е. возможности его самостоятельного жизнеобеспечения без государственного вмешательства*.

Соответственно выглядели и меры американского правительства в период кризиса: государство, осуществляя на практике рузвельтовскую программу «нового курса», фактически ввело в обиход непривычные для США, но уже хорошо зарекомендовавшие себя в Старом Свете методы нормативного регулирования хозяйственной деятельности. Первое, что сделала администрация Ф.Д. Рузвельта – установила *прямой государст-*

⁵¹⁶ Стейнбек Дж. Гроздь гнева / Стейнбек Дж. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. М.: Правда, 1989. С. 50.

⁵¹⁷ Там же. С. 35.

венный контроль над банками⁵¹⁸. Начатый после этого интенсивный выпуск бумажных денег (около двух миллиардов наличных долларов) позволил нейтрализовать такое последствие дефляционного шока, как паралич денежного обращения. Затем – для стабилизации национальной валюты – была проведена *директивная конфискация золота у населения*: физические и юридические лица были обязаны в 24-дневный срок обменять имеющееся у них золото в слитках и монетах на бумажные банкноты Федеральной резервной системы США *по установленному правительством курсу*. Неисполнение данного распоряжения каралось либо крупным денежным штрафом, либо лишением свободы (для физических лиц, не способных выплатить штраф). Примечательно, что данный акт крупномасштабной государственной экспроприации частной собственности не получил негативной оценки со стороны либеральной общественно-политической мысли, хотя либералы обычно реагируют на любые экспроприации крайне болезненно. Последовавшие за изъятием у граждан золота запрет на его экспорт и – главное – отказ от золотого стандарта не только удешевили доллар, но и способствовали росту экспорта американских товаров, что в макроэкономическом плане нейтрализовало такое последствие дефляционного шока, как затоваривание внутреннего рынка⁵¹⁹.

Хотя данные мероприятия сами по себе еще не противоречили принципам рыночной экономики, однако факт осуществления антикризисных мер *методами административного принуждения* уже позволяет характеризовать «новый курс» Рузвельта как *специфическую разновидность «военного коммунизма»*, сформировавшуюся в условиях, непохожих на европейские периоды Первой Мировой войны. В пользу этого вывода говорят меры, последовавшие за установлением государственного контроля в финансовой сфере. Прежде всего, это коснулось железнодорожных перевозок: государство фактически взяло деятельность частных транспортных компаний под свой прямой контроль, установив единую систему тарифов и единые правила работы⁵²⁰. Далее, была организована широкомасштабная финансовая поддержка фермерских хозяйств, известная в американской истории как «программа AAA (Agricultural Adjustment Administration)»: в соответствии с этой программой полмиллиона фермеров получили льготные правительственные ссуды на общую сумму в 2,2 млрд долларов⁵²¹. Параллельно с этим государство взяло на себя *прямое административное регулирование объемов сельскохозяйственного производства*, непосредственно предписывая прокредитованным хозяйствам сокращение посевных площадей с целью уменьшения товарной массы до определяемого правительством уровня⁵²².

⁵¹⁸ Уткин А.И. Как пережить кризис. М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 122

⁵¹⁹ См.: Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 123–125.

⁵²⁰ Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 124.

⁵²¹ Там же. С. 125–126.

⁵²² Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 126.

Аналогичным образом было организовано государственное регулирование промышленного производства. Согласно принятому правительством Акту о национальном индустриальном восстановлении (NIRA), на государственную помощь могли рассчитывать лишь те предприниматели, которые вполне осознанно и добровольно подчиняли свои предприятия прямому государственному контролю и практически отказывались от внутриотраслевой конкуренции. Показательно, что ответственным за восстановление американской промышленности Ф.Д. Рузвельт назначил кадрового военного – генерала Хью Джонсона⁵²³, который вел жесткую линию применительно к поборникам классической либеральной доктрины «свободного рынка» и в первую очередь «развернул общенациональную кампанию за то, чтобы все предприниматели дали обязательство платить своим рабочим двадцать четыре доллара за сорокачасовую неделю»⁵²⁴, а тем, кто уклоняется от этого обещания, недвусмысленно пообещал «натянуть носок на нос»⁵²⁵.

Наконец, был создан Корпус гражданской консервации – специализированная организация, осуществлявшая привлечение безработных американцев к широкомасштабным общественным работам, которые финансировались государством. Примечательно, что осуществление этой задачи было также возложено на профессиональных военных – генерала Дугласа Макартура и полковника Джорджа Маршалла (впоследствии получившего всемирную известность за разработку плана помощи западноевропейским странам после Второй Мировой войны)⁵²⁶, которые создали необычную для США, но уже хорошо известную в Старом Свете систему милитаризованного труда. В общей сложности Корпус гражданской консервации охватил своим влиянием два с половиной миллиона молодых американцев, каждому из которых «25 долл[аров] в месяц платили за работу (плюс семьям еще 25 долл[аров])»⁵²⁷, и армия вчерашних безработных, одетых в зеленую униформу, создала примерно треть современных дорог и значительную часть муниципальных зданий – и это без учета строительства каскада гидроэлектростанций в бассейне реки Теннесси и посадки 200 млн деревьев в специально создаваемых заповедниках и национальных парках.

Подобные меры борьбы с безработицей использовала и другая государственная организация – Администрация гражданских работ, объединившая около 4 млн безработных, трудом которых было осуществлено более тридцати тысяч проектов, в том числе 10 % новых автодорог, 35 % больниц, 65 % зданий городского управления, 70 % общеобразовательных школ⁵²⁸. Параллельно с этим государство нормировало минимальный уро-

⁵²³ Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 132 ; Чернявский Г.И. Франклин Рузвельт. М.: Молодая гвардия, 2012. С.240 – 241.

⁵²⁴ Там же. С. 134.

⁵²⁵ Там же.

⁵²⁶ Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 126.

⁵²⁷ Там же. С. 126.

⁵²⁸ Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 136.

вень заработной платы и максимальную продолжительность рабочей недели, субсидировало оплату жилья для рабочих, организовало пенсионное обеспечение и выплату пособий по безработице⁵²⁹; в общем и целом различные виды социальной помощи получили более 18 млн американцев⁵³⁰. Не была забыта и военная промышленность США⁵³¹. Источником финансирования всех этих чрезвычайно объемных и дорогостоящих проектов стал федеральный бюджет США, укрепившийся как раз вследствие прекращения свободного оборота золота и его конфискации у частных держателей, когда Федеральная резервная система *с прямой санкции государства* обрела монополию на обладание драгоценным металлом⁵³².

Также необходимо обратить внимание и на усиление авторитарных элементов общественной идеологии, что наиболее отчетливо проявилось в формировании самого настоящего культа личности президента Ф.Д. Рузвельта⁵³³. Этой мировоззренческой трансформации в существенной степени способствовал непривычный для американцев имидж президента страны: Рузвельт, в отличие от своих предшественников в Белом доме, лично отвечал на телефонные звонки рядовых избирателей, а по их письмам специалисты из администрации президента проводили весьма действенные мероприятия на местах. Вот типичный образец письма Рузвельту: «Дорогой мистер президент! Я просто хочу сказать Вам, что сейчас все наладилось. Человек, которого Вы послали, нашел наш дом в порядке, и мы сходили вместе в банк, чтобы продлить закладную. Вы помните, я Вам писал, что мы потеряли мебель тоже. Ваш человек вернул нам ее. Я никогда не слышал о таком президенте, как Вы»⁵³⁴. В связи с этим не лишним будет вспомнить, что разнообразные по своим политическим взглядам «народные вожди» стран Евразии использовали подобное образцово-показательное решение проблем «маленьких людей» в качестве эффективного пропагандистского приема еще в первой половине 1920-х гг.

Другим, столь же значимым симптомом авторитарной идеологической трансформации стал пересмотр ряда фундаментальных понятий аме-

⁵²⁹ Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 138.

⁵³⁰ Там же. С. 141.

⁵³¹ Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 137, 206–212.

⁵³² Примечательно, что критики Ф.Д. Рузвельта называли его «красным президентом» и «скрытым большевиком» именно за эту меру, которая не только по внешней форме, но также по своей внутренней сущности и целям воспроизводила «реквизиции материальных ценностей для нужд государства» в первые годы Советской власти. То, что Федеральная резервная система США, в отличие от Госбанка СССР, была *частной* структурой с правом эмиссии национальной валюты, при этом не принималось в расчет – впрочем, как и то, что результатом концентрации драгоценного металла в руках организации, своими действиями стабилизирующей систему денежного обращения, объективно становилось *спасение нации и государства от губительных последствий хозяйственного кризиса, и с прагматической точки зрения было абсолютно не важно, какой идеологии придерживалась данная организация.*

⁵³³ См.: Фолсом Б. Новый курс или кривая дорожка. Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию. М.: Мысль, 2012. С.22–27.

⁵³⁴ Цит. по: Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 149

риканской политической философии – в первую очередь таких, как «либерализм» и «демократия». Американский либерал образца 1930-х гг. отличался от своего предшественника времен А. Линкольна тем, что стремился к всемогуществу правительства, был твердым противником свободного предпринимательства и отстаивал всестороннее планирование, осуществляемое властями⁵³⁵. Соответственно этому администрация Рузвельта выстраивала свою социальную политику, декларируя, что «правительства в условиях современной цивилизации имеют определенные твердые обязательства перед своими гражданами, среди которых выделяются следующие: 1) защита семьи и семейного очага; 2) создание демократических возможностей для всего народа; 3) помощь тем, кто попал в беду»⁵³⁶. Подобная переориентация с защиты интересов собственников на жизнеобеспечение граждан воспринималась консервативными критиками «нового курса» как диктатура, «ползучий социализм» и даже «всеобщая советизация»⁵³⁷, хотя на деле была не чем иным, как разновидностью «военного коммунизма» с его системой государственного нормирования производства и потребления, вне рыночного контроля за экономикой и милитаризацией традиционно гражданских отраслей хозяйства.

Специфическими особенностями «военного коммунизма» по-американски были условия его возникновения и идеологическое обеспечение. Касаемо условий необходимо признать, что, во-первых, прогрессирующий упадок производства был вызван не войной, а внутренне противоречивым, дисгармоничным характером развития хозяйственной системы, при котором финансовый капитал доминировал над производственным, а извлечение прибыли – над жизнеобеспечением общества; во-вторых, потери квалифицированной рабочей силы были обусловлены только дезорганизацией производства и жизнеобеспечения под воздействием финансового кризиса и потому носили сугубо косвенный, а в ряде случаев – даже обратимый характер (ни одно предприятие не было разрушено и ни один работник не был убит вооруженными силами противника; следовательно, при изменении экономической ситуации производство могло быть возобновлено в более короткие сроки и с меньшими издержками, чем в послевоенной Европе).

Это соответствующим образом повлияло на идеологическое оформление «военно-коммунистических» мер государства. Прежде всего, отсутствие среди причин дезорганизации хозяйства такого фактора, как внешняя военная агрессия, сделало менее актуальными идеологии национализма и шовинизма, столь популярные в европейских странах, потерпевших фактическое поражение в Первой Мировой войне. Далее, обусловленное тем же невоенным характером кризиса отсутствие больших масс людей, прошедших специфическую выучку в массовой призывной армии, обусловило

⁵³⁵ Фолсом Б. Новый курс... С. 9.

⁵³⁶ Цит. по: Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 140.

⁵³⁷ Уткин А.И. Как пережить кризис. С. 159, 161.

относительно низкий уровень самоорганизации американского общества и исключило формирование крупных влиятельных партий с уравнилельно-социалистической или фашистской идеологией, замешанной на «духе окопного братства». Наконец, своевременные меры правительства США по оказанию материальной помощи тем, кто лишился средств к существованию, в сочетании с полицейскими репрессиями против «красных» радикалов на местах исключили из общественного обихода идеологию «социализма дележа» на основе принципа уравнилельной справедливости. В итоге «военно-коммунистические» мероприятия администрации Ф.Д. Рузвельта получили идеологическое обоснование с помощью соответствующим образом перетолкованных традиционных мировоззренческих ценностей протестантской Америки.

Составными элементами этой системы ценностей принято считать экономику, основанную на механизмах *свободного рыночного распределения* жизненных благ, политику, ориентированную на *демократические нормы* организации власти и управления, идеологию, базирующуюся на *либеральных ценностях*. Однако в результате осуществления программы «нового курса» все эти элементы сохранились лишь в идеологии американского общества, но не в его хозяйственной практике: в полном соответствии с богдановской теорией «военного коммунизма», свободное рыночное распределение было в ряде отраслей заменено государственным регулированием – прямым или опосредованным через субсидии и кредиты (именно за это критики Рузвельта называли его «красным»⁵³⁸: они не могли простить президенту того, что он крайне жестко ограничил право «денежных мешков» на безответственные финансовые спекуляции). Естественным следствием этого стало усиление политической авторитарности, объективно несовместимой с демократическими нормами. Население США даже не заметило этого перехода, потому что Рузвельт обратился к тем же механизмам авторитарного управления, какими пользовалась финансовая олигархия *очень долго* до начала «нового курса»⁵³⁹. Поэтому далеко не сразу стало очевидным то, что даже трепетно оберегаемая американской правящей элитой либеральная идеология подверглась радикальной трансформации: ключевая идея *безграничной индивидуальной свободы* была заменена доктриной *всесторонней патерналистской поддержки гражданина государством*⁵⁴⁰, что есть явление, созданное, как сформулировано в анализе А.А. Богданова, «на основе права на удовлетворение потребностей: принцип коммунистический»⁵⁴¹.

Эти изменения в общественной жизни США обусловили не только

⁵³⁸ См., напр.: Чернявский Г.И. Франклин Рузвельт. С. 235.

⁵³⁹ Некоторые исследователи относят формирование основ финансовой олигархии к рубежу 1870 – 1880 годов. См., напр.: Шустов А.В. 100 лет триумфа: ФРС США и Начало американской эпохи. СПб.: [Б.м.], 2013. С. 36–39.

⁵⁴⁰ Фолсом Б. Новый курс... С. 301–303.

⁵⁴¹ Богданов А.А. Тектология. С. 440.

успешное преодоление последствий «Великой депрессии» и последующий рост производства, но и эффективную мобилизацию хозяйственной системы страны в период Второй Мировой войны, по итогам которой США оказались в положении глобального экономического лидера. Соответственно этому американская версия «военно-коммунистической» идеологии получила более весомый материально-технический базис в виде государственной бюрократии, действующей в «связке» с руководством крупнейших финансовых и промышленных корпораций, которые фактически монополизировали ключевые отрасли национальной экономики⁵⁴². Согласно теории «военного коммунизма» Богданова, возникновение этого явления в общественной жизни следует связывать с тем, что «система частного присвоения продуктов, с ее специфической неравномерностью, не может удержаться в прежнем виде», поскольку «предмет потребления уже не является в полной мере индивидуальной и меновой собственностью»⁵⁴³. Еще в 1924 г. Богданов писал, что в подобной ситуации государству непременно придется «взять на себя контроль и над направлением производства, и над его размерами, а значит – над распределением в нем материалов, орудий труда и рабочей силы. Так коммунистический принцип простирает свое влияние на сферу производства <...>. Отсюда – не только сохранение прибыли капиталистов, владельцев предприятий и акций, но и довольно высокие нормы этой прибыли, гарантированные государством»⁵⁴⁴. Богданов подчеркивал, что психологически это обстоятельство воспринимается капиталистическим обществом как закономерное явление, поскольку «прибыль сохраняет свое основное социальное значение: она символизирует сохранение основных принципов капитализма»⁵⁴⁵. Также психологически объяснимо появление лидера в мировой капиталистической системе, пережившей военный кризис. В это особое положение попала Америка, успешно реализовавшая подъем национальной экономики усилиями государственной бюрократии, действующей в связке с финансистами и промышленниками, что позволило обеспечить государственную поддержку наиболее уязвимых групп населения. В результате США приобрели в глазах разоренной войной Евразии имидж не просто богатой страны, но страны, в отличие от Старого Света, успешно борющейся с бедностью и лишениями на своей территории.

Данный имидж беспрепятственно экспортировался на оккупированные американцами территории, где по модели «нового курса» осуществлялись комплексные преобразования социально-экономической системы. Наиболее известными из них были «план Маршалла» для Западной Европы и «линия Доджа» для Японии. Аналогичным изменениям в послевоенный период подверглись также хозяйственные системы Южной Кореи,

⁵⁴² Фолсом Б. Новый курс... С. 293–294.

⁵⁴³ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 441.

⁵⁴⁴ Там же.

⁵⁴⁵ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 441.

управляемого Чан Кайши острова Тайвань, Южного Вьетнама и латиноамериканских республик, взятых США под дипломатический и военный контроль в 1942–1945 гг. Однако философско-идеологическое обоснование данных трансформационных мероприятий было ориентировано не столько на решение действительных проблем жизнеобеспечения населения стран с дезорганизованным хозяйством, сколько на *сохранение и укрепление экономического и политического доминирования США*.

А.А. Богданов в разделе «Элементы организационной динамики капитализма XX века» своей «Теории мирового военного кризиса» еще в 1924 г. пришел к выводу о том, что лидер-победитель не сможет не играть ключевую роль в мировой капиталистической системе. Однако это будет роль отнюдь не интегратора: лидер менее всего будет настроен на организацию «дружного мирового сотрудничества наций, хотя и для него, конечно, ликвидация кризиса являлась насущным жизненным интересом»⁵⁴⁶. Связано это с тем, что над всеми участниками системы экономических связей по-прежнему будут тяготеть «старые методы, выработанные предыдущими фазами буржуазного развития – эпохой конкуренции, затем эпохой борьбы монополий. Эти методы исключают идею экономического целого»⁵⁴⁷. Богданов считал, что главной целью победителя станет забота о появлении «новых вассальных государств», поскольку взаимодействие с ними скорее всего получит «одностороннее соотношение, заключающее в себе экономическую несовместимость»: страны-вассалы, превращенные в рынки сбыта, обретут доступ в сферу мирового товарооборота исключительно через посредничество лидера, только по установленным им правилам и исключительно в заданных им пределах»⁵⁴⁸. Последовательная реализация этого принципа в международной политике закономерно ведет к тому, что Гегель определил как «неправо» (Unrecht), при котором «мышление состоит лишь в том, что знает себя свободным только тогда, когда *отступает от общепризнанного и значимого* и может изобрести для себя нечто *особенное*»⁵⁴⁹, ставящее носителей подобного мировоззрения, будь то отдельная личность, социальная группа или целая нация, в исключительное положение по отношению к остальному сообществу, что предполагает возможность применения к «непривилегированной» массе силового принуждения со стороны самопровозглашенной «элиты», стремящейся в зародыше подавить любую форму сопротивления своему произволу.

Применительно к хозяйственной системе это означает, что государство-лидер всегда будет бдительно относиться к экономическому укреплению не только стран-конкурентов, но даже стран, истощенных военным кризисом «до последней крайности». Здесь восстановление производства станет ассоциироваться исключительно с развитием малого и среднего

⁵⁴⁶ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 446.

⁵⁴⁷ Там же.

⁵⁴⁸ Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 446.

⁵⁴⁹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1991. С. 47.

бизнеса, которые чуть ли не со времен Адама Смита провозглашались основой «экономической свободы личности»; а в качестве «естественной опоры» этих форм организации предпринимательства будет рассматриваться национальный банковский капитал, прямо связанный с иностранными (т.е. в условиях первой половины XX в., с учетом послевоенных экономических реалий – сугубо американскими) инвестициями.

Конечно, американские оккупационные власти после Второй Мировой войны были далеки от того, чтобы некритически тиражировать данный организационный шаблон без какой-либо его адаптации к специфическим национально-региональным условиям: достаточно лишь сравнить хозяйственные системы ФРГ, Японии, Южной Кореи, Тайваня и Южного Вьетнама, чтобы убедиться, что в каждой из них первоначальной «точкой роста» становились те производства, которые понесли минимальный ущерб от войны – а они в этих государствах, естественно, отличались. Однако общие элементы стратегии преобразований тоже наличествовали: во всех названных странах государственный контроль над экономикой осуществлялся преимущественно через механизмы кредитования и льготного налогообложения определенных видов предпринимательской деятельности; более того, государство до определенного момента препятствовало формированию крупных корпораций, способных монополизировать какую-либо отрасль экономики, либо под давлением оккупационных властей разукрупняло подобные корпорации, если они сохранились с довоенного времени.

В таких стартовых условиях формировалась «связка» государственной бюрократии и кредитно-банковского капитала – национального по форме, но интернационализированного (точнее, американизированного благодаря Бреттон-Вудской системе) по своей внутренней сущности. Поскольку именно кредитно-банковский капитал оказался главенствующим элементом получившейся «связки» (не надо забывать, что финансирование восстановительных работ и последующего экономического роста осуществлялось именно через систему кредитования!), то данная специфическая форма «военного коммунизма», проанализированная А.А. Богдановым еще в начале 1920-х гг., вполне органично соединилась с системой идеологических ценностей, сформированных в США периода рузвельтовского «нового курса». А «холодная война», начавшаяся как раз в период распространения этой американской мировоззренческой системы по миру, способствовала ее укреплению в подконтрольных США странах Запада и Востока в качестве жесткой альтернативы советской организационной модели, основанной на «военно-коммунистическом» сотрудничестве государственной бюрократии и научно-технической интеллигенции.

Буквальное воспроизведение американской модели «военного коммунизма» в Западной Европе и Юго-Восточной Азии было невозможным в силу социально-исторических условий: ни в одной из оккупированных американцами стран не сложилась ситуация, позволявшая финансовому капиталу играть ведущую роль в «связке» с государственной бюрократией и высшими

военными. В европейских странах со времен Первой Мировой войны такая ведущая роль принадлежала бюрократии (именно она задавала стандарты и правила, которым должны были подчиняться все остальные группы общества, включая крупных капиталистов), тогда как в Азии в течение всей первой половины XX в. власть практически безраздельно принадлежала военным (неважно, шла речь о милитаристской диктатуре в независимой Японской империи или об управляемых иностранными оккупационными силами колониальных режимах в Корее, Индонезии, Малайзии, Индокитае).

Однако и о построении общественно-политической системы на принципах либерализма и демократии тоже не могло быть речи: во-первых, послевоенное хозяйство, дезорганизованное практически в глобальном масштабе⁵⁵⁰, попросту не позволяло обеспечить подобную систему необходимыми ресурсами для организации свободного рыночного товарообмена, без которого либерализм и демократия объективно невозможны; во-вторых, прямая военная оккупация (как это было в случае с Германией и Японией) представляет собой, мягко говоря, не самый подходящий инструмент для демократизации государственного управления, поскольку армия вообще и оккупационная в частности изначально строятся на строго авторитарных организационных принципах, противоположных демократии и либерализму; в-третьих, делегирование полномочий от оккупационных властей к местным коллаборационистски ориентированным политическим элитам также не позволяет провести демократические преобразования, поскольку местные элиты изначально ориентируются на привычную модель организации политической жизни – а она, даже если говорить только о Европе в межвоенный период, была опять-таки не демократической, а вполне авторитарной «военно-коммунистической».

Но особенно показательна в этом отношении именно история азиатских стран после Второй Мировой войны. Если Китай – что гоминьдановский, что коммунистический – оставался авторитарно-диктаторским государством, управляемым «связкой» бюрократии и профессиональных военных, то соседняя с ним Корея, обретя независимость от японцев в 1945 г., после выведения советских и американских оккупационных войск оказалась в исторически уникальном положении: в северной части полуострова установилась «военно-коммунистическая» диктатура советского образца, а юг Кореи поначалу провозгласил приверженность демократическим политическим ценностям, притом в американской их версии. Этому в существенной степени способствовала активная деятельность признанного лидера корейского национально-освободительного движения Ли Сын Мана (1875 – 1965), который получил образование благодаря миссионерам американской Методистской церкви и в течение всей своей политической карьеры сохранял тесные связи с США. Влияние американской политической культуры отчетливо прослеживалось в организации институтов власти в новосозданном Ко-

⁵⁵⁰ Нужно помнить, что в ходе Второй Мировой войны почти треть Евразии оказалась полем битвы в самом прямом смысле этих слов, а оставшиеся территории были так или иначе подчинены тыловым службам сражающихся армий.

рейском государстве, представлявшем собой президентскую республику с двухступенчатой системой выборов главы государства и четким разделением властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви.

На практике же «демократия по-южнокорейски» довольно быстро трансформировалась в авторитарно-диктаторский режим с репрессивным преследованием инакомыслящих: правительство Ли Сын Мана не останавливалось перед физическим уничтожением граждан, придерживавшихся левых политических убеждений, причем расправы носили в том числе массовый и внесудебный характер. Попытки некоторых современных исследователей оправдать действия Ли Сын Мана и его сторонников войной с коммунистическим Севером не выдерживают исторической критики, поскольку наиболее жестокие преследования «антигосударственных элементов» практиковались в Южной Корее *до, а не после* начала боевых действий со стороны КНДР: так, в ходе подавления коммунистического восстания на крупном острове Чеджудо (1948 – 1951 гг.) силы безопасности республики Корея уничтожили – преимущественно без суда и следствия – 12 360 человек, т.е. около 13% местных жителей; аналогичным образом, в первой половине 1950 г. были арестованы и казнены по обвинениям в «антигосударственной деятельности» свыше 100 тыс. сторонников оппозиционной Ли Сын Ману «Лиги Бодо»⁵⁵¹.

Война между Севером и Югом окончательно дезорганизовала хозяйственную систему обеих корейских государств, и без того не процветающую: в бедном регионе с преимущественно аграрной экономикой в ходе боев оказалось разрушено 80% промышленной и транспортной инфраструктуры, около трех четвертей правительственных учреждений и более половины жилого фонда; кризисные явления усугублялись еще и тем, что промышленность еще при японцах была сосредоточена в северной части полуострова, а юг представлял собой практически сплошную сельскохозяйственную зону.

В этой ситуации правительство Ли Сын Мана взяло курс на индустриализацию Южной Кореи с целью уменьшения ее зависимости от импорта. Однако выбранные для этого средства – займы у американских финансистов и структурное реформирование хозяйственной системы по рекомендациям американских экспертов с либерально-рыночными взглядами – слабо способствовали формированию действительно независимой экономики: развитие получали преимущественно низшие формы промышленности, не обеспечивавшие не то что экономического роста, но даже полноценного восстановления разрушенного войной хозяйства. В результате «население Республики Корея (наполовину бездомное) много лет <...> существовало в основном на помощь США, рассматривавших эту страну как форпост в будущей войне с коммунистическим Китаем и потому вынужденных подкармливать марионеточный южнокорейский режим. Позднее помощь продовольствием стала оказывать Южной

⁵⁵¹ Edwards P.M. Historical Dictionary of the Korean War. Lanham: Scarecrow Press, 2010. P. 32–33; Tirman J. The Deaths of Others: The Fate of Civilians in America's Wars. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 96–98.

Корею и ООН»⁵⁵².

Подлинное экономическое чудо произошло уже при другом президенте-диктаторе – генерале Пак Чон Хи, выдвинувшемся в ходе войны в качестве специалиста по разведке и снабжению войск и пришедшего к власти в результате военного переворота⁵⁵³. Для преодоления кризисных тенденций, ставших за десятилетие после Корейской войны более чем отчетливыми (достаточно отметить, что по качеству жизни страна отставала от коммунистической КНДР⁵⁵⁴) новым правительством были избраны следующие приоритеты: «развитие за счет собственных финансовых ресурсов (в первую очередь – государственных займов), а не за счет привлечения иностранных инвестиций; составление пятилетних планов развития народного хозяйства страны, несмотря на недовольство США, приверженных принципам рыночной экономики; (пожалуй, именно в Южной Корее было достигнуто наиболее гармоничное сочетание планового и рыночного начал); опора не на малый и средний бизнес, на что толкали страну США и МВФ, а первоначально на крупный капитал; высокая концентрация капитала и развитие нескольких десятков крупных монополистических фирм – финансово-промышленных групп (**чеболей**) в небольшом числе отраслей (мелкий бизнес тоже развивался, но не столько как самостоятельный, сколько как находящийся в кооперации с крупным); упор на развитие промышленности, а не на сферу услуг; строительство первоклассных автомагистралей, самого современного в мире сеульского метро, атомных электростанций и пр.; в итоге – создание экономики, остановившейся на пороге перехода страны в постиндустриальную, информационную эру. И все это при узости внутреннего рынка и высоком риске военных действий, что требовало отвлечения значительной доли ресурсов на нужды армии»⁵⁵⁵.

Справедливости ради следует отметить, что финансово-промышленные «чеболи» Южной Кореи практически один к одному воспроизводили в своей организационной структуре японские корпорации-«дзайбацу», ликвидированные в ходе американской оккупации как «монополии, мешающие развитию свободного рынка». Южнокорейские «чеболи» объединяют группы предприятий, принадлежащих к самым разным отраслям производства: так, всемирно известная корпорация Samsung, которая в массовом сознании ассоциируется практически исключительно с бытовой электроникой, в действительности включает в себя предприятия не только электронной, но также химической и тяжелой промышленности (включая автомобилестроение), две страховые фирмы, банк, инвестиционную и кредитную компании, строительное предприятие, научно-исследовательское

⁵⁵² Антонов М. От капитализма – к тоталитаризму! Глава 9. «Чучхе» против «чэболов»: вызов мировому либерализму [Электронный ресурс] http://m-antonov.chat.ru/from_to/part_09.htm

⁵⁵³ Корея // Большая Советская энциклопедия. Т. 13. С. 171 – 172.

⁵⁵⁴ См.: Антонов М. От капитализма – к тоталитаризму! Глава 9. «Чучхе» против «чэболов»: вызов мировому либерализму [Электронный ресурс] http://m-antonov.chat.ru/from_to/part_09.htm

⁵⁵⁵ Антонов М. От капитализма – к тоталитаризму! Глава 9. «Чучхе» против «чэболов»: вызов мировому либерализму [Электронный ресурс] http://m-antonov.chat.ru/from_to/part_09.htm

подразделение, парк развлечений и сеть отелей; во главе каждой группы предприятий стоят кровные родственники основателя корпорации Ли Бенчхоля. Практически аналогичным образом встроены в южнокорейскую экономику и такие «чеболи», как LG, Hyundai, Daewoo. И все они добились своего нынешнего состояния при непосредственной и методичной поддержке правительства Южной Кореи, которое со времен президента Пак Чон Хи использовало эти корпорации в качестве «очагов роста» национальной экономики, увеличивающих богатство страны за счет экспорта готовой продукции. «В семи выделенных приоритетных отраслях государство регулировало конкуренцию, при необходимости побуждая фирмы к объединению. В итоге была достигнута высокая степень монополизации производства. Строго контролировалось качество продукции, предназначенной на экспорт. Власть взяла под свой контроль и рабочее движение, вообще всю сферу взаимоотношений труда и капитала. Государство внимательно следило за всеми сторонами хозяйственной деятельности компании и безжалостно уничтожало экономических “неудачников” <...> За время первой пятилетки (1962–1966) в РК провели земельную реформу, место отжившей общины заняло фермерство, что резко повысило производительность труда и высвободило необходимые трудовые ресурсы для города. Но уже во вторую пятилетку (1967–1971) определились полюса роста – химическая промышленность, производство цемента, нефтепереработка <...>. На экспорте страна заработала валюту. По истечении еще двух пятилеток было решено: в связи с ростом доходов населения пора переходить на массовое производство товаров и для внутреннего рынка. <...> В итоге на Западе стали говорить о Южной Корее как об одной гигантской корпорации “Korea Incorporated”, где в работу по развитию экономики под единым началом вовлечена вся страна», чему в существенной степени способствовала широко распространенная система пожизненного найма, аналогичная японской⁵⁵⁶.

В северной части Корейского полуострова послевоенная разруха преодолевалась с помощью принципиально иной стратегии, обусловленной, однако, не идеологией, а совокупностью природных и исторических факторов. Прежде всего, Северная Корея – это горная страна, и лишь около 20% ее территории пригодно для сельского хозяйства; далее, во время японской оккупации, длившейся почти полвека, в северных провинциях, богатых полезными ископаемыми, развивалась в основном добывающая и перерабатывающая промышленность, занятое в которой население снабжал продовольствием равнинный Юг. Соответственно этому, после прекращения боевых действий перед правительством Ким Ир Сена встали вовсе не задачи индустриализации, как перед правительствами Ли Сын Мана и Пак Чон Хи (промышлен-

⁵⁵⁶ Антонов М. От капитализма – к тоталитаризму! Глава 9. «Чучхе» против «чеболов»: вызов мировому либерализму [Электронный ресурс] http://m-antonov.chat.ru/from_to/part_09.htm О специфике взаимодействия южнокорейских корпораций с государством см. также: Суслина С. Государственное регулирование экономики: опыт Республики Корея. [Электронный ресурс] <http://www.r-reforms.ru/indexpub105.htm>

ных предприятий в стране было уже немало), а **проблема жизнеобеспечения населения**. У этой проблемы было два возможных простых решения: либо восстановить вместе с промышленностью (которую дезорганизовала война Севера и Юга) и прежние, еще при японцах сложившиеся хозяйственные связи, либо попытаться сформировать аналогичные по своей сути связи с соседними дружественными странами – СССР и КНР. Общим недостатком этих простых решений было то, что при выборе любого из них Корейская народно-демократическая республика превращалась в страну, население которой фактически вынуждено работать за еду, ввозимую из-за границы, причем малейшие перебои в поставках будут провоцировать *тотальную дезорганизацию социальной, экономической и политической жизни*; таким образом, КНДР в любом случае превратилась бы из независимого государства в марионеточный режим, дистанционно управляемый теми, кто осуществляет поставки продовольствия.

По этой причине правительство Ким Ир Сена приняло непростое и нестандартное решение, которое получило идеологическое обоснование в двух принципах. Первый из них – *чучхэ*⁵⁵⁷ – устанавливал четкую систему приоритетов во взаимодействии государственных властей и населения страны. Прежде всего, первичным фактором любых форм общественной жизни безоговорочно признавались интересы человека, причем не абстрактного «общечеловека» эпохи европейского Просвещения, а живого и реального человека труда, причем «под людьми труда подразумеваются классы и прослойки, которые своей созидательной деятельностью вносят практический вклад в развитие общества»⁵⁵⁸. Соответственно этому, любое государство обретает богатство и силу лишь постольку, поскольку его политика обеспечивает данным группам приемлемые условия для жизни и деятельности. Таким образом, главной хозяйственной задачей социалистического (точнее – «военно-коммунистического») государства становится *организация оптимального жизнеобеспечения людей труда*, что объективно немыслимо без того, чтобы построить самостоятельную экономику, как можно меньше зависящую от импорта жизненных благ. Применительно к условиям КНДР это означало «придерживаться принципа опоры на собственные силы <...>, развивать экономику всесторонне и комплексно, <...> также создать свою твердую топливную и сырьевую базу»⁵⁵⁹. В обмен на жизнеобеспечение государство получало право опираться на народные массы и мобилизовать их творческую энергию для решения своих политических задач⁵⁶⁰.

Второй идеологический принцип – *сонгун*⁵⁶¹ – превратил северокорейскую модель «военного коммунизма» в уникальное социально-экономическое

⁵⁵⁷ В прямом переводе с корейского: «Человек – хозяин мира»

⁵⁵⁸ Вопросы и ответы по идеям чучхэ. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 2012. С. 28.

⁵⁵⁹ Вопросы и ответы по идеям чучхэ. С. 58.

⁵⁶⁰ См.: Вопросы и ответы по идеям чучхэ. С. 61 – 63.

⁵⁶¹ В прямом переводе с корейского: «Армия на первом месте»

явление, поскольку прямым следствием этого принципа стала *глубокая интеграция армии в хозяйственную систему страны в качестве не только потребляющей, но и производящей силы*. В организационно-мировоззренческом плане Корейская народная армия позиционируется как «ядро» народных масс, поскольку «центральная, главенствующая роль армии, взявшей в свои руки оружие, является главной гарантией, позволяющей добиться решительных перемен в идейных и духовных настроениях членов общества и в их боевом духе и совершить чудеса и новаторство в экономическом и культурном строительстве и всех других сферах социалистического строительства»⁵⁶². В практически-политическом смысле принцип сонгун означает, что политическая независимость и внутренняя устойчивость любого государства определяется в первую очередь мощью его вооруженных сил как организации, активно противостоящей любым дезорганизующим воздействиям. С точки зрения богдановской теории «военного коммунизма» сонгун является идеологией «рабоче-солдатского коммунистического блока», проводящего хозяйственные преобразования в условиях войны и послевоенного восстановления хозяйства при отсутствии или крайней организационной слабости национальной буржуазии⁵⁶³. Но важнее всего то, что *Корейская народная армия обладает не только военными, но и широко развитыми производственными функциями*, поскольку «идеи сонгун не рассматривают армию как чисто вооруженные силы, стоящие на страже страны, а <...> также позволяют с помощью мощной оборонной промышленности создавать надежный технико-экономический потенциал и сохранять высокие темпы производства, отвечающие требованиям эпохи информационной технологии»⁵⁶⁴. Согласно официальным северокорейским источникам, в составе вооруженных сил КНДР находятся не только войска и предприятия оборонной промышленности, но и строительные и транспортные организации, медицинские учреждения, научно-исследовательские и учебные центры⁵⁶⁵. Естественно,

⁵⁶² Вопросы и ответы по идеям сонгун. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 2012. С. 11.

⁵⁶³ Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 105 – 106.

⁵⁶⁴ Вопросы и ответы по идеям сонгун. С. 45 – 46.

⁵⁶⁵ В качестве примера – короткая выборка новостных публикаций из официальных изданий КНДР, из которых следует, что непосредственно в составе КНА имеются предприятия пищевой промышленности, продукция которых доступна и гражданскому населению (Уважаемый Ким Чен Ын – на пищевой фабрике №354 КНА // Корея. Пхеньян, 2014. №1. С. 1; Рыбопромысловая база у Корейского Восточного моря // Корея. Пхеньян, 2014. №7. С. 10–11; Создается новая история золотого моря. Рыбпромхоз №18 567-й воинской части КНА // Корея. Пхеньян, 2015. №2. С. 24–25), а также строительные подразделения, возводящие не только оборонные, но и хозяйственные объекты, и жилые дома (Берем на себя социалистическое строительство // Корея. Пхеньян, 2012. №8. С. 16–17; Уважаемый Ким Чен Ын – на заводе «8 октября» // Корея. Пхеньян, 2014. №11. С. 1; 2014-й: год скачка вперед // Корея. Пхеньян, 2014. — №12. С. 6–7; Передовики в создании корейских темпов // Корея. Пхеньян, 2015. №4. С. 16–18; Сотворение мира на земле Расона // Корея. Пхеньян, 2015. №12. С. 32–33); и даже инвалиды-военнослужащие КНА трудоустраиваются на специализированные предприятия, производящие в том числе товары народного потребления (Пламя новаторства. Рангранская фабрика инвалидов военной службы по производству пластмассовых бытовых товаров // Корея. Пхеньян, 2012. №1. С. 36–37).

что они обслуживают не только личный состав Корейской народной армии, но и гражданское население.

Последовательная реализация принципов чучхэ и сонгун позволила Северной Корее не только сохранить экономическую и политическую независимость вплоть до настоящего времени, но и в течение 60 лет успешно подготовить и реализовать ядерную и космическую программу, а также – что в стратегическом плане едва ли не важнее – осуществлять весьма впечатляющую социальную политику. Согласно официальным документам, «государство развивает на высоком уровне всеобщее обязательное 12-летнее обучение, в том числе одногодичное обязательное дошкольное, в соответствии с тенденциями развития современной науки и техники»⁵⁶⁶, а также «целиком берет на себя расходы на медпомощь – осмотр, лабораторный анализ и стационарное лечение, операцию, а также путевку на курорты. За счет государственной казны обходятся и профилактический медицинский осмотр, консультация, прививка и профилактическое медобслуживание»⁵⁶⁷. Кроме того, «государство создает каждому трудящемуся все необходимые условия жизни, обеспечивая его питанием, одеждой и жильем»⁵⁶⁸. Таким образом, нестандартное решение вопроса жизнеобеспечения граждан придало социальной системе КНДР феноменальную структурную устойчивость: власть Ким Чен Ира не поколебал даже чудовищный голод конца 1990-х, и правящая Трудовая партия Кореи продолжает пользоваться массовой поддержкой 24-миллионного населения.

Подводя итог эволюции «военного коммунизма» в исторический период после смерти А.А.Богданова, необходимо обратить внимание на весьма показательную тенденцию: *в течение всего XX в. и Восток, и Запад добивались наиболее высоких темпов экономического роста (и повышения реального качества жизни) не при демократических, а исключительно при авторитарных политических режимах; аналогичным образом, наиболее результативная социальная политика осуществлялась не через рыночные отношения, либерализм и приватизацию, а наоборот, через государственный контроль, патернализм и национализацию.* Объяснять подобные факты как «отклонения от нормы» было бы ошибкой по ряду объективных причин.

Во-первых, авторитарные системы управления существуют уже, как минимум, четыре с половиной тысячи лет, не только устойчиво воспроизводя себя в условиях мира и стабильности, но и полностью восстанавливаясь после самых крупномасштабных катастроф – таких, как гражданские

⁵⁶⁶ Конституция Корейской народно-демократической республики. Статья 45. Источник: Naenara [электронный ресурс] URL: <http://www.naenara.com.kp/ru/politics/?rule+4> Время доступа: 12 августа 2019 г.

⁵⁶⁷ Народная система здравоохранения // Naenara [электронный ресурс] <http://www.naenara.com.kp/ru/politics/?health> Время доступа: 12 августа 2019 г.

⁵⁶⁸ Конституция Корейской народно-демократической республики. Статья 25. Источник: Naenara [электронный ресурс] URL: <http://www.naenara.com.kp/ru/politics/?rule+3> Время доступа: 12 августа 2019 г.

войны, смены династий и захват территорий более сильным противником. Более того, подобные деструктивные воздействия вовсе не приводят к свертыванию авторитаризма и замене его другой системой управления, как это регулярно происходило с демократией при прекращении условий мира и стабильности, – в отличие от демократии, и во время мира, и во время войны авторитарное государство работает практически в одном и том же «штатном режиме» (правда, в случае войны приходится тратить больше ресурсов на преодоление дезорганизующих воздействий извне).

Подтверждающими эту закономерность примерами буквально полна история человечества, начиная от смен династий в Древнем Египте и заканчивая восстановлением территориальной целостности Китая при коммунистах. Столь многократная воспроизводимость авторитарной модели сотрудничества указывает, как минимум, на достаточную жизнеспособность этой модели и явную неготовность человечества избавиться от нее. Кроме того, устойчивое воспроизведение авторитарной системы сотрудничества в разное историческое время (начиная от бронзового века и заканчивая эпохой «войн и революций») и в разных регионах планеты (начиная от долины Нила и заканчивая Мезоамериканским перешейком) наводит на мысль, что данная форма организации взаимодействия находится все-таки ближе к «природе человека», чем демократические ценности, декларируемые в качестве «вечных».

Во-вторых, авторитарное политическое сотрудничество обладает довольно высокими показателями структурной устойчивости. Прежде всего, нужно помнить, что приписываемая авторитаризму предельная обособленность власти от гражданского общества и обусловленный этим сугубо произвольный (волюнтаристский) характер управления, – не более чем пропагандистские мифы эпохи Просвещения, многократно повторенные позднейшими комментаторами (в массе – приверженцами совсем не авторитарных, а демократических воззрений). В действительности государственная власть при авторитаризме вовсе не является самодостаточной системой, полностью отделенной от общества и игнорирующей сигналы обратной связи – просто потому, что власть в этом случае обречена на утрату контроля и скорую гибель. По этой причине гибкой системе демократических выборов (при которой любой красноречивый непрофессионал, приведя вверенную ему область управления к закономерному краху, всегда получает еще один шанс войти во власть) авторитаризм закономерно противопоставляет предельно жесткую форму отбраковки непрофессиональных управленцев (при которой *любая ошибка в принятии властных решений означает полное отстранение от власти* – ни больше, ни меньше).

В отношении этого принципа жесткой обратной связи история авторитарных государств также позволяет найти немало примеров. В том же Древнем Китае наиболее существенной причиной периодической смены династий (как правило, через разорительную и кровопролитную гражданскую войну) становилось именно бездействие императора, который, со-

гласно тогдашней терминологии, «не изгонял недостойных и не возвышал достойных», и, как правило, первым императором новой династии в такой ситуации становился именно тот, кто начинал откровенно насильственными методами исправлять ситуацию, «искореняя вредное и развивая полезное». Аналогичная по своей сути система действовала в других государствах докапиталистической эпохи, да и в наши дни устойчиво воспроизводится в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки, где наиболее традиционной формой смены властвующих элит до сих пор являются не демократические выборы, а военные перевороты. Кроме того, жесткая обратная связь исключает безответственную словесную критику руководящего звена, наиболее характерную для любой формы демократической парламентской оппозиции: целесообразное предложение по решению обнаруженной проблемы незамедлительно превращается в практические действия власти, за результат которых персонально отвечает автор предложения; а велеречивое «сотрясание воздуха», не приносящее практических результатов, просто исключается из общественной жизни волевым решением властной элиты. Любая другая форма поведения элиты рано или поздно приводит к отстранению ее от власти, что называется, «явочным порядком» – либо вследствие восстания подданных, жизненные проблемы которых элита в силу своей некомпетентности не способна решить, либо вследствие внешних враждебных воздействий, спровоцированных ослаблением государства, жизненные проблемы которого не решаются некомпетентным руководством.

Таким образом, авторитаризм а) предполагает элиту действующую вместо элиты, красноречиво критикующей промахи соперников; б) исключает возможность действующей элиты уклониться от ответственности за ошибочные властные решения и перейти в оппозицию, чтобы спустя некоторое время снова оказаться «у руля». Подобный подход к организации власти исключает конкуренцию и потому воспринимается как недостаток авторитарной системы. Однако излюбленный аргумент сторонников демократии о «неизбежном вырождении авторитарного руководства» вследствие отсутствия конкуренции элит парадоксальным образом поворачивается в защиту авторитарной политической системы, если взглянуть на ситуацию с организационной точки зрения. Дело в том, что *многочкратно отмеченный в исторической и политологической литературе процесс деградации властных структур со сменой поколений руководителей обусловлен не отсутствием, а напротив – наличием крайне интенсивной конкуренции между лицами и группировками, борющимися за власть*⁵⁶⁹. Поскольку *главной целью конкурентной борьбы является устранение соперников абсолютно любыми способами*, то со сменой поколений наилучшие шансы занять руководящее положение получают вовсе не профес-

⁵⁶⁹ Наглядные примеры аппаратных интриг в авторитарной политической системе изложены, в частности, А.А. Зиновьевым (см.: Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994. С. 86–87; Он же. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. С. 218–219).

сионалы-организаторы, а профессионалы-интриганы, воспринимающие власть не как инструмент для управления общественной системой, а как **конечную цель** своей деятельности и в силу этого малокомпетентные в действительной организаторской работе, ибо все их силы и способности направлены исключительно на «подковерную борьбу». Несколько циклов смены правящей элиты по такому алгоритму как раз и обеспечивают «вырождение авторитарного руководства». Таким образом, критики авторитаризма, отмечая данную его особенность, просто приписывают этой организационной модели качества, ей по природе не свойственные: в основе авторитаризма, как отмечал Богданов в «Науке об общественном сознании» (1914), изначально лежал авторитет компетентного руководителя, достигнутый путем общественно полезной деятельности по организации совместной работы людей в пределах общины, страны или предприятия. Соответственно этому организационному принципу, авторитарная власть устойчива лишь до тех пор, пока подтверждает своей деятельностью достигнутый, а не навязанный авторитет среди управляемых людей⁵⁷⁰.

С авторитарной системой сотрудничества также связана особая – регулируемая внерыночная – хозяйственная система. Однако если для западных неолиберальных экономистов и философов термин «внерыночный» является простым синонимом для понятий «неэффективный» и «плохой», то с тектологической точки зрения здесь можно обнаружить отсутствие дезингрессий, характерных для рынка. Прежде всего, внерыночный характер государственного регулирования хозяйственной деятельности существенно ослабляет негативные проявления конкуренции и, стало быть, «отключает» механизм «отрицательного общественного подбора», ответственный не только за деградацию властной элиты, но и за дезорганизацию хозяйственной жизни. Конечно, это не значит, что регулируемая хозяйственная система является идеальной – ее недостатки неоднократно критиковались приверженцами самых разных взглядов, которые были согласны примерно в следующем: внерыночная система производства и распределения бюрократизирована и в силу этого консервативна; по этой главной причине она неизбежно ограничивает номенклатуру продукции определенным «стандартным набором» жизненных благ и не стремится к расширению ассортимента, медленно реагирует на колебания спроса, практически не занимается изучением рынков сбыта, не борется за потребителя, т.е., в конечном итоге не развивается так интенсивно и динамично, как производственная система, ориентированная на рынок.

Критические выпады сторонников рыночных отношений, к сожалению, оставляют без внимания *базисную функцию производства в любых социально-исторических условиях – удовлетворение жизненных потребностей людей, составляющих общество*. Соображения «рентабельно-

⁵⁷⁰ См.: Богданов А.А. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1914. С. 57, 71–72, 79–81, 88–93; Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 72.

сти», «прибыльности», «конкурентоспособности» и прочих категорий современной рыночной экономики имеют к этой базисной функции весьма опосредованное отношение, во-первых, потому, что являются факторами, производными от четко определенных условий «либерально-рыночного демократического капитализма» (здесь, кстати, не лишним будет вспомнить, что производство существовало *очень задолго* до возникновения механизмов рыночного обмена вообще и капиталистического рынка в частности), во-вторых, потому, что в ситуациях крупномасштабных социально-экономических катастроф (наподобие тех, которые происходили в XX в.) «рентабельность» и пр. вместе с обуславливающим их рыночным распределением отходили на задний план функционирования общественного хозяйства, но производство при любых потрясениях продолжало оставаться *основой хозяйственной жизни социума, а именно совокупностью средств и методов организованного жизнеобеспечения людей.*

При таком взгляде на производство утрачивает определяющий смысл та специфическая «прибылеориентированность», которая присуща рыночной экономике, поскольку для решения задачи жизнеобеспечения общества требуется точно установленный набор условий:

а) *высококвалифицированная рабочая сила* с универсальной подготовкой, создающей возможности оперативной взаимозамены работников без ущерба для производственного процесса и, соответственно, *для бесперебойного жизнеобеспечения*; такие явления, как «конкуренция между работниками на рынке труда», принципиально исключаются, поскольку производственная система стремится к максимальному поглощению рабочей силы и ее наиболее интенсивному использованию (иными словами, для «экономики жизнеобеспечения» просто нет «лишних» работников – в той или иной степени будет востребован любой, и значение имеет уже не стоимость, а только качество его труда);

б) *хозяйственная система*, которая обеспечивает каждого члена общества оптимальным объемом жизненных благ с определенным избытком, покрывающим индивидуально обусловленные диспропорции в потреблении; критерием эффективности этой системы является не уровень прибыли (последний может в широких пределах меняться за счет сугубо бухгалтерских манипуляций с ценой и порядком отпуска продукции, а также за счет воздействия на психику потребителей с помощью рекламы), а *качество насыщения реальных жизненных потребностей людей*; именно такое насыщение обеспечивает подлинную социальную стабильность, исключая такую форму дезорганизации общественного хозяйства, как периодические «экономические кризисы»;

в) *распределительная система*, которая обеспечивает своевременное удовлетворение жизненных потребностей каждого в полном объеме; критерием эффективности этой системы является опять-таки не прибыль (нередко достигаемая в рыночных условиях за счет сокращения или расширения предложения путем простого удержания товарной массы на складах

или ее непредсказуемого для потребителей «выброса» в продажу), а *уровень доступности базовых жизненных благ для рядовых граждан*.

При наличии перечисленных условий формируется устойчивая хозяйственная система, ориентированная на рост производства жизненных благ пропорционально демографическому приросту населения, развитию технологий производства, транспорта и связи. В основе такой ориентации лежит естественный механизм удовлетворения биологических и социальных потребностей человека: своевременное насыщение ослабляет их на определенное время, практически не порождая новых аналогичных (классический пример – на воздух и воду человек обращает внимание лишь тогда, когда их недостаточно для жизни или их качество снижается до неприемлемого уровня); так что при надлежащем качестве жизнеобеспечения индивид с сознанием, не деформированным рекламными манипуляциями, приобретает лишь те виды товаров и услуг, которые *действительно* необходимы ему для жизни в обществе. Объем товаров и услуг в авторитарных государствах с внерыночной экономикой может быть и меньше, и больше, чем в рыночных демократиях. Этот параметр экономической системы определяется исключительно степенью развития производства и уровнем благосостояния страны, а не моделью организации общественного хозяйства: ведь к авторитарным внерыночным режимам относятся не только такие традиционно бедные страны, как Северная Корея или Иран, но и такие богатые государства, как Бахрейн и Саудовская Аравия; а в стане рыночных демократий сверхбогатые США соседствуют с такими скромными по уровню общественного благосостояния государствами, как Греция и Турция, не говоря уже о Грузии или Эстонии.

Третьим элементом в связке с политической властью и хозяйственной системой является идеология, фиксирующая закономерности политики и экономики в общественном сознании. Если для «рыночных демократий» такой идеологией является либерализм, то для «внерыночного авторитаризма» это будет принципиально иной мировоззренческий принцип, который А.А. Богданов называл *«коллективизмом»*. Вопрос о либерализме, по мысли создателя «Тектологии», снимется сам собой, если учитывать, что при организации в духе коллективизма «все общество становится одним предприятием»⁵⁷¹. А это значит, что в подобного рода мегакорпорации, как и в частном капиталистическом предприятии, система сотрудничества «не может быть иной, кроме как централистической»⁵⁷², т.е. авторитарной, что диктуется в обоих случаях одной и той же задачей – сохранить и приумножить богатство (в одном случае производителей, в другом владельцев предприятия). Разница определяется лишь *качеством организованности системы*: «То, что при капитализме достигается стихийно спросом со стороны рынка, здесь (при коллективизме – А.Л.) достигается сознательно

⁵⁷¹ Богданов А.А. Коллективистический строй // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 301.

⁵⁷² Там же. С. 302.

спросом со стороны общества»⁵⁷³. Поэтому «в царстве капитала, конкуренции, классовой борьбы, постоянных конфликтов между интересами личностей и коллективов <...> трудно и представить себе иной способ централизации, кроме подчинения», зато «при однородном, товарищеском сотрудничестве центральное объединение не основывается на власти»⁵⁷⁴, поскольку идеология коллективизма призвана нейтрализовать порождаемую авторитаризмом дезингрессию между правящими и управляемыми группами: пока властвующие и подчиненные делают одно и то же дело и имеют одинаковое представление о целях и методах его выполнения, непонимание между этими группами практически исключено – более того, властвующие постоянно укрепляют свой авторитет благодаря многократному проявлению высокой компетентности в решаемых вопросах (соответственно, при обособлении групп они быстро становятся, по меткому выражению Ф. Лассаля, «взаимно идиотами»⁵⁷⁵ – это и есть наиболее опасная из дезингрессий авторитарного управления).

Ключевые принципы коллективизма несовместимы с либерализмом – не в последнюю очередь потому, что базируются на практических закономерностях социального взаимодействия, в соответствии с которыми «свобода» в традиционно-либеральном понимании вообще не может существовать в жизни человека и общества, поскольку любой акт сотрудничества людей неизбежно налагает на них определенные ограничения. В противовес такому расплывчатому принципу «свободы» (которую при отсутствии объективных критериев каждый волен трактовать по-своему, доводя иной раз до абсурда) коллективизм предлагает принцип *развития личности для служения обществу*: совершенствование имеющихся способностей человека, обретение новых знаний, умений и навыков – это свойства, поддающиеся объективной оценке, а в некоторых случаях даже количественному измерению.

Аналогичным образом, либеральные «права человека» в рамках идеологии коллективизма заменяются идеей *ответственности человека перед обществом*: лишь тот, кто своей деятельностью приносит другим людям реальную пользу, имеет право на получение жизненных благ в количестве, достаточном для жизнеобеспечения его самого и его близких, по разным причинам не способных к общественно-полезной деятельности; таким образом, за полученные блага каждый рассчитывается результатами своего труда, мерой которого является необходимость жизнеобеспечения. Конечно, такой подход к социальному взаимодействию противоречит моральным нормам современного «общества потребления» с его ориентацией на повышение уровня личного богатства и обладание престижными вещами, но, как показывает практика стран, не входящих в сферу западной культуры, воспитание ответственности перед обществом формирует более

⁵⁷³ Богданов А.А. Коллективистический строй // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 303.

⁵⁷⁴ Там же. С. 301

⁵⁷⁵ Цит. по: Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 327.

продуктивную личность: например, неслучайно на международных олимпиадах по физике и математике уже более 30 лет подряд призы достаются учащимся из Юго-Восточной Азии, ориентированным не на личные права, а на ответственность перед семьей и государством.

Наконец, действительной альтернативой «общечеловеческим ценностям» либерального сознания становится *стратегия целесообразного сотрудничества*, в рамках которой каждый вовлеченный в социальное взаимодействие человек вносит свой трудовой вклад в общее дело, опираясь на свои способности и ответственность перед теми, кто оказал ему доверие и вступил во взаимодействие. Правда, авторитарная государственная власть нередко использует параллельно этой идеологии *сравнительную оценку социальной полезности разных видов труда*. Главными критериями такой оценки, как правило, служат степень сложности подготовки работника и влияние конкретного вида труда на систему жизнеобеспечения общества. Такой формально-бюрократический подход представляет собой идеологическое отражение авторитарной дезинтеграции между властвующими и подчиненными и потому наиболее интенсивно проявляется в тех областях деятельности, которые наименее связаны с процессами непосредственного жизнеобеспечения и выполняют по отношению к этим процессам служебную функцию.

Таким образом, организационная триада «жизнеобеспечение-авторитаризм-коллективизм» обладает четко определенными эмпирическими признаками, которые в соответствии с богдановской концепцией характеризуют путь развития реального большинства тех стран современного мира, где:

1) хозяйственная система, ориентированная на *жизнеобеспечение населения*, формирует сбалансированное по отраслям производство и вне-рыночную систему распределения, гарантирующую доступность основных жизненных благ каждому члену общества; общественное хозяйство в этой ситуации устойчиво развивается, наращивая производство вместе с ростом населения и внедрением более прогрессивных технологий (кроме прочего, это означает менее интенсивное воздействие на окружающую среду);

2) политическая система, основанная на принципах *авторитарного управления*, не перерастающего в деспотию или тоталитаризм, обеспечивает нормальный подбор управленческих кадров: к власти допускаются не мастера демагогических предвыборных обещаний, а квалифицированные профессионалы, воспринимающие власть не как средство обогащения, а как сложную и хорошо оплачиваемую работу; при высоком уровне профессионализма властвующих политические кризисы превращаются в экзотическое явление (профессионализм предполагает оперативную, адекватную и эффективную реакцию на сигналы обратной связи от управляемого населения; в этой ситуации никакие посредники вроде политической оппозиции просто не будут востребованы обществом);

3) *идеология коллективизма*, базирующаяся на идеях развития лич-

ности ради служения обществу, ответственности человека перед обществом и целесообразного сотрудничества, обеспечивает практическую организацию людей для совместной социально-полезной деятельности, причем не только в рамках государственных проектов, но и в повседневных делах; конфликты граждан с общественной и государственной системой в целом – большая редкость, а столкновения с отдельными представителями авторитарного государства не имеют крупномасштабных деструктивных последствий.

Вследствие названных выше особенностей триада «жизнеобеспечение-авторитаризм-коллективизм» демонстрирует устойчивость не только в «тепличных» условиях мира и стабильности, но и в ситуациях войн и катастроф. Более того, попытки дезорганизовать основанное на этой триаде общество путем не прямых внешних воздействий (наподобие пропаганды, агитации и даже культурной интервенции) обречены на провал: реальное большинство населения страны попросту отвергает ту информацию, которая не соответствует его жизненному опыту и усвоенным идеологическим нормам, а нестойкое к внешним воздействиям меньшинство («оппозиция», «диссиденты» и т.п.), как правило, не обладает достаточной силой, чтобы на деле противостоять государственной власти.

Наиболее показательным примером такой устойчивости могут служить события в Китае: ни массовые выступления на площади Тяньаньмэнь 27 апреля – 4 июня 1989 г., ни тибетские и уйгурские волнения 2008 г., ни гонконгская «революция зонтиков» 2014 г. не изменили течения жизни в стране, а количество пострадавших в каждом из названных инцидентов исчислялось лишь сотнями при том, что население соответствующих регионов, заинтересованное в стабильной жизни, превосходит эту величину в десятки тысяч раз. Необходимо признать, что гибель или увечие даже одного человека – это трагедия, для предотвращения которой следует делать все возможное, и неважно, стал первопричиной произошедшего несчастия политический протест, стихийное бедствие, неизлечимая болезнь или иное опасное явление. Однако нельзя забывать и о том, что в условиях авторитарного управления оппозиция не имеет ни права, ни возможности быть неконструктивной, ставящей смутные протестные эмоции и толком не оформившееся желание неопределенных перемен выше рационального плана по устранению обнаруженных недостатков государственной политики. *Политическая борьба без четко сформулированной и обоснованной цели* выглядит не как естественное стремление некоего «прогрессивного меньшинства» «обрести свободу от тирании», а как покушение на образ жизни действительного большинства граждан *при отсутствии осознанного представления о последствиях данного шага*. Подтверждающим примером здесь могут послужить события на Украине, начавшиеся в 2014 г. после так называемого «Евромайдана».

Конечно, триада «жизнеобеспечение-авторитаризм-коллективизм» не идеальна: сторонников демократических идей (не говоря уже о привер-

женцах либеральной идеологии) от нее оттолкнет большой объем властных полномочий государства, а увлеченные потребительским образом жизни ужаснутся неизбежным ограничениям потребления или даже полным отсутствием «брендовых» (т.е. знаково-символических) вещей при достаточном количестве обыкновенных. Но в свете произошедшего в мире за последние десятилетия подобные аспекты данной триады представляются не слишком высокой платой за кризисоустойчивость и безопасность существования рядового гражданина.

Источники и литература

- 1 2014-й: год скачка вперед // Корея. Пхеньян, 2014. — №12. С. 6–7.
- 2 Абалкин Л.И. Тектология Богданова: на пути к новой парадигме // Вопросы философии. М., 1995. №8. С. 3–7.
- 3 Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. 286 с.
- 4 Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации. СПб.: Питер, 2007. 384 с.
- 5 Антонов М. От капитализма – к тоталитаризму! Глава 9. «Чучхе» против «чэболов»: вызов мировому либерализму [Электронный ресурс] http://m-antonov.chat.ru/from_to/part_09.htm Время доступа 11 марта 2019 г.
- 6 Базаров В.А. А.А. Богданов (Малиновский) как мыслитель {и популяризатор} (1873–1928) // Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 106–123.
- 7 Бердяев Н.А. Заметка о книге г. Богданова «Познание с исторической точки зрения» // Вопросы философии и психологии. СПб., 1902. Кн. 64. С. 848–849.
- 8 Берем на себя социалистическое строительство // Корея. Пхеньян, 2012. №8. С. 16–17.
- 9 Бир С. Мозг фирмы. М.: Радио и связь, 1993. 413 с.
- 10 Бир С. Кибернетика и управление производством. М.: Гос. изд-во физико-математич. лит-ры, 1963. 275 с.
- 11 Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 479 с.
- 12 Богданов А.А. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1914. 220 с.
- 13 Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Финансы, 2003. 496 с.
- 14 Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России. М.: Собрание, 2006. 288 с.
- 15 Булгаков С.Н. История социальных учений в XIX веке. 2-е изд. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1913. 402 с.
- 16 Бухарин Н.И. Памяти А.А. Богданова (речь на гражданской панихиде) // Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2 кн. Кн. 2. М.: 1989. С. 345–347.
- 17 Бушмелев Г.А., Злобин П.Ф., Сударикова А.А. Киров Сергей Миронович // Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Т. 12. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 183–185.
- 18 Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Изд-во «Лань», 1999. 480 с.

- 19 Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм – новая цивилизация? В 2 т. М.: Соцэкгиз, 1937.
- 20 Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970. 412 с.
- 21 Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991. 718 с.
- 22 Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М.: Наука, 1962. 483 с.
- 23 Вопросы и ответы по идеям сонгун. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 2012. 64 с.
- 24 Вопросы и ответы по идеям чучхэ. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 2012. 71 с.
- 25 Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 1991. 624 с.
- 26 Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005. 656 с.
- 27 Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1991. 524 с.
- 28 Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М.: Знаменский и К°, 1912. XXIX, 576 с.
- 29 Гильфердинг Рудольф // Большая Советская энциклопедия. Т. 6. М.: Сов.энциклопедия, 1971. С. 523.
- 30 Гловели Г.Д., Пустильник С.Н. Сотри случайные черты // Химия и жизнь. М., 1990. №12. С. 11–19.
- 31 Гортер Г. Исторический материализм. 2-е изд. М.: Красная новь, 1924. 170 с.
- 32 Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918–1920). М.: Госвоениздат, 1932. XLVIII, 248 с.
- 33 Ёлкина С.И. Орджоникидзе Григорий Константинович (Серго) // Большая Советская энциклопедия. В 30 т. Т. 18. М.: Советская энциклопедия, 1974. С. 494–495.
- 34 Завенягин Авраамий Павлович // Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Т. 9. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 267.
- 35 Записки белогвардейца-лейтенанта N.N. // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 56–113.
- 36 Земсков В.Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. М.: Алгоритм, 2014. 240 с.
- 37 Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. 460 с.
- 38 Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф, 1994. 494 с.
- 39 Зубарев Д.Н. Пригожина теорема // Большая Советская энциклопедия. В 30 т. Т. 20. М.: Сов. энциклопедия, 1975. С. 566.
- 40 Ильф И., Петров Е. Необыкновенные страдания директора завода // Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 3. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1961. С. 236–242.

- 41 Иоффе Г.З. Юлий Осипович Мартов // На рубеже веков. Исторические портреты. М.: Политиздат, 1991. С. 281–295.
- 42 Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. 360 с.
- 43 Каутский К. От демократии к государственному рабству. Берлин: Изд-во журнала «Социалистический Вестник», 1922. 448 с.
- 44 Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. М.: Голос, 1992–1994.
- 45 Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. М., 1993. № 2. С. 38–51.
- 46 Ковальчук М.В., Нарайкин О.С., Яцишина Е.Б. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития // Вопросы философии. М., 2013. № 3. С. 3–11.
- 47 Конституция Корейской народно-демократической республики. Статья 25. Источник: Naenara [электронный ресурс] URL: <http://www.naenara.com.kp/ru/politics/?rule+3> Время доступа: 12 августа 2019 г.
- 48 Конституция Корейской народно-демократической республики. Статья 45. Источник: Naenara [электронный ресурс] URL: <http://www.naenara.com.kp/ru/politics/?rule+4> Время доступа: 12 августа 2019 г.
- 49 Корея // Большая Советская энциклопедия. Т. 13. М.: Сов. энциклопедия, 1973. С. 171 – 172.
- 50 Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990. 608 с.
- 51 Костюк В.Н. Изменяющиеся системы. М.: Российская академия наук, 1993. 344 с.
- 52 Кравченко А.И. Социология: учебник для вузов. 4-е изд. М.: Академический проспект, 2002. 507 с.
- 53 Кто должник? К вопросу о франко-советских отношениях. М.: Авио-издательство, 1926. 587 с.
- 54 Кутлер Николай Николаевич // Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Т. 14. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 58.
- 55 Ларичев О.И. Наука и искусство принятия решений. М.: Наука, 1979. 200 с.
- 56 Лацис О.Р. Выйти из квадрата. Заметки экономиста. М.: Политиздат, 1989. 416 с.
- 57 Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Изд. группа Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 372 с.
- 58 Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 1–120.
- 59 Лисовский Ю. Лагерь Ля-Куртин // Архив русской революции. Т. 17. Берлин, 1926. С. 256–279.

- 60 Литвинов М.А. История крепостного права в России. М.: Типография М.В. Клюкина, 1897. 368 с.
- 61 Лихачев Иван Алексеевич // Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Т. 14. М.: Сов. энциклопедия, 1973. С. 569.
- 62 Любутин К.Н. Российские версии философии марксизма: Александр Богданов // Вопросы философии. М., 2003. №9. С. 76–91.
- 63 Макаревич Э., Карпухин О. Игры интеллигентов, или Социальный контроль масс. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 478 с.
- 64 Максимович Г.В. Беседы с академиком В.М. Глушковым. 2-е изд., перераб. М.: Молодая гвардия, 1978. 224 с.
- 65 Малиновский А.А. Тектология. Теория систем. Теоретическая биология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 448 с.
- 66 Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 445 с.
- 67 Маркс К. Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. С. 422–441.
- 68 Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга 1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 5–784.
- 69 Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 400–421.
- 70 Маркс К. Об освобождении крестьян в России // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1958. С. 692–701.
- 71 Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 41–174.
- 72 Мельгунов С.П. Красный террор в России. М.: СП «PUICO», P.S., 1990. 208 с.
- 73 Месарович М.Д. Общая теория систем и ее математические основы // Исследования по общей теории систем. Сб-к переводов / под ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 165–180.
- 74 Моисеев Н.Н. Человек, среда, общество: проблемы формализованного описания. М.: Наука, 1982. 240 с.
- 75 Мошенский С.З. Рынок ценных бумаг. Трансформационные процессы. М.: Экономика, 2010. 239 с.
- 76 Мстиславский П.С. Голод // Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Т. 7. М.: Сов. энциклопедия, 1972. С. 32.
- 77 Народная система здравоохранения // Naenara [электронный ресурс] <http://www.naenara.com.kp/ru/politics/?health> Время доступа: 12 августа 2019 г.
- 78 Неизвестный Богданов. В 3 кн. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995.
- 79 Немчинов А. Олигархи в черных мундирах. М.: Яуза, 2005. 352 с.
- 80 Общественные движения в Средние века и в эпоху Реформации. СПб.: Типо-Литография А. Лейферта, 1901. VI, 557 с.

- 81 Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М.: ТЕРРА, 1992. 640 с.
- 82 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат, 1991. 492 с.
- 83 Первый Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. Т. 1: Заседания 5–11 июня 1917 г. М.; Л.: Госиздат, 1930. XXVIII, 484 с.
- 84 Передовики в создании корейских темпов // Корея. Пхеньян, 2015. №4. С. 16–18.
- 85 Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. Т. 21. Берлин, 1934. С. 5–467.
- 86 Пламя новаторства. Ранкранская фабрика инвалидов военной службы по производству пластмассовых бытовых товаров // Корея. Пхеньян, 2012. №1. С. 36–37
- 87 Плюто П.А. Время и люди (Из архивов А.А. Богданова) // Социс. 1992. №11. С. 133–142.
- 88 Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
- 89 Поршнев Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М.: Наука, 1970. 387 с.
- 90 Пригожин А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. 2-е изд., испр. М.: ЛЕНАНД, 2015. 400 с.
- 91 Пригожин И., Стернгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 431 с.
- 92 Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 17. С. 5–169.
- 93 Рыбопромысловая база у Корейского Восточного моря // Корея. Пхеньян, 2014. №7. С. 10–11.
- 94 Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск: [Б.и.], 2008. 438 с.
- 95 Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Система // Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 1970. С. 20.
- 96 Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М.: Юридич. литература, 1991. 384 с.
- 97 Сироткин В.Г. Предисловие к мемуарам М. Палеолога // Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Международные отношения, 1991. С. 5–16.
- 98 Современное положение сельского хозяйства в России // Наука и жизнь. 1891. №31. Перепечатано в: Наука и жизнь. М., 1991. №8. С. 58
- 99 Создается новая история золотого моря. Рыбпромхоз №18 567-й воинской части КНА // Корея. Пхеньян, 2015. №2. С. 24–25.
- 100 Сотворение мира на земле Расона // Корея. Пхеньян, 2015. №12. С. 32–33.

- 101 Социальная демократия в России: исторические аспекты. Реф. сб. М.: Б. и., 1994. 194 с.
- 102 Социально-экономическая система КНДР // Naenara [электронный ресурс] URL: <http://www.naenara.com.kp/ru/politics/?economy> Время доступа: 12 августа 2019 г.
- 103 Стариков Н. Кризис: Как это делается. СПб.: Лидер, 2010. 304 с.
- 104 Стейнбек Д. Гроздь гнева // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М.: Правда, 1989. С. 5–478.
- 105 Суслина С. Государственное регулирование экономики: опыт Республики Корея. [Электронный ресурс] <http://www.reforms.ru/indexpub105.htm> Время доступа 19 августа 2019 г.
- 106 Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3 т. М.: Политиздат, 1991.
- 107 Тощенко Ж.Т. Предмет и структура социологии труда // Социс. М., 2003. №3. С. 48–55.
- 108 Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Мюнхен: Явь и быль, 1948. 275 с.
- 109 Уважаемый Ким Чен Ын – на заводе «8 октября» // Корея. Пхеньян, 2014. №11. С. 1.
- 110 Уважаемый Ким Чен Ын – на пищевой фабрике №354 КНА // Корея. Пхеньян, 2014. №1. С. 1.
- 111 Уткин А.И. Как пережить кризис. М.: Яуза; Эксмо, 2006. 316 с.
- 112 Уткин А.И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004. 619 с.
- 113 Уэллс Г. Россия во мгле // Уэллс Г. Сочинения. В 15 т. Т. 15. М.: Правда, 1964. С. 315–376.
- 114 Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н.Ельцина, 2008. 336 с.
- 115 Фолсом Б. Новый курс или кривая дорожка. Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию. М.: Мысль, 2012. 351 с.
- 116 Форрестер Дж. Антиинтуитивное поведение сложных систем // Современные проблемы кибернетики. М., 1977. №7. С. 9–25.
- 117 Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
- 118 Хинштейн А., Мединский В. К.Р.И.З.И.С. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 461 с.
- 119 Чернявский Г.И. Франклин Рузвельт. М.: Мол. гвардия, 2012. 540 с.
- 120 Чхеидзе Н.С. Речь на Государственном совещании // Государственное совещание. Стенографический отчет. М.–Л.: Госиздат, 1930. С. 77–86.
- 121 Шипицын Е.В., Попков В.В., Берг Д.Б.. Анализ финансового рынка в рамках t – J модели физики твердого тела // Вестник Международного Института Богданова [Электронный ресурс] URL: https://web.archive.org/web/20170718020511/http://bogdinst.ru:80/vestnik/v16_05.htm Время доступа 12 августа 2019 г.

- 122 Шишков Ю. Упущенный шанс // Наука и жизнь. М., 1991. №10. С. 70–79; №11. С. 2–11.
- 123 Шустов А.В. 100 лет триумфа: ФРС США и Начало американской эпохи. СПб.: [Б.м.], 2013. 124 с.
- 124 Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 5–338.
- 125 Яхонтов А. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров – 16 июля–2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1926. С. 5–136.
- 126 Adams M. Red Star. Another Look at Alexander Bogdanov // Slavic Review. 1989. 48(1). P. 1–15.
- 127 Edwards P.M. Historical Dictionary of the Korean War. Lanham: Scarecrow Press, 2010. 510 p.
- 128 Export Control Act (1949) // WHAT-WHEN-HOW. [электронный ресурс].<http://what-when-how.com/the-american-economy/export-control-act-1949/> Время доступа 11 марта 2019 г.
- 129 Mattessich R. The System Approach: Its Variety of Aspects // Journal of the American Society for Information Science. November 1982. P. 383–394.
- 130 Tirman J. The Deaths of Others: The Fate of Civilians in America's Wars. Oxford: Oxford University Press, 2011. 416 p.

Луценко Антон Виленович

**Методика системного тектологического анализа А.А. Богданова:
теория «военного коммунизма» и реальность**

Монография

Научный редактор:

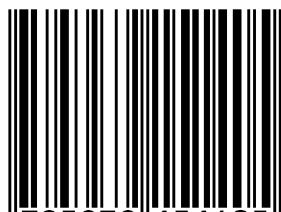
доктор исторических наук, профессор В.П. Зиновьев (НИТГУ)

Редактор: Ворожейкина М.В.

Подписано к печати____ Формат 60x84/32.
Гарнитура TimesNewRoman. Бумага писчая №2.
Плоская печать. Усл. печ. л. 10,87. Уч. изд. л. 9,84.
Тираж 30 экз. Заказ_____

Отпечатано в ИПО СТИ НИЯУ МИФИ
636036, Томская обл., г. Северск,
пр. Коммунистический, 65.

ISBN 978-5-93915-140-5

9 785939 151405